

ЛЮБИМОЕ ЧТЕНИЕ

ЭЛНОР
ПОРТЕР

ПОЛЛИАННА ВЫРАСТАЕТ

Annotation

Поллиана, любимая героиня множества девчонок, подросла. И, как всякая молодая девушка, влюбилась.

Сколько всего придётся пережить юному сердцу! Но даже в самые трудные моменты Поллиана не забудет свою знаменитую «игру в радость»!

- [Элинон Портер](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14 ДЖИММИ И «ЧУДИЩЕ С ЗЕЛЕНЫМИ ГЛАЗАМИ»\[12\]](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27 ДЕНЬ, КОГДА ПОЛЛИАННА НЕ ИГРАЛА](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)

- [Глава 30ДЖОН ПЕНДЛЕТОН ПОВОРАЧИВАЕТ КЛЮЧ](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [notes](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
-

Элинор Портер
Поллианна вырастает

Глава 1

ДЕЛЛА ВЫРАЖАЕТ СВОЕ МНЕНИЕ

Делла Уэтерби легко взбежала по внушительным ступеням дома на Коммонуэлс-авеню, принадлежавшего ее сестре, и энергично нажала на кнопку электрического звонка. От украшавших маленькую шляпку перьев и до носков изящных туфелек на низком каблуке вся ее фигура словно излучала здоровье, бодрость, решительность. Даже в самом ее голосе, когда она поздоровалась с открывшей дверь горничной, звучала неподдельная радость жизни.

— Доброе утро, Мэри. Сестра дома?

— Д-да, мэм, миссис Кэрю дома, — нерешительно произнесла горничная. — Но... она распорядилась никого к ней не впускать.

— Вот как? Да только я-то ведь не «никто», — улыбнулась мисс Уэтерби. — Так что меня она примет. Не бойся — всю вину возьму на себя, — добавила она в ответ на испуганный взгляд горничной. — Где она? В своей комнате?

— Да мэм, но... она сказала... Однако мисс Уэтерби уже поднималась по широкой лестнице. Горничная отвернулась и, бросив через плечо последний, полный отчаяния взгляд, ушла.

Тем временем, поднявшись на второй этаж, Делла решительным шагом подошла к полуоткрытой двери и постучала.

— Мэри, — отозвался страдальческий голос, в котором явственно слышалось: «Ах, ну что там еще?» — Разве я не... Ах, Делла! — И голос неожиданно смягчился, в нем зазвучали радость и удивление. — Дорогая, как ты здесь очутилась?

— Ну конечно, это я, — весело улыбнулась Делла, которая уже была посередине комнаты, на полпути к креслу сестры. — Я проводила воскресенье на побережье вместе с двумя другими сестрами милосердия, а теперь возвращаюсь в санаторий на работу. Так что, хоть я и здесь, это ненадолго. Я зашла, чтобы... вот, — закончила она, сердечно целуя обладательницу страдальческого голоса.

Миссис Кэрю нахмурилась и несколько холодно отстранилась. Едва заметные радость и оживление, появившиеся за минуту до этого на ее лице, исчезли, уступив место явно ставшим уже привычными угрюмостями и недовольству.

— Ну разумеется! Мне следовало бы уже запомнить, — сказала она, — что ты никогда не задерживаешься... здесь.

— Здесь! — Делла с веселым смехом воздела руки, но затем неожиданно взглянула на сестру по-другому — серьезно и нежно. — Рут, дорогая, я не смогла бы — попросту не смогла бы жить в этом доме... И ты это хорошо знаешь, — добавила она мягко. Миссис Кэрю раздраженно передвинулась в своем кресле.

— Право, не понимаю почему.

Делла покачала головой.

— Прекрасно понимаешь, дорогая. Ты же знаешь, как мне не по душе все это: уныние, отрешенность, упрямое желание страдать и вечно испытывать горечь.

— Но я действительно страдаю и испытываю горечь.

— Напрасно.

— Почему? Разве есть в моей жизни хоть что-нибудь, что может заставить меня испытывать иные чувства?

Делла нетерпеливо и с досадой махнула рукой.

— Послушай, Рут, — начала она. — Тебе тридцать три года. Ты совершенно здорова — или, точнее, *была бы* совершенно здорова, если бы вела себя так, как должна вести, — и свободного времени у тебя полно и денег избыток. И без сомнения, всякий скажет тебе, что ты вполне можешь найти занятие получше, чем сидеть сложа руки и хандрить в этом похожем на склеп доме, никого к себе не впуская.

— Но я *не хочу* никого видеть.

— На твоём месте я *заставила бы* себя этого захотеть.

Миссис Кэрю утомленно вздохнула и отвернулась.

— Делла, неужели ты не можешь понять? Мы с тобой разные. Я не в силах... забыть.

На лице Деллы промелькнула тень страдания.

— Я полагаю, ты говоришь о Джейми. Нет, дорогая, и я не забыла. И не могла бы забыть. Но вечная печаль и тоска не помогут нам... найти его.

— Как будто я не искала его все эти долгих восемь лет — и отнюдь не с помощью печали и тоски! — негодуяще воскликнула миссис Кэрю, подавляя рыдание.

— Конечно, конечно, дорогая, ты искала его, — поспешила успокоить ее сестра, — и мы будем продолжать поиски вдвоем, пока не найдем его... или до самой смерти. Но то, что ты делаешь сейчас, не приносит никому никакой пользы.

— Но ничего другого мне делать не хочется, — пробормотала Рут

уныло.

На минуту в комнате воцарилось молчание. Делла озабоченно и с досадой смотрела на сестру.

— Рут, — сказала она наконец, чуть раздраженно, — прости меня за этот вопрос, но неужели же ты собираешься вести такую жизнь до конца своих дней? Да-да, я знаю, ты вдова, но замужем ты была всего лишь год, а твой муж был намного старше тебя. Ты была тогда совсем юной, и тот один короткий год должен бы казаться тебе теперь не более чем сном. И, разумеется, один-единственный год не должен испортить тебе всю оставшуюся жизнь!

— Ах нет, дело не в том, — пробормотала миссис Кэрю все так же уныло.

— Тогда неужели ты собираешься всегда оставаться *такой* ?

— Вот если бы я могла найти Джейми...

— Да-да, я знаю, но... Рут, дорогая, разве никто и ничто на свете, кроме Джейми, не может сделать тебя хоть сколько-нибудь счастливой?

— Похоже, что нет, — вздохнула миссис Кэрю с равнодушным видом.

— Рут! — почти с гневом вскричала сестра, но тут же рассмеялась. — Ох, Рут, Рут, как я хотела бы дать тебе хорошую дозу Поллианны! Пожалуй, никто другой не нуждается в ней больше, чем ты!

Миссис Кэрю бросила на сестру несколько высокомерный взгляд.

— Не имею ни малейшего понятия о том, что это за «поллианна», но в любом случае — знай, что я в ней совершенно не нуждаюсь, — заявила она, в свою очередь рассердившись. — И не забывай, пожалуйста, что здесь не твой любимый санаторий, а я не пациентка, чтобы ты могла мною командовать и пичкать меня всякими лекарствами! — В глазах Деллы зажглись веселые огоньки, но на губах не появилось и тени улыбки.

— Нет, дорогая, Поллианна не лекарство, — сказала она серьезно, — хотя некоторые и утверждают, что она действует как укрепляющее средство. Поллианна — это девочка.

— Ребенок? Ну откуда же мне было знать? — возразила сестра, все еще обиженно. — Ведь есть у вас «белладонна», так почему же не может быть еще и «поллианны»? К тому же ты часто советуешь мне принять то или иное лекарство, и в этот раз я ясно слышала, что ты произнесла слово «доза», а так всегда говорят о лекарствах.

— Что же, Поллианна и в самом деле своего рода лекарство, — улыбнулась Делла. — Во всяком случае, все врачи в нашем санатории в один голос уверяют, что она помогает пациентам лучше любого укрепляющего средства, какое только можно прописать. Это девочка, лет

двенадцати-тринадцати. Она провела в нашем санатории все прошлое лето и большую часть зимы. Мое знакомство с ней длилось не более одного-двух месяцев, так как я поступила на работу в санаторий незадолго до того, как ее выписали и она вернулась домой. Но и за этот короткий срок она успела меня совершенно очаровать. Да и весь наш санаторий до сих пор не устает говорить о Поллианне и играть в ее игру.

— В ее игру?

— Да, — кивнула Делла с загадочной улыбкой. — Она называется «игрой в радость». Мне не забыть того дня, когда я впервые узнала об этой игре. Одна из назначенных Поллианне процедур, проводившихся по вторникам, была очень неприятной и даже болезненной. И обязанность проводить эту процедуру была возложена на меня. Предчувствия у меня были самые тяжелые, так как по опыту работы с другими детьми я знала, чего можно ожидать: капризов и слез, если не худшего. Но, к моему безграничному удивлению, Поллианна встретила меня улыбкой, сказала, что очень рада мне, и — поверишь ли? — даже ни разу не вскрикнула во время всей процедуры, хотя я знала, что причиняю ей жестокую боль. Вероятно, я невольно выдала свое удивление какой-то фразой, так как она очень серьезно принялась объяснять мне, в чем причина ее поведения: «О да, мне было очень, очень больно... Знаете, раньше я так боялась вторников из-за этой процедуры! А потом мне пришло в голову, что это то же самое, что и дни стирки у Ненси, — и значит, больше всего я должна радоваться именно во вторник, потому что до следующего вторника еще целая неделя!»

— Ну и ну! Очень странно! — Миссис Кэрю сдвинула брови, не совсем понимая, о чем идет речь. — Не вижу тут никакой игры.

— Я тоже не сразу поняла, где здесь игра. Это стало ясно, лишь когда Поллианна рассказала мне о себе. Ее мать умерла, и девочка жила со своим отцом, бедным священником, в одном из западных штатов. Воспитанием ее занималось дамское благотворительное общество, а все вещи она получала из церковных пожертвований. Когда Поллианна была еще совсем крошкой, ей очень хотелось иметь куклу. Бедняжка надеялась, что в очередной посылке с пожертвованиями для бедных будет кукла, но там не оказалось ничего из детских вещей, кроме пары маленьких костылей. Разумеется, узнав об этом, девочка расплакалась, и тогда отец научил ее «игре в радость». Игра заключается в том, чтобы во всем, что с нами происходит, находить что-то такое, чему можно радоваться. Отец сказал, что начать играть можно сразу, — обрадоваться тому, что эти костыли ей *не нужны*. С этого все и началось. Поллианна говорит, что игра просто замечательная и

что она всегда играет в нее с тех самых пор, а чем труднее найти повод для радости, тем интереснее, только иногда это невероятно трудно.

— Очень странно! — пробормотала миссис Кэрю, все еще не до конца понимая, в чем тут дело.

— И ты удивилась бы еще больше, если бы увидела, к каким результатам привело всеобщее увлечение этой игрой в нашем санатории, — заметила Делла, — а доктор Эймс говорил мне, что эта девочка произвела настоящую революцию в том городке, откуда приехала в санаторий. Доктор Эймс близко знаком с доктором Чилтоном, который около года назад женился на тетке Поллианны. Между прочим, этот брак стал возможен именно благодаря девочке. Она помогла влюбленным уладить старую ссору... Когда два или три года назад умер отец девочки, ее отправили на Восток, к тетке. В октябре Поллианна попала под автомобиль, и казалось, что она уже никогда не сможет ходить. В апреле доктор Чилтон привез ее в наш санаторий, где она пробыла до прошлого марта — то есть почти год — и уехала домой совершенно здоровой. Если бы ты только видела ее! Было лишь одно облачко, омрачавшее ее радость, — она жалела, что нельзя пройти весь путь до дома пешком. Говорят, весь городок вышел встречать ее с духовым оркестром и флагами... Но нет — о Поллианне невозможно рассказать, ее нужно видеть! Вот почему я сказала, что хотела бы прописать тебе «дозу» Поллианны. Это принесло бы тебе огромную пользу.

Миссис Кэрю чуть заметно вскинула голову.

— Должна сказать, что расхожусь с тобой во мнении, — ответила она холодно. — Я не нуждаюсь ни в какой «революции», и в моем прошлом нет любовных ссор, которые требовалось бы уладить, а уж если что-то и было бы для меня совершенно невыносимым, так это надутый ребенок с постной физиономией, толкующий мне с важным видом, за что именно должна я благодарить судьбу. Я не выдержала бы...

Но ее прервал звонкий смех.

— Ох, Рут, Рут! — еле смогла выговорить развеселившаяся Делла. — «Надутый ребенок»! Это Поллианна-то? Если бы ты только видела ее! Но так я и знала: о Поллианне невозможно рассказать, ее нужно видеть. А тебе конечно же не хочется ее увидеть. Но... Поллианна — «надутый ребенок» — как бы не так! — И она опять разразилась смехом, однако почти сразу же вслед за этим стала серьезной и устремила на сестру прежний озабоченный взгляд. — Послушай, дорогая, неужели ничего нельзя сделать? — взмолилась она. — Ты не имеешь права губить свою жизнь! Может быть, тебе нужно почаще встречаться с людьми, выходить из дома...

— Зачем, если мне не хочется? Я устала от людей. Ты же знаешь,

общество всегда наводило на меня скуку.

— Тогда почему не попробовать заняться делом? Благотворительностью, например.

У миссис Кэрю вырвался жест нетерпения.

— Делла, дорогая, мы уже не раз обо всем этом говорили. Я даю деньги — и немалые; с меня этого хватит. Боюсь даже, что даю слишком много. Я против того, чтобы превращать людей в нищих побирušек.

— Но, может быть, ты могла бы дать не только денег, но и чуточку... себя самой? — решила мягко заметить Делла. — Если бы ты заинтересовалась чем-либо помимо своей собственной жизни, это очень помогло бы тебе и...

— Делла, — решительно прервала ее миссис Кэрю, — я очень люблю тебя и очень радуюсь всякий раз, когда ты приезжаешь ко мне, но проповедей и нравоучений терпеть не могу. Возможно, это очень хорошо для *тебя* — превратиться в ангела милосердия и подавать страждущим стаканы с холодной водой или бинтовать разбитые головы и все такое прочее. Возможно, благодаря этому *ты* можешь забыть о Джейми. Но я не смогла бы. Я стала бы думать о нем еще чаще: кто подаст воды или забинтует голову нашему бедному мальчику?.. К тому же все это в целом было бы очень неприятно — сталкиваться со всякими такими людьми...

— А ты хоть раз пробовала?

— Я? Нет, конечно нет! — В голосе миссис Кэрю звучали презрение и возмущение.

— Тогда как же ты можешь об этом говорить, если не пробовала? — И молодая сестра милосердия встала, утомленная этим бесплодным разговором. — Мне пора, дорогая. Мы с девушками договорились встретиться на Южном вокзале. Наш поезд отправляется в двенадцать тридцать. Надеюсь, ты на меня не сердишься, — заключила она, целуя сестру на прощание.

— Нет, Делла, я не сержусь, — вздохнула миссис Кэрю, — то если бы ты только могла меня понять!

Минуту спустя, пройдя через безмолвные мрачные залы, Делла вновь оказалась на улице. Походка, выражение лица, весь ее вид — ничто не напоминало ту Деллу, которая легко взбежала по этим же ступеням всего лишь полчаса назад. Бодрость, энергия, жизнерадостность — все куда-то исчезло.

Она прошла полквартиры, безвольно переставляя ноги, затем вдруг запрокинула голову и глубоко вздохнула.

«Одна неделя в этом доме — и я умерла бы, — подумала она с

содроганием. — Не верю, чтобы даже самой Поллианне удалось бы рассеять этот мрак! И обрадоваться она могла бы лишь тому, что ей не придется здесь жить».

Впрочем, как быстро выяснилось, это открыто заявленное неверие в способность Поллианны преобразить дом миссис Кэрю не отражало настоящего мнения Деллы, ибо лишь только она добралась до санатория, как узнала нечто такое, что заставило ее на следующей же день снова преодолеть отделявшие ее от Бостона пятьдесят миль.

В доме сестры все было точно так же, как и накануне. Казалось, что миссис Кэрю даже не двинулась с места с тех самых пор, как Делла покинула ее.

— Рут! — выпалила Делла, едва ответив на удивленное приветствие сестры. — Я просто не могла не приехать! И на этот раз ты должна уступить мне и сделать все так, как я хочу. Слушай! Ты можешь заполучить Поллианну! Если захочешь, разумеется.

— Но я не хочу, — холодно и равнодушно возразила миссис Кэрю.

Казалось, Делла не слышала этих слов. Она взволнованно продолжала:

— Когда я вчера вернулась в санаторий, мне сказали, что доктор Эймс получил письмо от доктора Чилтона, того самого, за которого вышла замуж тетя Поллианны. Так вот, доктор Чилтон пишет, что на зиму едет в Германию, где собирается пройти какой-то специальный курс учебы. Он намерен взять с собой жену, если только ему удастся убедить ее, что Поллианну можно на время поместить в какой-нибудь пансион, где ей будет хорошо. Однако до сих пор миссис Чилтон все еще не соглашается оставить Поллианну в подобном заведении, так что, возможно, доктору Чилтону все же придется ехать в Германию одному. Рут, у нас есть шанс! Я хочу, чтобы ты взяла Поллианну к себе на эту зиму. Она сможет ходить в какую-нибудь из здешних школ.

— Делла, что за нелепая идея! Зачем мне взваливать на себя такую обузу, как ребенок?

— Она не будет обузой. Ей почти тринадцать и второй такой умненькой девочки не найти.

— Я не люблю «умненьких» детей, — возразила миссис Кэрю все так же упрямо, но при этом засмеялась. Этот смех придавал смелости сестре, и та удвоила свои усилия. Возможно, из-за самой неожиданности и необычности прозвучавшей просьбы, а возможно, оттого, что история Поллианны тронула сердце Рут Кэрю, или, быть может, причина заключалась просто в нежелании обидеть сестру отказом — так или иначе, когда полчаса спустя Делла прощалась с сестрой, та уже выразила согласие

взять Поллианну в свой дом.

— Но только запомни, — предупредила Деллу миссис Кэрю, — что в ту самую минуту, когда этот ребенок начнет читать мне нравоучения или перечислять выпавшие на мою долю блага, я отошлю его к тебе, и делай тогда, что хочешь... Я такого ребенка у себя не оставлю!

— Хорошо. Но я уверена, что этого не произойдет, — ответила сестра, а про себя, уже выходя из дома, добавила: «Половина дела сделана. Остается добиться, чтобы Поллианна приехала сюда. Она обязательно должна приехать. Я напишу им такое письмо, что они не смогут отказать».

Глава 2

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

В тот августовский день миссис Чилтон решила отложить разговор с мужем о письме, полученном с утренней почтой, до тех пор пока Поллианна не ляжет спать. Впрочем, ждать ей пришлось бы в любом случае, так как множество посетителей в приемной и две поездки к больным, чьи дома находились за пределами Белдингсвилла, совсем не оставили доктору Чилтону времени для разговоров о семейных делах.

Лишь в половине десятого доктор наконец появился в комнате жены. Лицо его просияло, но тут же в глазах появилось вопросительное выражение.

— Полли, дорогая, что случилось?! — воскликнул он обеспокоенно.

Жена невесело рассмеялась.

— Это из-за письма... хотя я никак не предполагала, что ты догадаешься о моих чувствах, едва взглянув мне в лицо.

— Тогда постарайся, чтобы на нем не было такого выражения, по которому легко обо всем догадаться, — улыбнулся он в ответ. — Так в чем же дело?

Миссис Чилтон на мгновение заколебалась, поджала губы, а затем взяла лежавшее рядом письмо.

— Я прочитаю его тебе, — сказала она. — Это от мисс Деллы Уэтерби. Она работает в санатории доктора Эймса.

— Хорошо. Начинай, — кивнул доктор и с наслаждением растянулся на кушетке, стоявшей рядом с креслом жены.

Но прежде чем начать, миссис Чилтон поднялась, чтобы заботливо укрыть мужа серым шерстяным пледом. Со дня их свадьбы прошел год. Теперь Полли Чилтон было сорок два. Порой казалось, что она пытается за первый же год их супружеской жизни удовлетворить всю ту потребность исполненного любви служения другому человеку, какая накопилась в ее душе за предшествующие двадцать лет одиночества и сердечной пустоты. Доктор же, которому ко времени их свадьбы исполнилось сорок пять и у которого в прошлом не было ничего иного, кроме такой же пустоты и одиночества, был совсем не против, чтобы с ним так «нянчились». Если судить по его поведению, все это было ему вполне по душе, хотя он и старался не слишком обнаруживать свои чувства, поскольку миссис Полли

в прошлом так долго была мисс Полли, что теперь просто пугалась собственной «глупой» заботливости, если эту заботливость встречали очень уж горячей благодарностью. Поэтому доктор ограничился тем, что нежно погладил руку жены, когда, расправив складки на плече, она села и снова взяла со столика письмо.

"Дорогая миссис Чилтон , — писала Делла. — Шесть раз я начинала это письмо и шесть раз рвала его, так что теперь решила вообще не «начинать», а сразу сказать, что мне от Вас нужно. Мне нужна Поллианна. Могу я получить ее? Я познакомилась с Вами и Вашим мужем в марте, когда Вы приезжали, чтобы забрать Поллианну домой из нашего санатория, но полагаю. Вы меня не помните. Я попросила доктора Эймса (который очень хорошо знает меня) написать Вашему мужу и поддержать мою просьбу с тем, чтобы Вы могли без всяких опасений доверить нам на время Вашу милую маленькую племянницу.

Я знаю, что Вы с удовольствием поехали бы в Германию вместе с Вашим мужем, если бы не необходимость оставить Поллианну одну. Поэтому я беру на себя смелость просить Вас доверить ее нам на время Вашего отсутствия. Я умоляю Вас об этом, дорогая миссис Чилтон. А теперь позвольте мне объяснить, чем вызвана такая просьба. Моя сестра, миссис Кэрю, — одинокая, вечно недовольная и подавленная, несчастная женщина, живущая в своем собственном мрачном мире, куда не проникает ни один луч солнца. Я уверена, что если и есть кто-либо, кто способен принести свет и радость в ее жизнь, так это только Ваша племянница. Не позволите ли Вы. ей попробовать? Жаль, что я не могу рассказать Вам о тех чудесах, которые она совершила здесь, в санатории. Но о Поллианне говорить невозможно: начнешь рассказывать и чувствуешь, какой она кажется самодовольной, вечно морализирующей и... попросту невыносимой. Но мы с Вами знаем, что она совсем не такая. Нужно лишь вывести ее на сцену, и она все скажет сама за себя. Короче, я хочу взять ее в дом моей сестры... и предоставить ей такую возможность. Разумеется, она будет посещать школу, но я уверена, ей хватит времени и на то, чтобы залечить раны в сердце моей несчастной сестры.

Даже не знаю, как закончить это письмо. Закончить, пожалуй, еще труднее, чем начать. Боюсь, мне и не хочется кончать. Я хотела бы говорить и говорить — из опасения, что, если я замолчу, у Вас появится возможность сказать «нет». А потому, если Вы намерены произнести это ужасное слово, пожалуйста, считайте, что я все еще говорю и

объясняю, как нужна нам Поллианна.

С надеждой,
Делла Уэтерби".

— Ну и ну! — воскликнула миссис Чилтон, откладывая письмо. — Тебе доводилось когда-нибудь читать более странное послание или слышать о более нелепой просьбе?

— Мне не кажется таким уж нелепым желание пригласить к себе Поллианну, — улыбнулся доктор.

— Но — как это она выразилась? — «залечить раны в сердце мой сестры» и так далее. Можно подумать, что Поллианна — что-то вроде лекарства!

Доктор, приподняв брови, засмеялся.

— Быть может, так оно и есть, Полли. Я всегда жалел, что не могу прописывать ее моим пациентам и покупать в аптеке, как коробочку пилюль. И Чарли Эймс говорит, что в тот год, когда она была в их санатории, они стремились обеспечить каждому новому пациенту сразу по прибытии «дозу Поллианны».

— «Дозу»? Вот еще! — возмутилась миссис Чилтон.

— Значит, ты не отпустишь ее?

— Отпущу? Конечно нет! Неужели ты думаешь, что я соглашусь, чтобы ребенок отправился к людям, которых мы совсем не знаем? И каким людям! Да ко времени нашего возвращения из Германии эта сестра милосердия успеет посадить Поллианну в бутылку, а на этикетке будут указания, как ее принимать!

Доктор от души рассмеялся, но тут же лицо его снова стало серьезным, и он вынул из кармана какой-то конверт.

— Я тоже получил сегодня утром письмо. От Чарли Эймса, — сказал он с необычной ноткой в голосе, которая заставила озадаченную миссис Чилтон слегка нахмуриться. — Если позволишь, я сейчас прочитаю его тебе.

"Дорогой Том , — писал доктор Эймс, — мисс Делла Уэтерби попросила меня «дать рекомендацию» ей и ее сестре, что я и делаю с большим удовольствием. Я знаю их с детства. Они из прекрасной, старинной семьи, истинные леди, в полном смысле слова. В этом отношении ты можешь быть совершенно спокоен.

Сестер было три — Дорис, Рут и Делла. Дорис, старшая, вышла замуж за некоего Джона Кента, во многом против воли своих

родственников. Кент происходил из хорошей семьи, но был, как я полагаю, не совсем в себе, и из-за его чужаковости с ним, несомненно, было неприятно иметь дело. Его очень раздражало отношение к нему родственников жены, и поэтому обе стороны избегали общения, пока не появился ребенок. Родители и сестры Дорис обожали маленького Джеймса — «Джейми», как они его называли. Дорис, мать мальчика, умерла, когда ему было четыре года, и ее семья делала все возможное, чтобы убедить Джона Кента отдать им ребенка.

Однако Кент неожиданно исчез вместе с сыном, и с тех пор о нем не было никаких известий, хотя Уэтерби искали его чуть ли не по всему свету.

Эта утрата буквально убила стариков — мистер и миссис Уэтерби вскоре умерли. Рут к тому времени уже успела выйти замуж и овдоветь. Ее муж, мистер Кэрю, был очень богатым человеком, но намного старше нее. Через год после их свадьбы он скончался, оставив жену с крошечным сыном, который также умер, не прожив и года.

С тех пор как исчез маленький Джейми, у Рут и Деллы была, похоже, единственная цель в жизни — отыскать его. Они тратили бешеные деньги, делали все возможное и невозможное, но безрезультатно. Тем временем Делла стала медицинской сестрой. Она замечательно справляется с работой и превратилась в бодрую, решительную, здравомыслящую женщину, какой и хотела быть, хотя по-прежнему не забывает о пропавшем племяннике и никогда не оставляет без внимания ни единой догадки, которая могла бы навести на его след.

С миссис Кэрю дело, однако, обстоит совсем по-другому. После утраты собственного ребенка она перенесла всю свою материнскую любовь и заботу на сына сестры. И как нетрудно догадаться, почти обезумела от горя после его исчезновения. Все это произошло восемь лет назад; для нее это были восемь долгих лет страдания, горечи, уныния. Конечно, в ее распоряжении все, что только могут дать деньги, но ничто не радует ее, ничто не интересует. Делла считает, что нельзя больше медлить — необходимо вывести ее из этого состояния. По мнению Деллы, милая и веселая племянница твоей жены обладает тем волшебным ключом, который мог бы открыть миссис Кэрю дверь в новую жизнь. Таково положение дел, и я надеюсь, ты не откажешь ей в ее просьбе. Могу лишь добавить, что я, со своей стороны, также был бы очень благодарен за эту услугу, так как Рут Кэрю и ее сестра — наши, мои и моей жены, добрые друзья, и все, что касается их, волнует также и нас.

Всегда твой,

Чарли".

Письмо было прочитано. Последовало долгое молчание, такое долгое, что доктор Чилтон наконец негромко произнес:

— Так что же, Полли?

Она по-прежнему молчала. Но, внимательно взглянув ей в лицо, он заметил, что ее губы, недавно упрямо сжатые, теперь дрожали. Он подождал, пока она заговорит.

— Как скоро, ты думаешь, они ожидают ее? — спросила она наконец. Доктор Чилтон слегка вздрогнул помимо воли.

— Ты хочешь сказать... что отпустишь ее?! — воскликнул он.

Жена взглянула на него возмущенно.

— Что за вопрос, Томас?! Ты думаешь, что после такого письма я могла бы не отпустить ее? И разве не просит нас об этом также и сам доктор Эймс? Неужели ты думаешь, после всего, что этот человек сделал для Поллианны, я могу в чем-нибудь ему отказать?

— Дорогая! Надеюсь лишь, что ему не придет в голову попросить... тебя саму, — пробормотал супруг с годичным стажем, лукаво улыбнувшись.

Но жена лишь посмотрела на него с укором, которого он вполне заслуживал, и продолжила:

— Можешь написать ему, что Поллианна приедет, и попроси, чтобы мисс Уэтерби сообщила нам, когда они могут принять девочку. Разумеется, это должно произойти не позднее десятого сентября, то есть до нашего отплытия в Европу. Я хочу лично убедиться в том, что Поллианне будет хорошо в их доме.

— Когда ты скажешь об этом Поллианне?

— Наверное, завтра.

— И что именно ты ей скажешь?

— Пока еще не знаю, но, разумеется, не больше, чем будет совершенно необходимо. Так или иначе мы не должны испортить Поллианну, а ведь ни один ребенок не может остаться неиспорченным, если вобьет себе в голову, что он нечто вроде... вроде...

— Бутылочки с лекарством, — подсказал доктор с улыбкой.

— Вот именно, — вздохнула миссис Чилтон. — В том-то все и дело, что она не догадывается о своем даре. И ты это знаешь, дорогой.

— Знаю, — кивнул муж.

— Ей, конечно, известно, что мы и я, и половина городка играем с ней в ее игру... и что мы... удивительно счастливы именно потому, что

играем. — Голос миссис Чилтон чуть дрогнул, но затем она продолжила тверже: — Но если бы она сознательно попыталась быть кем угодно, но только не самой собой — естественной, веселой, счастливой маленькой девочкой, играющей в игру, которой научил ее отец, то была бы, как сказала мисс Уэтерби, «невыносима». Поэтому, в любом случае, я не скажу ей, что мы отправляем ее в Бостон с целью утешить и ободрить миссис Кэрю, — заключила миссис Чилтон решительно, поднимаясь с кресла и откладывая в сторону свое рукоделие.

— Я думаю, что ты совершенно права, — одобрительно отозвался доктор.

Поллианна узнала о том, что ее ожидает только на следующий день, и произошло это так.

— Дорогая моя, — начала тетка, когда они остались вдвоем, — не хочешь ли ты провести эту зиму в Бостоне?

— С тобой?

— Нет, я решила поехать в Германию с дядей. Но миссис Кэрю, хорошая знакомая доктора Эймса, приглашает тебя к себе на всю зиму, и я согласна тебя отпустить.

Лицо Поллианны сделалось печальным:

— Но в Бостоне не будет ни Джимми, ни мистера Пендлетона, ни миссис Сноу. Никого из знакомых.

— Да, дорогая, но когда ты сюда приехала, ты ведь тоже их не знала.

Поллианна неожиданно заулыбалась:

— Ну конечно же, тетя Полли, я их не знала! И это значит, что в Бостоне тоже есть какой-нибудь Джимми, или мистер Пендлетон, или миссис Сноу, которые ждут, чтобы я с ними познакомилась, правда?

— Конечно, дорогая.

— Тогда я могу этому радоваться. Мне кажется, тетя, ты теперь умеешь играть в игру лучше, чем я. Я никогда не думала о людях, которые живут там и ждут, когда я с ними познакомлюсь. И к тому же их там так много! С некоторыми я уже познакомилась два года назад, когда была там с миссис Грей. Мы останавливались в Бостоне на целых два часа по дороге сюда. Там на вокзале был человек в форме — совершенно замечательный человек; он сказал мне, где можно напиться воды. Как ты думаешь, он там и сейчас? Я хотела бы с ним повидаться. А еще там была красивая молодая дама с маленькой девочкой. Они живут в Бостоне. Так они сказали. Девочку зовут Сузи Смит. Может быть, я их встречу. Как ты думаешь, встречу? И еще там был мальчик, и еще одна дама с маленьким ребеночком — только они живут в Гонолулу, так что их я, наверное, не увижу. Но зато там будет

миссис Кэрю. Кто она такая, эта миссис Кэрю? Наша родственница?

— Помилуй, Поллианна! — воскликнула миссис Чилтон, одновременно со смехом и отчаянием. — Кто же может поспеть за твоим языком, не говоря уж о мыслях, когда они перескакивают в Гонолулу и обратно в две секунды! Нет, миссис Кэрю не родня нам. Она сестра мисс Деллы Уэтерби. Помнишь мисс Уэтерби? Она работает в санатории доктора Эймса.

Поллианна захлопала в ладоши:

— Ее сестра? Сестра мисс Уэтерби? О, тогда она конечно же очень милая. Ведь мисс Уэтерби такая милая. Я ее очень полюбила. У нее такие веселые морщинки вокруг глаз и в уголках рта, и она умеет рассказывать *чудеснейшие* истории. Но я провела с ней лишь два месяца, так как она поступила на работу в санаторий, когда я уже поправлялась. Сначала я жалела, что она не была со мной с самого начала, но потом даже обрадовалась, потому что, понимаешь, если бы она была там с самого начала, мне было бы еще труднее с ней расстаться. А теперь, когда я буду жить у ее сестры, мне будет казаться, что я снова с ней.

Миссис Чилтон глубоко вздохнула и закусил губу.

— Но, Поллианна, дорогая, не жди, что они будут совершенно одинаковы, — решила она, наконец, заметить.

— Но, тетя Полли, они же сестры, — возразила девочка, широко раскрыв глаза, — а сестры всегда похожи. Вот у нас в дамском благотворительном комитете были две пары сестер. Одни из них были близнецами и так друг на друга похожи, что нельзя было понять, которая из них миссис Пек, а которая миссис Джоунс, пока у миссис Джоунс не выросла на носу бородавка, а тогда уж мы, разумеется, могли сразу сказать, кто это, так как первым делом смотрели, есть ли на носу бородавка. И однажды, когда миссис Джоунс пожаловалась, что многие называют ее «миссис Пек», я сказала, что все должны смотреть на эту бородавку, так же, как я это делаю, и тогда не будут ошибаться. Но она ужасно разозлилась... то есть, я хочу сказать, была очень недовольна... кажется, ей это совсем не понравилось, хотя я не знаю почему. Я думала, она должна обрадоваться, что чем-то отличается от сестры, особенно потому, что она была председателем комитета и не любила, когда люди обращались с ней не как с председателем — не сажали на почетное место, не представляли ей гостей на церковных ужинах и все такое... Но она не обрадовалась, а потом я слышала, как миссис Уайт говорила миссис Роусан, что миссис Джоунс готова по раскаленным угольям пройти, лишь бы избавиться от этой бородавки. Но я не понимаю, как *это* могло бы принести пользу. Тетя

Полли, разве можно избавиться от бородавки на носу, если пройти по раскаленным угольям?

— Разумеется нет, детка! Но ты способна болтать прямо-таки без умолку, особенно об этих дамах из комитета!

— Неужели? — спросила девочка огорченно. — И тебе это неприятно? Но я не хотела тебе докучать, честное слово, тетя Полли. Но даже если я надоедаю тебе такими разговорами о дамах из комитета, ты все же можешь этому радоваться, потому что, когда я думаю о них, я одновременно радуюсь, что теперь не они меня воспитывают, а моя собственная тетя. Ведь ты этому рада, правда, тетя Полли?

— Да, да, дорогая, конечно, я рада, — засмеялась миссис Чилтон и поднялась, чтобы уйти, вдруг почувствовав себя очень виноватой оттого, что испытывает порой что-то от прежней своей досады на Поллианну за ее неизменный оптимизм.

В следующие дни, пока между заинтересованными сторонами шел обмен письмами о предстоящем пребывании Поллианны в Бостоне, сама она готовилась к этому, нанося прощальные визиты в дома своих белдингсвиллских друзей.

В маленьком вермонтском городке все уже хорошо знали Поллианну и играли в ее игру. А те немногие, кто не играл, воздерживались не потому, что не знали, в чем заключается «игра в радость». И так от дома к дому несла Поллианна весть о том, что уезжает на зиму в Бостон. И повсюду, начиная от кухни самой миссис Чилтон, где трудилась Ненси, и кончая большим серым домом на холме, где жил мистер Пендлетон, эта весть вызывала сожаления и возражения.

Ненси не побоялась сказать — всем, кроме своей хозяйки, — что считает эту поездку в Бостон сущей глупостью и что сама с радостью взяла бы Поллианну на зиму в «Перепутье» к своим родственникам, да, взяла бы, взяла бы, и тогда миссис Полли могла бы ехать в какую хочет Германию.

Джон Пендлетон сказал почти то же самое, с той лишь разницей, что не побоялся повторить это в разговоре с миссис Чилтон. Что же до Джимми, двенадцатилетнего мальчика, которого мистер Пендлетон взял в свой дом, так как этого хотела Поллианна, и которого теперь усыновил, так как сам этого захотел, — что до Джимми, он был разгневан и не замедлил это выказать.

— Только приехала и уже уезжаешь, — упрекнул он Поллианну тоном, каким обычно говорят мальчики, когда хотят скрыть то обстоятельство, что у них тоже есть сердце.

— Я здесь с самого марта. А потом, я же не останусь в Бостоне

навсегда. Я уезжаю только на зиму.

— Все равно. Тебя здесь почти целый год не было. Кабы знать, что ты так сразу уедешь, пальцем бы не двинул, чтобы помочь тем, кто собирался встречать тебя из санатория с оркестрой и флагами.

— Джимми! — воскликнула удивленная и возмущенная Поллианна, а затем с некоторым высокомерием, порожденным уязвленной гордостью, добавила: — Я совсем не просила, чтобы ты встречал меня с оркестром... и потом, ты сделал целых две ошибки в одном предложении. Надо говорить «с оркестром», а «кабы знать», я думаю, тоже неправильно. «Если бы я знал» звучит лучше.

— Ну и пусть ошибки, мне все равно!

Поллианна взглянула на него с еще большим возмущением.

— Ты говорил, что тебе не все равно и сам просил прошлым летом, чтобы я тебя поправляла, потому что мистер Пендлетон хочет, чтобы ты говорил правильно.

— Если бы тебя воспитывали в приюте, где всем на тебя наплевать, а не среди целой кучи старых теток, которым нет другого дела, как только учить тебя говорить правильно, ты тоже небось сказала бы «кабы» и «с оркестрой», а то и похуже наделала бы ошибок!

— Джимми Бин! — вспыхнула Поллианна. — Мои дамы из комитета вовсе не были «старыми тетками»... то есть лишь некоторые из них были такими уж старыми, — поспешила она поправиться; ее обычное стремление к правдивости и абсолютной точности взяло верх над негодованием, — а к тому же...

— И вовсе я не Джимми Бин, — перебил ее мальчик, гордо вскинув голову.

— Не... Джимми Бин... Что ты хочешь сказать? — растерялась она.

— Я теперь усыновлен, по всем правилам. Он давно уже хотел это сделать, только, говорит, руки все не доходили. А теперь дело сделано. Меня зовут Джимми Пендлетон, а его я зову «дядя Джон»... только я еще не... привык и редко так его называю. — Он говорил по-прежнему сердито и обиженно, но на лице Поллианны уже не было и следа недовольства. Она радостно захлопала в ладоши.

— Ах, замечательно! Теперь у тебя есть настоящая семья — семья, которой не все равно... И теперь тебе не придется объяснять, что мистер Пендлетон и ты — ненастоящие родственники, ведь теперь у вас одинаковая фамилия. Я так рада, *рада, РАДА* !

Мальчик вдруг вскочил с каменной оградки, на которой они сидели, и зашагал прочь. Щеки его пылали, в глазах стояли слезы. Именно ей,

Поллианне, он обязан всем этим огромным счастьем, которое пришло к нему так неожиданно. Он знал это. И именно ей, Поллианне, он только что сказал...

Джимми с неистовой силой пнул маленький камешек, потом другой, третий. Горячие слезы катились по его щекам, как ни пытался он сдержать их. Он пнул еще один камешек, и еще один, затем поднял третий и швырнул его изо всех сил. Минуту спустя он повернул назад и зашагал к Поллианне, все еще сидевшей на каменной оградке.

— Спорим, что я добегу до той сосны быстрее, чем ты? — с наигранной беспечностью бросил он вызов.

— Спорим, что не обгонишь! — крикнула Поллианна, с готовностью соскочив на землю.

Но состязание в скорости не состоялось: Поллианна вовремя вспомнила, что быстрый бег все еще остается для нее одним из запретных наслаждений. Впрочем, для Джимми это было не так уж важно: лицо его больше не пылало, глаза не угрожали переполниться слезами. Джимми снова был таким, как всегда.

Глава 3

«ДОЗА» ПОЛЛИАННЫ

По мере приближения восьмого сентября, назначенной даты приезда Поллианны, миссис Рут Кэрю все больше волновалась и сердилась на себя. О своем обещании взять к себе девочку она жалела с тех самых пор, как дала его. Не прошло и двадцати четырех часов, как она уже написала сестре, требуя, чтобы та освободила ее от опрометчиво взятых на себя обязательств. Но Делла ответила, что уже слишком поздно, так как и она и доктор Эймс успели написать Чилтонам. А вскоре от Деллы пришло письмо с известием, что миссис Чилтон дала согласие и через несколько дней приедет в Бостон, чтобы устроить девочку в школу и решить остальные вопросы. Так что, естественно, не оставалось ничего другого, кроме как предоставить всему идти своим чередом. Миссис Кэрю понимала это и примирилась с неизбежным, но весьма неохотно. Разумеется, она постаралась быть подобающе любезной, когда в условленный срок к ней приехали Делла и миссис Чилтон, но была очень рада, что из-за недостатка времени пребывание миссис Чилтон в Бостоне оказалось кратким и до отказа заполненным делами. То, что Поллианне предстояло приехать уже восьмого сентября, а не позже, было, пожалуй, даже хорошо, так как время, вместо того чтобы примирить миссис Кэрю с мыслью об увеличении числа обитателей ее дома, лишь усиливало ее раздражение и недовольство тем, что она предпочитала называть своей «нелепой уступкой Делле с ее безумной затеей».

Настроения сестры, разумеется, не были секретом для Деллы, и если внешне она сохраняла спокойствие, то в душе отнюдь не была уверена в благоприятных результатах. Все надежды она возлагала на Поллианну и потому решила на дерзкий шаг — предоставить девочке с самого начала вступить в борьбу без чьей-либо помощи. С этой целью она попросила сестру встретить их на вокзале, а затем, после обмена приветствиями, поспешно удалилась под предлогом какой-то ранее назначенной встречи.

Таким образом, миссис Кэрю, едва успев взглянуть на свою новую подопечную, обнаружила, что осталась с ней один на один.

— Делла, Делла, ты не должна... я не могу... — взволнованно закричала она вслед удаляющейся сестре.

Но та, если и слышала, не пожелала обратить внимание, и миссис

Кэрю, явно раздосадованная и недовольная, обернулась к стоявшей рядом с ней девочке.

— Вот беда! Не слышит, — сказала Поллианна, также провожая медсестру печальным взглядом. — А мне так не хотелось, чтобы она уходила. Но ведь зато у меня есть вы, правда? И я могу этому радоваться.

— О да, у тебя есть я... а у меня ты, — отозвалась миссис Кэрю не очень любезно. — Пойдем, — и она указала рукой направо.

Поллианна послушно засеменила рядом с миссис Кэрю, но раз или два на пути через огромный вокзал с тревогой бросила взгляд на не улыбающееся лицо своей спутницы и наконец, с беспокойством в голосе, решила заметить:

— Вы, наверное, думали... что я буду хорошенькая.

— Хор... хорошенькая? — переспросила миссис Кэрю.

— Ну да, с кудряшками и все такое. Вы ведь конечно же пытались представить, как я выгляжу, точно так же, как я пыталась представить вас. Только я, зная вашу сестру, *была уверена*, что вы красивая и милая. Мне было по кому судить, а вам — нет. Ну, а я конечно же *не* хорошенькая... из-за веснушек, и я думаю, это очень неприятно, если ждешь хорошенькую девочку, а приезжает такая, как я, и...

— Глупости! — прервала ее миссис Кэрю довольно резко. — Пойдем, распорядимся о доставке твоего сундучка, а потом поедem домой. Я надеялась, что сестра поедет с нами, но, похоже, она не считает это нужным... не осталась даже на этот вечер.

Поллианна улыбнулась и понимающе кивнула:

— Да, конечно, это неприятно, я знаю, но, наверное, она не могла остаться. Я думаю, она кому-то понадобилась. В санатории она все время была кому-нибудь нужна. Хотя, разумеется, это очень обременительно, если человек все время нужен другим людям, правда? Ведь тогда у него совсем не остается времени для себя. Но все равно, этому тоже можно радоваться, потому что так приятно, если ты кому-то нужен, правда?

Ответа не было. Быть может, потому, что впервые в жизни миссис Кэрю задумалась о том, есть ли на свете хоть кто-нибудь, кому она по-настоящему нужна. Хотя, как она тут же сердито сказала себе самой, ей совсем даже *не хотелось* быть кому-то нужной. И, овладев собой и нахмурившись, она недовольно взглянула на шагавшую рядом девочку.

Поллианна не видела, что миссис Кэрю хмурится; она смотрела на спешащие толпы людей.

— Вот это да! Сколько народу! — сказала она обрадованно. — Даже больше, чем когда я была здесь в прошлый раз. Но я пока не вижу никого

из тех людей, которых встретила здесь тогда. Разумеется, та дама с маленьким ребеночком живет в Гонолулу, так что их здесь, наверное, нет. Но ведь была еще маленькая девочка — Сузи Смит, а она живет прямо здесь, в Бостоне. Может быть, вы ее знаете? Вы знаете Сузи Смит?

— Нет, я незнакома с Сузи Смит, — ответила миссис Кэрю сухо.

— Незнакомы? Она очень милая, и уж она-то точно хорошенькая — такая, с черными кудряшками, знаете? С кудряшками, какие я тоже надеюсь получить, когда попаду на небо... Но ничего, может быть, я сумею ее найти, и тогда вы с ней познакомитесь. Ах, какой совершенно великолепный автомобиль! И мы в нем поедem?! — воскликнула Поллианна, когда они остановились перед роскошным лимузином, дверцу которого держал открытой шофер, одетый в ливрею. Шофер попытался скрыть улыбку, но не сумел. Миссис Кэрю, однако, ответила — в голосе ее звучало утомление человека, для которого автомобиль — всего лишь средство перемещения из одного скучного места в другое, вероятно, столь же скучное:

— Да, мы поедem в нем, — и добавила, обращаясь к шоферу, ожидавшему в почтительной позе ее приказаний: — Домой, Перкинс.

— Ах, вот это да! Это ваш автомобиль? — воскликнула Поллианна; манеры миссис Кэрю позволяли безошибочно догадаться, что она владелица автомобиля. — Чудесно! Значит, вы богатая — ужасно богатая... то есть, я хочу сказать, *чрезвычайно* богатая, гораздо богаче тех, у кого ковер в каждой комнате и мороженое по воскресеньям, как, например, Уайты из моего дамского благотворительного комитета... то есть *она* из комитета... Раньше я думала, что они богатые, но теперь знаю, что быть по-настоящему богатым — значит иметь кольца с бриллиантами, горничных, котиковые шубы и надевать платья из шелка и бархата каждый день. И еще — иметь автомобиль. У вас все это есть?

— Ну, д-да... пожалуй, — со слабой улыбкой признала миссис Кэрю.

— Тогда вы, конечно же, богатая, — понимающе кивнула Поллианна. — У моей тети Полли тоже все это есть, только ее автомобиль — просто лошадь. Ах, как я люблю ездить в автомобилях! — воскликнула она, чуть подпрыгнув от восторга на сиденье. — Понимаете, я ехала в автомобиле только один раз — в том, который меня переехал. Они положили меня в него, после того как вынули *из-под* него, но тогда я, разумеется, ничего об этом не знала и поэтому не могла получить никакого удовольствия от поездки. А с тех пор я ни в одном не ездила. Тете Полли они не нравятся. А дяде Тому нравятся, и он хотел бы иметь автомобиль. Он говорит, что автомобиль нужен ему для работы. Он доктор, а у всех

остальных докторов в городке уже есть автомобили. Не знаю, чем кончится дело. Тетя Полли так взволнована из-за этого. Понимаете, она хочет, чтобы у дяди Тома было все, что он хочет, только она хочет, чтобы он хотел того, чего она хочет, чтобы он хотел. Понимаете?

Миссис Кэрю неожиданно рассмеялась.

— Да, дорогая, мне кажется, я это понимаю, — отозвалась она сдержанно, хотя в ее глазах все еще были необычные — для нее — веселые искорки.

— Тогда все в порядке, — удовлетворенно вздохнула Поллианна. — Я надеялась, что вы поймете, хотя это прозвучало вроде как запутанно... Тетя Полли говорит, что была бы не прочь иметь автомобиль, если бы ее автомобиль был единственным на свете и не было бы ни одного другого, который мог бы на нее наехать, но... Ах, ну и ну! Сколько здесь домов! — вдруг воскликнула она, прервав рассказ на полуслове и оглядывая все вокруг широко раскрытыми от удивления глазами. — Неужели они никогда не кончатся? Хотя, конечно, их и должно быть много, чтобы было где жить всем этим людям на улицах, и тем, кого мы видели на вокзале. А где больше людей, там можно завязать больше знакомств. Я люблю людей. А вы?

— Любить людей?!

— Да, просто людей. Любого. Всех.

— Ну нет, Поллианна, не могу сказать, чтобы я их любила, — холодно ответила миссис Кэрю, сдвинув брови.

Веселые искорки в ее глазах погасли. Она с подозрением смотрела на Поллианну, а про себя сказала: "Ну вот, теперь меня ожидает проповедь номер один в духе сестры Деллы на тему «ваш долг общаться с ближними».

— Неужели? А я люблю, — вздохнула Поллианна. — Они все такие милые и такие разные. А здесь их так много! Вы даже не знаете, как я рада, что приехала. Конечно, я знала, что буду рада, — знала с самого начала, как только мне сказали, что вы — это вы, то есть сестра мисс Уэтерби, я хочу сказать. Я очень люблю мисс Уэтерби, так что знала, что полюблю и вас, потому что вы, разумеется, должны быть похожи, ведь вы сестры, хоть и не близнецы, как миссис Джоунс и миссис Пек... но и они были не совсем похожи из-за той бородавки. Но вы, конечно, не знаете, о чем я говорю, поэтому я вам сейчас расскажу.

И в результате миссис Кэрю, приготовившаяся с суровым видом выслушать проповедь на темы общественной морали, к своему большому удивлению и даже с некоторой растерянностью, обнаружила, что слушает

историю о бородавке на носу некоей миссис Джоунс, дамы из благотворительного комитета.

К тому времени, когда рассказ был окончен, лимузин свернул на Коммонуэлс-авеню, и Поллианна тут же принялась восторгаться красотой улицы, на которой «такой чудесный длинный сквер посередине от самого начала до самого конца» и которая кажется особенно приятной «после всех этих узких улочек».

— Я думаю, каждый захотел бы здесь жить, — заявила она с энтузиазмом.

— Вполне вероятно, но вряд ли это возможно, — возразила миссис Кэрю, приподняв брови.

Ошибочно приняв мину на лице своей спутницы за выражение неудовлетворенности, вызванной тем, что дом миссис Кэрю находится не на этой красивой улице, Поллианна поспешила загладить свою бестактность.

— Конечно, конечно, — согласилась она, и торопливо продолжила: — Я вовсе не хотела сказать, что узкие улочки хуже. Может быть, они даже и лучше, потому что не нужно далеко идти, если хочешь занять яиц или соды у соседей напротив, и... Ах! Вы живете здесь?! — воскликнула она, когда автомобиль остановился перед внушительным подъездом дома миссис Кэрю. — Вы живете здесь, миссис Кэрю?

— Ну да, разумеется, я живу здесь, — ответила та, с оттенком раздражения в голосе.

— О, как вы, наверное, рады — рады, что живете в таком совершенно замечательном месте! — с восторгом воскликнула девочка, выпрыгнув из автомобиля на тротуар и с любопытством оглядываясь вокруг. — Разве вы не рады?

Миссис Кэрю молчала. Из лимузина она вышла без улыбки и с насупленными бровями. Во второй раз за эти последние пять минут Поллианна поспешила исправить свою ошибку.

— Я конечно же говорю не о той радости, что вызвана, как говорит тетя Полли, греховой гордостью, — объяснила она, с беспокойством наблюдая за выражением лица миссис Кэрю. — Может быть, вы подумали, что я о такой радости говорю? Тетя Полли так иногда раньше думала. Но я имела в виду не ту радость, когда радуешься тому, что у тебя есть что-то такое, чего у других нет, а ту простую... когда просто хочется кричать и хлопать дверьми, даже если это неприлично, — заключила она, подпрыгивая на цыпочках.

Шофер поспешил отвернуться и занялся машиной, а миссис Кэрю,

по-прежнему без улыбки, направилась вверх по широким каменным ступеням.

— Пойдем, Поллианна, — только и сказала она, очень сухо.

Пять дней спустя Делла Уэтерби получила от сестры письмо, первое с момента приезда Поллианны в Бостон. Делла распечатала его с любопытством и нетерпением.

"Дорогая Делла , — писала миссис Кэрю, — во имя всего святого, почему, почему ты не позаботилась дать мне хоть какое-то представление о том, чего ожидать от этого ребенка, которого я взяла по твоему настоянию? Я почти схожу с ума, но тем не менее не могу отослать ее. У меня трижды возникало желание сделать это, но всякий раз, прежде чем я успевала сказать хоть слово, она сообщала мне, как «совершенно замечательно» она проводит здесь время, как она рада, что приехала, и как я добра, что взяла ее к себе на то время, пока тетя Полли в Германии. Как, скажи на милость, могу я вдруг обернуться к ней и сказать в ответ на все это: «Отправляйся, пожалуйста, домой; мне ты здесь не нужна»? И что самое нелепое, так это то, что ей никогда не приходит в голову, что она мне здесь не нужна, а навести ее на эту мысль я не в силах.

Разумеется, если она начнет читать мне нравоучения или перечислять выпавшие на мою долю блага, я вынуждена буду ее отослать. Я сказала тебе с самого начала, что не допущу этого. И я не допущу! Два или три раза мне показалось, что она собирается это сделать (то есть начать читать мне проповедь), но пока все сводилось к какой-нибудь забавной истории о дамах из благотворительного комитета, так что проповеди не получалось — к счастью для этой девочки, если она действительно хочет здесь остаться.

Но, право же, Делла, она просто невыносима. Вот послушай. Во-первых, она в безумном восторге от моего дома. В первый же день упростила меня открыть все комнаты и не успокоилась, пока все шторы в доме не были подняты, чтобы она могла «рассмотреть все эти совершенно замечательные вещи», которые, как она заявила, даже «лучше, чем у мистера Джона Пендлетона» — понятия не имею, кто это такой; вероятно кто-то из Белдингсвилла. Во всяком случае, он не дама из благотворительного комитета. Только это мне и удалось узнать. Затем, как будто не было достаточно того, что я бегала из комнаты, в комнату (словно персональный гид), так она еще обнаружила в одном из шкафов вечернее платье из белого атласа, которое я уже сто лет не надевала, и

умолила меня его надеть. И я надела — почему, не могу понять, знаю только, что я была совершенно беспомощна в ее руках. Но это было только начало. Она упростила меня показать ей все мои наряды и так забавно рассказывала о церковных пожертвованиях, из которых прежде «одевалась», что я не могла удержаться от смеха, хотя тут же чуть не заплакала, представив те ужасные вещи, которые приходилось носить этому ребенку. От платьев, разумеется, перешли к украшениям, и она так восторгалась моими двумя или тремя кольцами, что я по глупости открыла сейф, только чтобы посмотреть, какие большие глаза она сделает. О, Делла, я думала, ребенок сошел с ума: она надела на меня все кольца, броши, браслеты, ожерелья, какие у меня есть, и настояла на том, чтобы прикрепить к моей прическе обе бриллиантовые диадемы (когда узнала, что это такое), так что под конец я сидела обвешанная жемчугами, изумрудами и бриллиантами, чувствуя себя языческой богиней в индусском храме, особенно когда этот нелепый ребенок принялся приплясывать вокруг меня, хлопая в ладоши и распевая: «О, совершенно прелестно, совершенно прелестно! Ах, как я хотела бы повесить вас в окне — была бы такая отличная радуга!» Я еще только собиралась спросить, что она имеет в виду, когда она вдруг упала на пол и заплакала. И, как ты полагаешь, в чем была причина? Она была так рада, что у нее есть глаза, чтобы видеть! Что ты на это скажешь?

И, разумеется, это не конец, а лишь начало. Она здесь только четыре дня, но не потеряла ни минуты зря и уже может причислить к своим друзьям мусорщика, участкового полицейского, разносчика газет, не говоря уже обо всей моей прислуге. Они, похоже, совершенно очарованы ею, все до одного. Но не думай, пожалуйста, что и я подпала под ее чары. Ничего подобного. Я отослала бы ее к тебе сразу, если бы не чувствовала себя обязанной выполнить обещание и оставить ее у себя на всю зиму. Что же до того, что она могла бы заставить меня забыть о Джейми и моем глубоком горе, — это невозможно. В ее присутствии я лишь острее чувствую собственную утрату, потому что со мной не он, а лишь она. Но, как я уже сказала, я оставляю ее у себя — до тех пор, пока она не начнет читать мне нравоучения. Тогда она отправится к тебе. Но пока еще она нравоучений не читала.

Твоя любящая, но в полном смятении.

Рут".

— «Пока еще она нравоучений не читала»! Ну еще бы! — засмеялась Делла, складывая мелко исписанные листки письма. — Ах, Рут, Рут!

Однако ты признаешь, что открыла все комнаты, подняла все шторы, нарядилась в атлас и драгоценности... а Поллианна не пробыла у тебя и недели. Но нет, она не читала тебе нравоучений, нет, не читала!

Глава 4

ИГРА И МИССИС КЭРЬЮ

Бостон был для Поллианны совершенной новостью, и, разумеется, Поллианна для Бостона — той его части, которая удостоилась знакомства с нею — новостью ничуть не меньшей.

Девочка объявила, что Бостон ей понравился, но было бы лучше, если бы он не был таким большим.

— Понимаете, — серьезно объясняла она в разговоре с миссис Кэрю на следующий день после своего приезда, — я хочу увидеть и узнать его весь ... и не могу. Это точно так же, как за праздничным обедом у тети Полли: так много блюд (то есть того, что здесь нужно посмотреть), что ничего не ешь (то есть не смотришь), потому что все время пытаешься решить, что съесть (то есть посмотреть)... Конечно, — набрав воздуха, торопливо продолжила она, — можно только радоваться, когда чего-нибудь много... то есть, разумеется, если это что-нибудь *хорошее*, а не такое, как лекарства или похороны! Но мне всегда хотелось, чтобы праздничные обеды тети Полли можно было растянуть на те дни, когда нет ни торта, ни пирога... и точно так же с Бостоном. Как было бы хорошо, если бы я могла взять хоть частичку его с собой в Белдингсвилл, и тогда следующим летом у меня тоже было бы что-нибудь новое. Но это конечно же невозможно. Город не торт с глазурью, хотя даже торт не очень хорошо сохраняется. Я пробовала оставлять его на другой день — он засыхает, особенно глазурь. Поэтому я считаю, что надо есть торт и получать удовольствия тогда, когда их тебе предлагают; так что я хочу посмотреть все, что могу сейчас, пока я здесь.

В отличие от тех, кто считает, что знакомство с миром следует начинать с самых отдаленных его уголков, Поллианна начала «смотреть Бостон» с детального обследования своего непосредственного окружения — великолепной резиденции на Коммонуэлс-авеню, где она теперь жила. Это, наряду с начавшимися школьными занятиями, поглощало в первые дни все ее время и внимание.

Так много нужно было увидеть и так много узнать, и все было таким чудесным и красивым — от маленьких кнопок, на которые стоило лишь нажать, как комнаты заливал свет, до огромного и безмолвного бального зала, увешанного зеркалами и картинами. Много было и прекрасных

людей, с которыми нужно было познакомиться, поскольку кроме самой миссис Кэрю в доме жили еще и Мэри, которая убирала комнаты, открывала дверь, когда кто-нибудь звонил, и каждый день провожала Поллианну в школу и встречала после занятий, и Бриджет, которая готовила обед, и Дженни, которая подавала на стол, и Перкинс, который водил автомобиль. И все они были такие замечательные... и такие «особенные»!

Поллианна приехала в Бостон в понедельник, так что до первого воскресного дня успела пройти целая неделя. В то утро она спустилась в гостиную с сияющим лицом.

— Я люблю воскресенья, — радостно вздохнула она.

— Вот как? — В голосе миссис Кэрю звучала усталость человека, который не любит ни одного дня недели.

— Да, из-за церкви и воскресной школы. Вам что больше нравится — церковь или воскресная школа?

— Мне... право же... — неуверенно начала миссис Кэрю, которая редко посещала церковь и никогда даже не заглядывала в воскресную школу.

— Трудно сказать, правда? — подхватила Поллианна с сияющими, но серьезными глазами. — Но я больше люблю церковь — из-за папы. Понимаете, он был священником. Сейчас он, разумеется, на небесах с мамой и моими братиками и сестричками, но я часто пытаюсь вообразить, что он здесь, со мной, и сделать это легче всего в церкви, когда говорит священник. Я закрываю глаза и представляю себе, что там на кафедре мой папа, и это очень помогает. Я так рада, что мы можем воображать, а вы?

— Я бы этого не сказала.

— Ах, но только подумайте, насколько то, что мы *воображаем*, лучше того, что есть на самом деле... хотя для вас это конечно же не так, ведь все, что у вас есть *на самом деле*, такое необыкновенно приятное.

Миссис Кэрю собралась сердито возразить, но Поллианна торопливо продолжила:

— И то, что есть теперь на самом деле у меня, конечно же гораздо лучше того, что было прежде. Но все время, пока я болела и не могла ходить, мне просто приходилось только и делать, что воображать, как можно усерднее. Да и теперь я, разумеется, часто это делаю... ну, вот как с папой и все такое... И сегодня я как раз собираюсь воображать, что это папа говорит с кафедры. Когда мы пойдем?

— *Пойдем?*

— В церковь, я хочу сказать.

— Но, Поллианна, я не... то есть я предпочла бы не... — Миссис Кэрю откашлялась и снова попыталась сказать, что совсем не собирается идти в церковь и что почти никогда туда не ходит.

Но перед ней было личико с доверчивым выражением и счастливые глаза, и она не смогла сказать то, что хотела.

— Ну, я думаю... четверть одиннадцатого... если мы пойдем пешком, — ответила она наконец, почти сердито. — Церковь в двух шагах отсюда.

Вот так и случилось, что в это солнечное сентябрьское утро миссис Кэрю, впервые за много месяцев, заняла свое место на старой скамье семейства Кэрю в весьма фешенебельной и со вкусом отделанной церкви, в которую ходила еще девочкой и которой до сих пор оказывала большую поддержку, насколько это касалось денежных пожертвований. Для Поллианны та воскресная утренняя служба оказалась и радостной, и удивительной. Чудесное пение хора в парадном облачении, переливающиеся яркими красками витражи, взволнованный голос проповедника и благоговейное молчание присутствующих на богослужении прихожан — все это наполнило сердце девочки восторгом, заставившим ее на время онеметь и лишь у самого дома, она с жаром воскликнула:

— Ах, миссис Кэрю, я все думаю, как это хорошо, что нам не приходится жить несколько дней одновременно!

Миссис Кэрю нахмурилась и внимательно взглянула на девочку. Миссис Кэрю была совсем не расположена выслушивать поучения. Ей только что пришлось вытерпеть одну проповедь с кафедры, и она не желала слушать вторую от этого ребенка. Кроме того, теория «живи одним днем» была излюбленной доктриной Деллы. Разве не Делла всегда говорила: «Но ведь тебе. Рут, не приходится жить одновременно больше одной минуты, а в течение одной минуты человек может вынести любое страдание».

— Вот как? — проронила миссис Кэрю в ответ на слова Поллианны.

— Да. Вы только подумайте, что я стала бы делать, если бы мне в один день пришлось прожить и вчера, и сегодня, и завтра, — вздохнула Поллианна. — Столько всего совершенно замечательного сразу! А так у меня было вчера, а теперь я живу сегодня, и завтра еще только наступит, и следующее воскресенье тоже. Честное слово, миссис Кэрю, не будь. сегодня воскресенье и так тихо на этой улице, я бы затанцевала, запела и закричала от радости. Мне было бы не удержаться. Но так как сегодня воскресенье, мне придется подождать, пока мы придем домой, и только тогда пропеть псалом... самый радостный из всех, какие я только помню. А

вы знаете, миссис Кэрю, какой самый радостный?

— Нет, боюсь, что не знаю, — слабым голосом отозвалась миссис Кэрю с видом человека, пытающегося вспомнить что-то забытое.

Если вам очень плохо и вы ожидаете услышать в виде утешения, что в один день нужно вытерпеть не больше страданий, чем он может вместить, а вам вдруг заявляют, что все хорошо и вам просто повезло, так как не приходится переживать все радости в один день, — такое заявление, мягко говоря, обезоруживает.

На следующее утро, в понедельник, Поллианна впервые отправилась в школу одна. Теперь она отлично знала дорогу, да и идти было недалеко. Школа очень понравилась Поллианне. Это была небольшая частная школа для девочек, которая принесла Поллианне совершенно новые в своем роде впечатления. А она любила новые впечатления.

Миссис Кэрю, однако, новых впечатлений не любила, но их в эти дни у нее оказалось немало. У того, кому все опротивело, тесное общение с человеком, которому все кажется исполненным новизны и чарующей радости, неизбежно вызывает, по меньшей мере, досаду. И миссис Кэрю была более чем раздосадована. Она была совершенно выведена из себя. Однако в душе ей пришлось признать, что если бы кто-нибудь спросил ее, почему она раздражена, единственной причиной, которую она могла привести, было «потому что Поллианна так рада»... но дать такой ответ не решилась бы даже миссис Кэрю.

Впрочем, Делле она все же написала, что слово «рада» действует ей на нервы и что иногда она думает, как было бы хорошо никогда больше его не слышать. Тем не менее она признавала, что Поллианна отнюдь не читает ей нравоучений и даже ни разу не пыталась заставить ее «играть в радость». Однако этот ребенок неизменно считал само собой разумеющимся, что миссис Кэрю всегда «рада», а такое чрезвычайно раздражает того, кто ничему не рад.

На второй неделе пребывания Поллианны в Бостоне досада и раздражение миссис Кэрю вылились в гневный протест. Непосредственным поводом к этому послужил полный энтузиазма рассказ о какой-то даме из благотворительного комитета:

— Она играла в игру. Но, может быть, вы, миссис Кэрю, не знаете, что это за игра? Я вам расскажу. Это замечательная игра!

Но миссис Кэрю жестом остановила ее.

— Не нужно, Поллианна. Я все знаю об этой игре. Мне рассказала о ней сестра, и... и, должна сказать, что я... что меня она не интересует.

— Ну разумеется, миссис Кэрю! — воскликнула Поллианна, спеша

извиниться. — Я и не хотела сказать, что эта игра для вас. Вы конечно же не смогли бы в нее играть.

— *Не смогла бы!* — удивилась миссис Кэрю. Она, разумеется, *не хотела* играть в эту глупую игру, но ей было неприятно слышать, что она *не может*.

— Конечно нет! Разве вы не понимаете? — засмеялась Поллианна. — Ведь игра заключается в том, чтобы во всем находить что-то такое, чему можно радоваться. А вы не могли бы даже начать искать, потому что вокруг вас нет ничего, кроме того, чему можно радоваться. Так что для вас никакой игры не получилось бы! Разве вы не понимаете?

Миссис Кэрю сердито вспыхнула и, раздосадованная, сказала больше, чем, быть может, хотела.

— Нет, Поллианна, — возразила она холодно. — Дело в том, что я не могу найти совершенно ничего, чему я могла бы... радоваться.

На мгновение Поллианна замерла, ошеломленно уставившись на нее, затем отпрянула в изумлении, прошептав:

— Как это, миссис Кэрю?

— Ну, а чему мне радоваться? — с вызовом бросила миссис Кэрю, на мгновение совсем забыв, что собиралась не позволять Поллианне «читать проповеди».

— Ну... всему, — все так же ошеломленно и недоверчиво пробормотала Поллианна. — Этот красивый дом...

— Всего лишь место, где можно есть и спать... а для меня в этом радости мало.

— Но у вас есть все эти совершенно великолепные вещи, — неуверенно добавила Поллианна.

— Они мне надоели.

— А ваш автомобиль, который может отвезти вас куда угодно?

— Я не хочу никуда ехать.

Поллианна ахнула:

— Но вы только подумайте о новых людях и местах, которые могли бы увидеть, миссис Кэрю!

— Они не интересуют меня.

И снова Поллианна уставилась на нее в изумлении. Лицо ее стало еще более озабоченным и хмурым.

— Но, миссис Кэрю, я все же не понимаю, — начала она с укором. — В прошлом, у других людей, всегда было что-то неприятное, что позволяло им играть в игру, и чем неприятнее оно было, тем интереснее оказывалось от него избавляться — то есть находить чему радоваться. Но когда нет

ничего неприятного, я сама не знаю, как играть.

С минуту ответа не было. Миссис Кэрю сидела неподвижно, глядя в окно. Постепенно выражение гневного протеста на ее лице уступило место безнадежной грусти. Тогда, медленно обернувшись, она сказала:

— Я не хотела говорить тебе об этом, Поллианна, но теперь решила, что скажу... Я скажу тебе, почему все, что есть у меня, не может меня... радовать. — И она начала рассказ о Джейми, четырехлетнем мальчике, который восемь долгих лет назад ушел, словно в иной мир, плотно закрыв за собой дверь.

— И с тех пор вы никогда не видели его? — со слезами на глазах, заикаясь, выговорила Поллианна, когда рассказ был окончен.

— Никогда.

— Мы найдем его, миссис Кэрю. Я уверена, мы найдем его!

Миссис Кэрю печально покачала головой:

— Я не верю в это. Ведь я искала его везде, даже в других странах.

— Но ведь где-то он должен быть.

— Может быть, он... уже умер, Поллианна.

— О нет, миссис Кэрю, не говорите так! — торопливо воскликнула девочка. — Будем воображать, что он жив. Мы *можем* это вообразить, и тогда нам будет легче. А если мы вообразим его живым, то сможем вообразить и то, что непременно найдем его. И это еще больше нам поможет.

— Но, боюсь, Поллианна, что он... умер, — с трудом вымолвила миссис Кэрю.

— Но точно вы этого не знаете, правда? — с тревогой уточнила девочка.

— Н-нет.

— Значит, вы это только воображаете! — с торжеством заявила Поллианна. — А если вы можете вообразить его умершим, то точно так же сможете вообразить живым, а это будет гораздо приятнее. Разве вы не понимаете? И я просто уверена, что когда-нибудь вы его найдете. Ах, миссис Кэрю, теперь и вы *можете* играть в игру! Вы можете радоваться каждому новому дню, потому что с каждым днем приближается та минута, когда вы найдете Джейми. Понимаете?

Но миссис Кэрю, похоже, не «понимала». Она с угрюмым видом поднялась с кресла и сказала:

— Нет-нет, детка! Ты не понимаешь меня — не понимаешь... Беги-ка лучше, почитай или займись чем-нибудь другим. У меня болит голова. Я, пожалуй, прилягу.

Поллианна медленно, с озабоченным и печальным лицом, вышла из комнаты.

Глава 5

ПОЛЛИАННА ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ПРОГУЛКУ

На ту памятную прогулку Поллианна отправилась в субботу, на второй неделе со времени своего приезда в Бостон. До этого она еще ни разу не гуляла по городу одна, если не считать дороги в школу и обратно. Мысль о том, что девочке захочется отправиться в одиночестве исследовать улицы Бостона, никогда даже не приходила в голову миссис Кэрю, а потому она, естественно, никогда ей этого и не запрещала. В Белдингсвилле же, особенно в первое время, прогулки по извилистым улочкам в поисках новых друзей и новых впечатлений были главным развлечением Поллианны.

В тот субботний день, вскоре после обеда, миссис Кэрю произнесла фразу, которую Поллианна часто слышала от нее и прежде:

— Ну, детка, беги куда хочешь и делай что хочешь, только очень тебя прошу: не задавай мне сегодня больше никаких вопросов!

В предыдущие дни, когда Поллианне случалось оказаться предоставленной себе самой, она неизменно находила немало интересного в самом доме миссис Кэрю, так как даже если неодушевленные предметы и не оправдывали ее ожиданий, то оставались еще Мэри, Дженни, Бриджет и Перкинс. Но в тот день у Мэри болела голова, Дженни пришивала отделку к новой шляпке, Бриджет пекла яблочные пироги, а Перкинса просто нигде не было видно. К тому же день выдался особенно погожий, и ничто в четырех стенах дома не могло пленить больше, чем яркие лучи сентябрьского солнца и свежий благовонный воздух за окнами. Поллианна вышла из дома и села на широких ступенях возле парадной двери.

Сначала она сидела неподвижно, разглядывая хорошо одетых мужчин, женщин и детей, которые быстро проходили по тротуару мимо дома или неторопливо, ленивой походкой брели по аллее, тянувшейся посередине широкой улицы. Затем она поднялась на ноги, в несколько прыжков очутилась на нижней из ступеней и постояла, глядя сначала направо, потом налево.

Она подумала, что, пожалуй, тоже не прочь пройтись. День был самым подходящим для прогулки, а она ведь еще ни разу не гуляла по городу — так, чтобы *по-настоящему* погулять. Дорога в школу и обратно — это не в

счет. Да, сегодня она пойдет на прогулку. Миссис Кэрю конечно же не будет возражать. Разве она не сказала, что Поллианна может делать что хочет, лишь бы не задавала вопросов? А впереди еще такой длинный день. Только подумать, сколько всего можно увидеть за время, которое остается до вечера! И день такой замечательный. Она пойдет — вон туда!.. Повернувшись на каблучке и подпрыгнув от радости, Поллианна, счастливая, зашагала вдоль улицы.

Встречаясь взглядом с кем-нибудь из прохожих, Поллианна радостно улыбалась. Она была разочарована — хотя и не удивлена — тем, что на ее улыбку не отвечали улыбкой. Она уже успела привыкнуть к этому здесь в Бостоне, но несмотря ни на что продолжала улыбаться в надежде, что кто-нибудь когда-нибудь все же улыбнется в ответ.

Дом миссис Кэрю стоял почти в самом начале Коммонуэлс-авеню, поэтому вскоре Поллианна оказалась на перекрестке. По другую сторону улицы, пересекавшей авеню под прямым углом, во всей своей осенней красе лежало то, что показалось Поллианне самым красивым «садом» из всех, какие она только видела в жизни. Это был Бостонский городской парк. На мгновение Поллианна замерла в нерешительности, с жадностью устремив взгляд на раскинувшееся впереди великолепие красок. Она не сомневалась в том, что перед ней частный сад, принадлежащий какому-то богатому человеку. Как-то раз, когда она была в санатории, доктор Эймс взял ее с собой в гости к одной богатой даме, жившей в красивом доме, окруженном такими же, как здесь, аллеями и цветниками.

Поллианне очень хотелось перейти на другую сторону улицы и войти в «сад», но она была не уверена, имеет ли на это право. Конечно, там, за оградой были другие люди — они гуляли, ей было их видно, — но ведь это могли быть приглашенные хозяином гости. Но, увидев, как две женщины, мужчина и маленькая девочка решительно, без всяких колебаний, вошли в ворота и зашагали по одной из аллей, Поллианна решила, что ей, пожалуй, тоже можно войти. Улучив удобный момент, она вприпрыжку перебежала через улицу и вошла в «сад». Вблизи он был даже еще красивее, чем издали. Птички щебетали прямо над головой, а впереди дорожку пересекала в несколько прыжков ярко-рыжая белка. Тут и там на скамьях сидели мужчины, женщины, дети. Сквозь листву было видно, как чуть поодаль на воде вспыхивают отблески солнечного света. Откуда-то доносились веселые крики детей и звуки музыки. Поллианна, снова оробев, немного неуверенно обратилась к попавшейся ей навстречу, нарядной молодой женщине:

— Простите, здесь сегодня... принимают гостей?

Молодая женщина взглянула на нее с удивлением.

— Гостей? — переспросила она недоуменно.

— Да, мэм. То есть это ничего, что я... зашла сюда?

— Что ты зашла сюда? Ну разумеется! Сюда может зайти любой! — воскликнула женщина.

— О, тогда все в порядке! И я очень рада, что зашла, — просияла в ответ Поллианна.

Женщина не ответила и заторопилась к выходу, но все же обернулась и еще раз с любопытством взглянула на Поллианну.

Ничуть не удивившись щедрости владельцев прекрасного сада, готовых принять у себя в гостях всех желающих, Поллианна продолжила свой путь. На повороте аллеи она столкнулась с маленькой девочкой, которая везла перед собой игрушечную колясочку с куклой. Поллианна обрадованно вскрикнула и остановилась, но не успела сказать и двух слов, как откуда-то появилась молодая женщина, которая приблизилась стремительной походкой и, схватив маленькую девочку за руку, произнесла недовольным тоном:

— Пойдем, Глэдис. Разве мама не говорила тебе, чтобы ты не разговаривала с чужими детьми?

— Но я не чужая! — с жаром выступила в свою защиту Поллианна. — Я тоже живу теперь здесь, в Бостоне, и... — Но молодая женщина и девочка с игрушечной колясочкой были уже далеко, и, подавив вздох, Поллианна умолкла. С минуту она стояла неподвижно, явно обескураженная, затем вскинула голову и решительно зашагала вперед.

— Ну что ж! Пусть так, но я и этому могу радоваться, — говорила она себе, — потому что теперь я, может быть, найду здесь кого-нибудь другого — еще лучше. Например, Сузи Смит или даже Джейми, племянника миссис Кэрю. Во всяком случае, я могу *вообразать*, что непременно найду их, а если и не найду именно их, то *кого-нибудь* все-таки найду! — заключила она, чуть печально глядя на проходящих мимо людей, всецело захваченных своими собственными делами и мыслями.

Поллианне было, несомненно, очень одиноко. Воспитанная отцом и дамами из благотворительного комитета в маленьком городке на Западе, она считала там каждый дом родным, а каждого жителя — мужчину, женщину или ребенка — своим другом. Переехав в одиннадцать лет к тетке в штат Вермонт, она быстро убедила себя в том, что перемена невелика — просто дома и друзья теперь будут другие, и они, возможно, окажутся даже еще более привлекательными, так как будут «особенными», а Поллианна так любила «особенных» людей и «особенные» места! Поэтому в

Белдингсвилле самым первым и неизменно самым приятным развлечением стало бродить по городку, заходя в гости к новым друзьям. Вполне естественно, что и огромный Бостон, когда Поллианна впервые увидела его, показался ей еще более многообещающим местом, для новых знакомств.

Пока,, однако, ей приходилось признать, что, по меньшей мере в одном отношении. Бостон разочаровал ее: она жила здесь уже почти две недели, но еще не была знакома ни с теми, кто жил по другую сторону улицы, ни даже с теми, чьи дома стояли рядом. Но что казалось еще более необъяснимым, так это то, что и сама миссис Кэрю не была близко знакома ни с кем из своих соседей, а многих из них и вовсе не знала. Похоже они действительно не вызывали у нее никакого интереса, что, с точки зрения девочки, было чрезвычайно странно. Но какие бы доводы ни приводила Поллианна, они не могли изменить позицию миссис Кэрю в этом вопросе.

— Нет, Поллианна, меня они не интересуют, — вот и все, что она обычно отвечала. И этим ответом Поллианне — для которой в нем было не слишком много смысла — приходилось довольствоваться. Впрочем, в этот день Поллианна отправилась на прогулку с самыми радужными надеждами. Однако до сих пор ей, похоже, было суждено испытать по-прежнему одни лишь разочарования. Вокруг было множество людей — без сомнения, замечательнейших! Если бы только она была с ними знакома! Но, увы, она их не знала. И что еще хуже, казалось, нет никакой надежды, что ей удастся узнать их поближе, так как они явно не желали знакомиться с ней. Вспоминая раздраженный тон гувернантки и ее слова о «чужих детях», Поллианна все еще чувствовала горькую обиду.

— Что ж, я думаю, что должна показать им всем, что я не чужая! — наконец сказала она себе, снова уверенно зашагав вперед.

Решение было принято, и, следуя ему, Поллианна ласково улыбнулась, взглянув прямо в глаза первой же встреченной на пути особе, и сказала радостно:

— Прекрасный день, правда?

— Э... что? Ах, д-да, разумеется, — пробормотала дама, к которой было обращено любезное замечание, и ускорила шаг.

Поллианна предприняла подобную попытку еще дважды, но результат был столь же обескураживающим. Вскоре она вышла к маленькому пруду — отблески на его поверхности она видела прежде сквозь листву деревьев. Пруд был очень красив, и по нему скользило несколько лодок, полных смеющихся детей. Глядя на них, Поллианна чувствовала, как ее все больше

и больше угнетает собственное одиночество. И тогда, увидев неподалеку мужчину, сидящего на скамье в таком же одиночестве, она медленно направилась к нему и робко опустилась на другой конец скамьи. Прежде она без колебаний вприпрыжку подбежала бы к этому человеку и с веселой доверчивостью предложила завязать знакомство, не сомневаясь в том, что предложение будет принято с радостью. Однако недавние неудачные попытки вызвали у нее непривычную робость. Она украдкой разглядывала мужчину.

Выглядел он не слишком привлекательно. Одежда, хоть и новая, казалась запыленной и была плохо подогнана по фигуре. Судя по фасону и покрою (хотя Поллианна этого, разумеется, не знала) эту одежду государство предлагает бывшим заключенным в качестве костюма свободного человека. Лицо мужчины было бледным, одутловатым, «украшенным» недельной растительностью. На глаза была надвинута шляпа. Руки мужчина держал в карманах и сидел, равнодушно уставившись в землю. Прошла томительная минута, затем Поллианна с надеждой в голосе произнесла:

— Прекрасный день, правда?

Мужчина вздрогнув, повернул голову.

— А? Э... что ты сказала? — спросил он, озираясь со странно испуганным видом, чтобы убедиться, что прозвучавшие слова адресованы именно ему.

— Я сказала, что день прекрасный, — горячо и торопливо принялась объяснять Поллианна, — но для меня не это главное. То есть я, конечно, рада, что день хороший, но сказала это только, чтобы начать разговор, и так же охотно поговорила бы с вами о чем-нибудь другом — все равно о чем. Я только хотела, чтобы вы заговорили... о чем-нибудь, понимаете?

Мужчина негромко рассмеялся. Даже Поллианне этот смех показался странным, хотя она и не знала (в отличие от самого мужчины), что улыбка уже много месяцев не появлялась на его губах.

— Так значит, ты хочешь, чтобы я поговорил с тобой, да? — спросил он чуть печально. — Ну что же, тогда придется поговорить. Да только я думаю, что такая милая маленькая леди могла бы найти себе для беседы кучу людей гораздо более приятных, чем такой старый охламон, как я.

— Но мне нравятся старые охл... — торопливо возразила Поллианна, — то есть я хочу сказать, *старые*, а кто такой *охламон*, я не знаю, так что не могу сказать, что они мне не нравятся. К тому же если вы охламон, то я думаю, охламоны мне нравятся. Во всяком случае, вы мне нравитесь, — закончила она, поудобнее усаживаясь на скамье, что придало

ее словам особую убедительность.

— Хм! Весьма польщен, — иронически улыбнулся мужчина. Его лицо и слова выражали вежливое сомнение, но можно было заметить, что он сел на скамье прямее. — Так о чем же будем говорить?

— Это... это *несущественно*. Это слово значит, что мне все равно, ведь так? — ответила Поллианна, сияя улыбкой. — Тетя Полли говорит, что, о чем бы я ни заговорила, непременно начну рассказывать о дамах из благотворительного комитета. Но я думаю, это потому, что они первыми меня воспитывали. Вы так не думаете?.. Мы могли бы поговорить о приеме, который здесь устроен. Теперь, когда я уже познакомилась с одним из гостей, этот прием кажется мне совершенно замечательным!

— Прием?

— Ну да... этот прием... все эти люди, которые пришли сюда сегодня. Ведь здесь принимают гостей, да? Та дама сказала, что это для всех... так что я осталась... хотя еще не видела хозяина... то есть того, кто принимает гостей.

Губы мужчины дрогнули в улыбке.

— Что ж, моя маленькая леди, пожалуй, это действительно своего рода прием, но «хозяин», который устроил его — город Бостон. Это общественный парк, понимаешь? Он открыт для всех.

— Правда? Всегда? И я смогу приходить сюда всякий раз, когда захочу? Ах, ну просто замечательно! Это даже лучше, чем я себе представляла. Понимаете, я боялась, что больше не смогу сюда попасть — ну то есть в другой день. Но теперь я даже рада тому, что не знала об этом с самого начала, так как теперь мне еще приятнее. Ведь все приятное еще приятнее, если мы боимся, что оно перестанет быть приятным, правда?

— Может быть... если это действительно что-то приятное, — неохотно и немного угрюмо согласился мужчина.

— И я так думаю, — кивнула Поллианна, не обратив внимания на тон собеседника. — Разве здесь не великолепно, — продолжила она восторженно. — Интересно, знает ли об этом миссис Кэрю... то есть о том, что этот парк для всех. Я думаю, каждый захотел бы приходить сюда каждый день и просто сидеть и смотреть.

Лицо мужчины вдруг стало суровым.

— Остаются еще люди на свете, у которых есть работа... у которых есть и другие занятия, кроме того, чтобы просто приходить сюда, сидеть и глядеть. Вот только мне не довелось оказаться в их числе.

— Да? Ну так вы можете этому радоваться, — отозвалось Поллианна, следя восхищенным взглядом за проплывающей мимо лодкой.

Мужчина открыл было рот для гневного ответа, но не успел ничего сказать, так как Поллианна продолжила:

— Вот бы и мне так! А то надо вот ходить в школу. Конечно, школа мне нравится, но есть столько других занятий, которые нравятся мне гораздо больше... И все же я рада, *что могу* ходить в школу, особенно когда вспомню, как прошлой зимой думала, что никогда больше не смогу. Понимаете, я на время оказалась без ног... то есть я хочу сказать, что они не ходили. Только когда мы что-то теряем, нам становится ясно, как именно это было нам необходимо. Так же и с глазами. Вы когда-нибудь думали о том, как нам нужны глаза? Я — нет, пока не приехала в санаторий. Там была одна дама, которая за год до этого ослепла. Я хотела, чтобы она тоже начала играть в игру — то есть стала бы искать чему радоваться, но она ответила, что не может, а если я хочу понять *почему*, то могу попробовать на час завязать себе глаза платком. И я завязала. Это было ужасно! Вы когда-нибудь пробовали?

— Н-нет, не пробовал. — Лицо мужчины приобрело одновременно раздраженное и озадаченное выражение.

— Ну так и не пробуйте. Это ужасно! Невозможно ничего делать — ничего, что хочется. Но я выдержала целый час. И с тех пор мне так радостно... иногда, когда я вижу что-нибудь совершенно замечательное, как этот парк. Я так обрадовалась, когда его увидела, что чуть не заплакала оттого, что *могу* его видеть, понимаете?.. Впрочем, она тоже теперь играет в игру — та слепая дама. Мне мисс Уэтерби сказала.

— В... *игру* ?

— Да, в «игру в радость». Разве я вам еще не рассказала? То есть всегда находить во всем что-то такое, чему можно радоваться. Так вот она теперь тоже нашла кое-что... в своей слепоте, понимаете? Ее муж — один из тех, кто пишет законы, и она попросила его написать закон, который помог бы слепым, особенно маленьким детям. И даже пошла сама к тем, кто пишет законы, и рассказала им, каково это — быть слепым. И они его написали — этот закон. И сказали, что она сделала больше, чем любой другой, даже ее муж, для создания этого закона. И что если бы не она, никакого закона, возможно, вообще не было бы. Так что теперь она говорит, что даже рада, что потеряла зрение, потому что сумела благодаря этому помочь многим маленьким детям и теперь они не вырастут беспомощными слепцами, такими, как она сама. Вот видите, и она теперь играет в игру... Но боюсь, вы еще не совсем поняли, что это за игра, и сейчас я вам расскажу. Все началось так... — И, устремив взгляд на сверкающие в солнечных лучах красоты парка, Поллианна начала рассказ о той паре

маленьких костылей, которые должны были быть куклой. Когда она умолкла, воцарилось молчание. Затем, немного неожиданно, мужчина поднялся на ноги.

— О, вы уже уходите?! — воскликнула она, явно разочарованная.

— Да, ухожу. — И он как-то странно улыбнулся, глядя ей в лицо сверху вниз.

— Но вы когда-нибудь вернетесь?

Он покачал головой, но снова усмехнулся.

— Надеюсь, что нет... и даже уверен в этом. Я сделал сегодня великое открытие. Перед этим я думал, что уже потерял все в этой жизни. Я думал, что для меня нигде нет места в этом мире после того, что было. Но я только что осознал, что у меня есть глаза, руки и ноги. И теперь я собираюсь ими воспользоваться... и *заставить* кого-нибудь понять, что я знаю, как надо ими пользоваться!

В следующую минуту его уже не было. «Какой странный человек! — подумала Поллианна. — Но все-таки он очень милый и к тому же особенный». — И она тоже встала, чтобы продолжить прогулку по парку. Теперь она снова была такой как обычно — веселой и бодрой — и шагала вперед с неустрашимостью человека, не знающего сомнений. Разве не сказал этот мужчина, что здесь общественный парк и что она имеет такое же право, как все, гулять в нем? Она приблизилась к пруду и по мостику перешла на другой берег к тому месту, откуда отплывали лодочки. Некоторое время она с удовольствием наблюдала за катающимися в лодках детьми, по-прежнему сохраняя бдительность в отношении возможного появления черных локонов Сузи Смит. Конечно, Поллианна и сама охотно прокатилось бы по пруду в одной из красивых лодочек, но объявление, вывешенное на пристани, гласило: «Цена билета — пять центов», а у нее не было с собой денег. Она пошла дальше и с надеждой улыбнулась, взглянув в лица нескольких женщин, а дважды даже сделала попытку заговорить. Но никто не заговорил с ней первым, а те, к кому она обратилась, лишь окинули ее холодным взглядом и отделались односложными ответами. Вскоре Поллианна свернула в другую аллею. Там, в кресле на колесах, сидел какой-то бледный мальчик. Ей очень хотелось заговорить с ним, но он был так увлечен книжкой, которую читал, что, с минуту печально посмотрев на него, она отвернулась и отошла. Но прошло немного времени, и она неожиданно наткнулась на красивую, но печальную молодую девушку, которая сидела на скамье в полном одиночестве, бездумно уставившись в пространство, точно так же, как сидел недавний собеседник Поллианны. С радостным возгласом Поллианна поспешила к

девушке.

— Как поживаете?! — воскликнула она, сияя улыбкой. — Как я рада, что нашла вас! Я так долго вас искала, — объявила она, опускаясь на свободный конец скамьи.

Красивая девушка, вздрогнув, обернулась с живым выражением надежды во взгляде.

— О! А я думала... — разочарованно протянула она, снова откидываясь на спинку скамьи, а затем спросила обиженно: — Почему ты говоришь, что искала меня? Я вижу тебя впервые в жизни.

— И я вас тоже, — улыбнулась Поллианна. — Но все равно я вас искала. То есть я, конечно, не знала, что это будете именно вы. Я просто хотела найти кого-нибудь, кто совсем один. Как я, понимаете? Сегодня здесь так много людей, которые пришли не одни. Понимаете?

— Понимаю, — кивнула девушка, возвращаясь к прежней апатии. — Бедная моя девочка, как жаль, что ты узнала об этом так рано.

— Узнала... о чем?

— О том, что нигде так не одиноко человеку, как в шумной толпе большого города.

Поллианна немного нахмурилась и задумалась:

— Неужели? Не понимаю, как можно быть одиноким, если кругом полно людей. И все же... — Она заколебалась, и складка на лбу стала глубже. — Я и в самом деле чувствовала себя сегодня одинокой здесь, хотя вокруг было столько людей. Только они, кажется, не думали обо мне... или не обратили внимания.

Красивая девушка с горечью рассмеялась:

— Вот именно. Они никогда не думают и не обращают внимания. Толпа всегда такая.

— Но некоторые все же обращают. И мы можем этому радоваться, — попыталась переубедить ее Поллианна. — Теперь, когда я...

— О да, некоторые обращают... — перебила ее собеседница и, вздрогнув, испуганно взглянула на дорожку за спиной Поллианны. — Некоторые обращают... и даже слишком...

Поллианна в испуге съежилась — она так часто сталкивалась с нелюбезным приемом в этот день, что стала впечатлительна как никогда прежде.

— Вы говорите... обо мне? — запинаясь, выговорила она. — Вам не хотелось, чтобы я... на вас... обращала внимание?

— Нет-нет, детка! Я говорила о... о совсем другом человеке. О том, кому не следовало бы обращать на меня внимание... Я даже рада, что есть

теперь, с кем поговорить, только... только сначала я думала, что это кто-то из дома...

— А, значит вы здесь не живете, так же, как и я... то есть живете не всегда.

— Да, сейчас я живу здесь, — вздохнула девушка, — если, разумеется, это можно назвать жизнью... то, что я делаю.

— А что вы делаете? — с интересом спросила Поллианна.

— Что я делаю? Что ж, я расскажу тебе, что я делаю! — воскликнула девушка с неожиданной горечью в голосе. — С утра и до вечера я продаю тончайшие кружева и яркие ленты смеющимся и болтающим между собой девушкам. А потом иду домой — в маленькую комнатку на четвертом этаже с окошком на задний двор. В комнатку вмещается лишь узкая продавленная койка, умывальник со щербатым кувшином, шаткий стол и я. Летом в ней жарко, как в печи, а зимой холодно, как в леднике, но это единственное место, куда я могу уйти, и предполагается, что я должна сидеть там, когда не работаю. Но сегодня я вышла — я не собираюсь ни сидеть в этой комнатушке, ни идти читать в пыльную старую библиотеку. Сегодня наш последний свободный вечер в этом году — и к тому же дополнительный, и я хочу весело провести время... хоть раз. Я тоже молода и люблю пошутить и посмеяться не меньше, чем те девушки, которым я изо дня в день продаю кружева и ленты. Так вот, сегодня я собираюсь шутить и смеяться.

Поллианна улыбнулась и одобрительно кивнула:

— Я рада, что вы так думаете. Я тоже так думаю. Быть счастливой — это гораздо веселее, правда? Кроме того, сама Библия велит нам это делать — то есть веселиться и радоваться. Она говорит нам об этом восемьсот раз! Но вы, наверное, сами знаете, где в Библии говорится про радость.

Красивая девушка отрицательно покачала головой. На ее лице появилось странное выражение.

— Нет, — ответила она сухо, — не скажу, чтобы я сейчас думала о Библии.

— Нет? Разумеется, может быть, вы и не думали, но понимаете, мой папа был священником, и он...

— *Священником?*

— Да. И *ваш* папа тоже? — воскликнула Поллианна, заметив, как изменилось выражение лица девушки.

— Д-да. — Девушка чуть заметно покраснела.

— О, и он тоже, как мой папа, ушел на небеса, чтобы быть там с Богом и ангелами?

Девушка отвернулась.

— Нет. Он живет... дома, — ответила она чуть слышно.

— Ах как вы, я думаю, рады, — вздохнула Поллианна с завистью. — Вот если бы я могла хоть раз *увидеть* моего папу... ведь вы видите с вашим папой, правда?

— Нечасто. Понимаешь, я живу здесь...

— Но вы все-таки *можете* увидеть его, а я моего папу — нет. Он ушел к маме и к моим братикам и сестричкам на небеса и... А у вас и мама есть... на земле?

— Д-да. — Девушка беспокойно вертелась на скамье и даже привстала раз или два, словно желая уйти.

— Ах, значит, вы можете видеть их обоих, — вздохнула Поллианна с выражением неописуемой тоски на лице. — Как вы, наверное, рады! Ведь никто так не заботится о нас и не уделяет нам столько внимания, как папы и мамы, правда? Уж я-то знаю, потому что у меня был папа... он умер, когда мне исполнилось одиннадцать. Но вместо мамы все это время у меня были дамы из благотворительного комитета, пока меня не взяла к себе тетя Полли. Дамы из комитета были очень милые... но они не могут заменить ни маму, ни даже тетю Полли, и...

Поллианна говорила и говорила. Тут она была в своей стихии. Она любила поговорить. И ей ни разу не пришло в голову, что есть что-либо странное, неразумное или даже не совсем приличное в таком откровенном изложении собственных мыслей или истории своей жизни совершенно незнакомому человеку на скамье в городском парке. Для нее все мужчины, женщины, дети были друзьями, будь то знакомые или незнакомые — и до сих пор она находила незнакомых ничуть не менее замечательными, чем знакомых, ведь в общении с ними всегда было что-то от тайны и приключения — пока они из незнакомых превращались в знакомых. Поэтому-то так откровенно и беседовала она с сидевшей рядом девушкой о своем отце, о жизни в далеком городке на Западе, о переезде в Вермонт, о тете Полли. Она говорила о своих старых и новых друзьях и конечно же об игре. Об игре она рассказывала почти всегда и всем, рано или поздно. Игра стала, казалось, частью самого существа Поллианны, а потому было невозможно не говорить об этом. Что же до девушки, она почти не раскрывала рта, хотя в позе ее уже не было прежней апатии. Заметная перемена произошла во всем ее облике: пылающие щеки, сдвинутые брови, беспокойный взгляд, нервно сплетаемые и расплетаемые пальцы — все свидетельствовало о внутренней борьбе. Время от времени она с тревогой поглядывала на дорожку за спиной Поллианны и вдруг, бросив очередной

такой взгляд, схватила девочку за руку.

— Послушай, детка, побудь со мной еще минутку! Не уходи, слышишь? Оставайся на месте. Вот идет человек, которого я знаю, но что бы он ни говорил, не обращай внимания и *не уходи*. Я останусь с тобой. Понимаешь?

Поллианна открыла рот от удивления и растерянности и, прежде чем смогла вымолвить хоть слово, увидела перед собой очень красивого молодого человека, остановившегося возле скамьи.

— Ах, вот вы где, — с любезной улыбкой обратился он к собеседнице Поллианны, приподняв шляпу. — Боюсь, мне придется начать с извинений — я немного опоздал.

— Ничего страшного, сэр, — торопливо отозвалась девушка. — Я... я решила не идти.

Молодой человек беспечно рассмеялся:

— Ну что вы, дорогая! Не будьте так суровы с человеком только из-за того, что он немного опоздал!

— Дело не в этом, — защищалась девушка; щеки ее пылали. — Я хочу сказать, что... я не пойду.

— Глупости! — Мужчина перестал улыбаться и заговорил резко: — Вчера вы обещали.

— Да, я знаю. Но я передумала. Я сказала моей маленькой подруге, что... я останусь с ней.

— Да, но если вам хочется пойти с этим милым молодым человеком... — начала было Поллианна, но тут же умолкла под взглядом, который бросила на нее девушка.

— Я уже сказала, что предпочитаю *не* ходить. И не пойду.

— Но скажите на милость, отчего такой неожиданный и крутой поворот? — спросил молодой человек. Лицо его исказилось и показалось Поллианне совсем не таким красивым, как прежде. — Вчера вы говорили...

— Я знаю, что говорила, — перебила его девушка возбужденно. — О, я и тогда понимала, что мне не следует этого делать... А теперь я понимаю это еще яснее. Вот и все. — И она отвернулась с решительным видом.

Но это было не все. Мужчина еще дважды обратился к ней. Сначала он уговаривал, потом заговорил с издевкой и злым выражением в глазах. Наконец он пробормотал что-то очень тихо и сердито — слов его Поллианна не поняла, повернулся на каблуках и зашагал прочь.

Девушка следила за ним взглядом, пока он не скрылся из вида, а тогда со вздохом облегчения положила дрожащую руку на плечо Поллианны:

— Спасибо, детка. Я думаю, что обязана тебе... большим, чем ты

можешь предположить. До свидания!

— Неужели вы уйдете... *теперь* ! — огорченно воскликнула Поллианна.

Девушка устало вздохнула:

— Я должна уйти. Он готов вернуться, а у меня в следующий раз может не хватить сил. — Она вдруг оборвала речь и встала, а затем с горечью добавила: — Понимаешь, он как раз из тех, которые обращают внимание... и даже слишком... а не должны бы замечать меня... совсем! — И с этими словами она ушла.

— Какая странная! — пробормотала Поллианна, с грустью глядя вслед удаляющейся фигуре. — Милая, но тоже *особенная* , — заметила она, встала и без цели медленно побрела по аллее.

Глава 6

ДЖЕРРИ ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ

Вскоре Поллианна добралась до конца парка и вышла на перекресток двух улиц. Перекресток показался ей удивительно интересным: мчащиеся в разные стороны автомобили, экипажи, оживленная толпа пешеходов. Огромная красная бутылка в витрине аптеки привлекла ее внимание, а потом где-то на другой стороне улицы послышались звуки шарманки. Заколебавшись лишь на мгновение, Поллианна бросилась вперед, через перекресток и весело и беззаботно побежала по улице туда, откуда доносилась чарующая музыка.

На этой улице также нашлось немало интересного. В витринах магазинов были выставлены всякие чудесные вещи, а добравшись до шарманщика, Поллианна увидела вокруг него около десятка танцующих детей — восхитительное зрелище. Некоторое время она следовала за шарманкой, просто чтобы посмотреть на эти танцы — столь приятным оказалось такое развлечение, — а вскоре уже была на другом перекрестке, настолько оживленном, что переходить через улицу помогал людям очень высокий мужчина в синем мундире, перепоясанном ремнем. С минуту Поллианна молча и увлеченно наблюдала за ним, а потом сама сделала несмелую попытку перейти на другую сторону улицы.

Ее ожидало чудесное приключение. Высокий мужчина в синей форме сразу заметил ее и тут же жестом подозвал к себе. Он даже направился ей навстречу. А затем по широкой дорожке, с обеих сторон которой пыхтели остановившиеся автомобили и фыркали нетерпеливые кони, она благополучно перешла на другую сторону улицы. Это приключение вызвало у нее самые восхитительные ощущения, столь восхитительные, что через минуту она направилась обратно. Еще дважды с небольшими промежутками она прошла по этой удивительной дорожке, которая возникала словно по волшебству, стоило лишь высокому мужчине поднять руку. Но, переведя ее в очередной раз через улицу, мужчина озадаченно нахмурился и спросил:

— Послушай-ка, девочка, не ты ли переходила минуту назад? И еще раз перед тем?

— Да, сэр, — сияя улыбкой, ответила Поллианна. — Я переходила четыре раза!

— Ну и ну! — Полицейский был готов вскипеть, но Поллианна безмятежно продолжала:

— И каждый раз я получала все большее удовольствие!

— О-о-о, вот... вот как? — беспомощно пробормотал мужчина, а затем, уже решительнее, выпалил: — Так что же, ты думаешь, что я стою здесь только для того, чтобы... чтобы водить тебя туда и обратно?

— Ах, нет, сэр, — заулыбалась Поллианна; на щеках ее появились ямочки. — Конечно же вы стоите здесь не только для меня. Есть и другие люди. Я знаю, кто вы. Вы полицейский. У нас, там, где я живу в доме миссис Кэрю, тоже есть один — только он из тех, что ходят по тротуару, понимаете? Раньше я думала, что вы солдаты — из-за ваших золотых пуговиц и синих фуражек, но теперь я знаю, что вы полицейские. Но я думаю, что все-таки вы тоже вроде солдата, потому что вы такой храбрый — всегда стоите здесь, прямо среди всех этих автомобилей и экипажей и помогаете людям переходить через улицу.

— Хо-хо-хо! — Высокий мужчина покраснел как школьник и, закинув голову назад, разразился сердечным смехом: — Хо-хо-хо! Как будто... — Но он не договорил и быстро поднял руку, а в следующий момент уже переводил через улицу испуганную маленькую старушку. А если шагал он при этом чуть более величественной поступью и выпятил грудь чуть сильнее, чем прежде, то было это совсем неосознанно и лишь потому, что с другой стороны улицы за ним внимательно и восхищенно следили глаза маленькой девочки. Минуту спустя, с важностью сделав знак рукой полным нетерпения шоферам и возницам, что они могут продолжать движение, он возвратился к Поллианне.

— Это было великолепно! — воскликнула она с сияющими глазами. — Было так приятно смотреть, как вы это делали — ну прямо как дети Израиля, пересекающие Черное море^[2]! Вы словно удерживаете морские волны, чтобы люди могли пройти посуху! И как вам, должно быть, все время радостно оттого, что вы можете такое делать! Прежде я думала, что больше всего радости приносит работа доктора, но теперь мне кажется, что быть полицейским еще приятнее: это так замечательно — помогать тем, кто боится, и... — Но еще раз смущенно рассмеявшись, высокий мужчина в синей форме вернулся на своей пост посередине улицы, а Поллианна осталась на тротуаре в одиночестве. Еще минуту она продолжала наблюдать за поражающим воображение «Черным морем», а затем отвернулась, бросив через плечо последний, полный сожаления взгляд.

«Пожалуй, лучше вернуться домой, — подумала она. — Наверное, уже пора обедать».

Поллианна решительно двинулась в обратный путь и, только постояв в растерянности на нескольких перекрестках и дважды нечаянно повернув не в ту сторону, осознала, что «вернуться домой» не так просто, как ей казалось сначала. А очутившись возле большого здания, которого — она была в этом уверена — никогда не видела прежде, Поллианна поняла, что совсем заблудилась. Она шла теперь по узкой улице, грязной, плохо вымощенной. По обеим сторонам тянулись ряды закопченных серых домов, да кое-где попадались невзрачные магазинчики. Кругом было множество бойко тараторящих мужчин и женщин — Поллианна не могла разобрать ни слова из их речи. Вдобавок невозможно было не заметить, что все эти люди смотрят на нее с любопытством, словно зная, что она здесь чужая. Она уже несколько раз спрашивала дорогу, но напрасно. Никто не знал, где живет миссис Кэрю, а последние двое из тех, к кому она обратилась, ответили жестами и потоком непонятных слов. По размышлении Поллианна решила, что это, должно быть, датский язык — что-то вроде того языка, на котором говорили Хаггерманы, единственная иностранная семья, жившая в Белдингсвилле.

Все дальше и дальше, минуя одну улицу за другой, брела усталая Поллианна. Ей было страшно. К тому же она проголодалась, у нее болели ноги, а глаза все время затуманивались слезами, которые она упорно старалась удержать. И в довершение бед начинало смеркаться.

— Ничего, ведь зато, — выдавила она, обращаясь к себе самой, — потом я буду радоваться тому, что потерялась, потому что будет так хорошо, когда я найдусь. И я могу радоваться этому уже сейчас! — Наконец, очутившись на шумном перекрестке двух более широких улиц, она в отчаянии остановилась. На этот раз слезы хлынули из глаз, и Поллианне, у которой не было с собой носового платка, пришлось вытирать их тыльной стороной рук.

— Эй, девчушка! Чего ревешь? — послышался добрый голос. — Что стряслось?

Поллианна, обрадованно вскрикнув, обернулась и оказалась лицом к лицу с невысоким мальчуганом, державшим под мышкой кипу газет.

— Ах, как я рада! — воскликнула она. — Мне так хотелось встретить кого-нибудь, кто говорит не по-датски.

Мальчик усмехнулся:

— Какой там датский! Бьюсь об заклад, ты говоришь о тарабарщине этих итальяшек.

Поллианна слегка нахмурилась.

— Во всяком случае, это... это был не английский, — сказала она

неуверенно, — и никто не мог мне ответить, когда я задавала какой-нибудь вопрос. Но, может быть, ты мне ответишь. Ты не знаешь, где живет миссис Кэрю?

— Спроси полегче!

— Что-о? — переспросила Поллианна, еще более неуверенно.

Мальчуган снова усмехнулся:

— Не по моей части, говорю... Похоже, что с этой леди я незнаком.

— Неужели же никто ее не знает? — с мольбой в голосе воскликнула Поллианна. — Понимаешь, я вышла погулять и заблудилась... все иду и иду и никак не могу найти дом... А уже пора ужинать и темнеет. Я хочу домой! Я должна вернуться домой!

— Фу-ты, ну-ты! Только об этом мне и беспокоиться!

— И миссис Кэрю, наверное, тоже беспокоится, — вздохнула Поллианна.

— Ну ты даешь! — неожиданно фыркнул мальчик. — Ладно, слушай! Ты знаешь хоть название улицы, которая тебе нужна?

— Нет... как-то... вроде... авеню, — пав духом, пробормотала Поллианна.

— Авенью-ю, вот даже как! Не без шика! Дело идет на лад. А номер дома? Можешь мне сказать? Ну, почеси в затылке!

— Почесать... в затылке? — Поллианна недоуменно приподняла брови и неуверенно поднесла руку к волосам.

Мальчик бросил на нее презрительный взгляд:

— Нечего из себя корчить! Не совсем же ты чокнутая? Неужели не знаешь номер дома, который тебе нужен?

— Н-нет... помню только, что там есть цифра семь, — с робкой надеждой ответила Поллианна.

— Ну только послушайте ее! — с негодованием выпалил мальчуган. — Там есть цифра семь! И она хочет, чтобы я узнал этот дом, когда его увижу!

— Ах, я сама узнала бы дом, если бы увидела его, — горячо откликнулась Поллианна. — И улицу тоже узнала бы... там такой чудесный длинный сквер. Он идет вдоль всей улицы, прямо посередине.

На этот раз озадаченно нахмурился мальчик.

— Сквер? — переспросил он. — Посередине улицы?

— Да, деревья, трава, а посередине дорожка и скамьи и...

Но мальчик прервал ее радостным возгласом:

— Вот оно что! Коммонуэлс-авеню, точно! Вот где ты живешь! Вот где собака зарыта!

— О, ты уверен, что это та самая улица? Название звучит похоже...

Только не знаю, что ты хочешь сказать о собаке... Там нет никаких собак, и я не думаю, что кому-нибудь позволили бы...

— При чем тут собаки! — отозвался мальчик насмешливо. — Голову даю на отсечение, что знаю, где ты живешь! Я почти каждый день отвожу туда, в парк, сэра Джеймса. И тебя сумею отвести. Только постой здесь, пока я распродам все газеты. А потом — айда, и на месте, глазом моргнуть не успеешь!

— И ты вправду... отведишь меня домой? — спросила Поллианна, все еще не совсем уверенно.

— Как пить дать! Если только ты узнаешь дом.

— Конечно, я узнаю дом, но только я не знаю, почему нужно дать пить, — начала было как всегда скрупулезно точная в своих ответах Поллианна, — и если... — Но мальчик бросил на нее еще один презрительный взгляд и устремился в самую гущу толпы. В следующее мгновение Поллианна услышала его пронзительные возгласы:

— Газеты! Газеты! «Геральд», «Глоуб»... Газету, сэр?

Облегченно вздохнув, Поллианна отступила на несколько шагов под какую-то арку и приготовилась ждать. Она чувствовала, что очень устала, но была счастлива. Несмотря на некоторые загадочные аспекты всего этого дела, она полностью доверяла мальчику и не сомневалась, что он сумеет доставить ее домой.

— Он очень милый, и мне он нравится, — сказала она себе, следя взглядом за проворной фигуркой, мелькающей в толпе. — Но говорит он как-то смешно. Все слова английские, но кажется, что некоторые из них никак не связаны со всем остальным, что он говорит... И все-таки я рада, что он нашел меня, — заключила она, вздохнув с довольным видом. Вскоре мальчик вернулся. В руках у него уже ничего не было.

— Все наверх! Отчаливаем! — закричал он шутливо. — Берем курс на авеню! Был бы я при деньжатах, отвез бы тебя со всей помпой, но, так как грошей у меня кот наплакал, придется нам топтать на своих двоих.

Почти всю дорогу шли в молчании. Поллианна впервые в жизни чувствовала, что слишком утомлена и не в состоянии говорить ни о чем, даже о дамах из благотворительного комитета; мальчик же был поглощен тем, что выбирал кратчайшую дорогу. Когда они дошли до городского парка, Поллианна радостно воскликнула:

— Ну, теперь я почти дома! Я помню это место. Я сегодня здесь гуляла, и отсюда совсем недалеко до дома миссис Кэрю.

— Порядок! Дело в шляпе! Что я говорил? — торжествовал мальчуган. — Сейчас прямиком на авеню, а там уж твое дело узнать дом.

— Конечно же я его узнаю! — заявила Поллианна с ликованием и уверенностью человека, ступившего после долгих скитаний на знакомую почву. Было уже довольно темно, когда Поллианна и ее спутник поднялись по широким ступеням к дверям дома миссис Кэрю. Мальчик нажал кнопку звонка, дверь открылась, и Поллианна увидела перед собой не только Мэри, но и миссис Кэрю, Бриджет и Дженни. Все четыре женщины были бледны как полотно, в глазах застыл ужас.

— Поллианна, где ты была?! — воскликнула миссис Кэрю, бросаясь к ней.

— Я... я просто пошла погулять, — начала Поллианна, — и заблудилась, а этот мальчик..

— Где ты нашел ее? — властным тоном обратилась миссис Кэрю к спасителю Поллианны, который в этот момент с явным восхищением взирал на чудеса, представшие перед ним в ярко освещенном холле. — Мальчик, где ты нашел ее? — повторила она резко. Мальчик смело встретил ее взгляд; затем в глазах его засветилось что-то похожее на лукавый огонек, хотя его голос, когда он заговорил, был сама серьезность.

— Я нашел ее на Боудойнской площади, но думаю, что она шла с Норд-Энда, да только не могла разобрать ни слова из того, что говорили ей эти итальяшки, так что, думаю, она была им не очень рада, мэм.

— Норд-Энд... такой ребенок... одна! Поллианна! — миссис Кэрю содрогнулась при этой мысли.

— Ах нет, миссис Кэрю, что вы, — защищалась Поллианна, — там было полно народу! Ведь правда? — обратилась она за подтверждением к мальчику, но тот с озорной усмешкой исчез за дверью. В следующие полчаса Поллианна узнала много нового. Она узнала, что хорошие девочки не отправляются в одиночестве на дальние прогулки по незнакомым городам, не сидят на скамьях в парках и не разговаривают с чужими людьми. Она также узнала, что только «истинным чудом» ей удалось добраться в тот вечер домой и избежать множества очень неприятных последствий своего легкомыслия. Она узнала, что Бостон не Белдингсвилл и что она не должна питать никаких иллюзий на этот счет.

— Но, миссис Кэрю, — наконец в отчаянии возразила Поллианна. — Я уже здесь и не потерялась навсегда. И наверное, я должна этому радоваться, вместо того чтобы все время думать о том неприятном, что могло случиться.

— Да-да, детка, наверное, ты права, — вздохнула миссис Кэрю. — Но ты очень напугала меня, и я хочу быть совершенно уверена, что впредь ты никогда, *никогда* не сделаешь ничего подобного... А теперь, пойдем,

дорогая, я думаю, ты очень проголодалась.

В тот вечер, оказавшись наконец в постели и уже засыпая, Поллианна пробормотала, обращаясь к себе самой:

— Но больше всего я жалею, что не спросила у этого мальчика, ни как его зовут, ни где он живет. И теперь я не могу даже поблагодарить его!

Глава 7

НОВОЕ ЗНАКОМСТВО

После этой опасной прогулки Поллианна оказалась под бдительным надзором: лишь в школу и обратно она ходила одна, в остальных случаях ей не разрешалось покидать дом иначе как в сопровождении Мэри или самой миссис Кэрю. Впрочем, у Поллианны эти новые порядки не вызвали никакой досады — она любила и миссис Кэрю, и Мэри и всегда была рада их обществу. Они в свою очередь, по крайней мере в первые недели, не скупясь уделяли ей свое время и внимание. Миссис Кэрю, испытывая ужас при одной мысли о том, что могло случиться с Поллианной, и чувствуя облегчение от того, что ничего страшного все же не произошло, прилагала теперь все усилия к тому, чтобы развлечь девочку. В результате вместе с миссис Кэрю Поллианна побывала на концертах и дневных спектаклях, в публичной библиотеке и музее изящных искусств, а в обществе Мэри совершила ряд чудесных прогулок по Бостону и посетила здание законодательного собрания штата и церковь Олд-Саут^[3].

Как ни любила Поллианна ездить в автомобиле, трамваи понравились ей гораздо больше, о чем и узнала однажды, к своему большому удивлению, миссис Кэрю.

— Мы поедем на трамвае? — оживленно спросила Поллианна накануне очередной прогулки.

— Нет. Перкинс отвезет нас в автомобиле, — ответила миссис Кэрю и, заметив явное разочарование на лице девочки, с удивлением добавила: — Мне казалось, что тебе нравится ездить в автомобиле!

— О, конечно же нравится, — поспешила заверить ее Поллианна, — и я совсем не против, ведь я знаю, что это дешевле, чем на трамвае...

— Дешевле, чем на трамвае! — в изумлении перебила ее миссис Кэрю.

— Ну да, вы же знаете, что в трамвае нужно платить — по пять центов с человека, а в автомобиле не нужно платить ничего, потому что он ваш, — пояснила Поллианна, широко раскрывая глаза. — Конечно, я очень люблю ездить в автомобиле, — торопливо продолжила она, прежде чем миссис Кэрю успела заговорить. — Только в трамвае гораздо больше людей, а за ними так интересно наблюдать! Вы не согласны?

— Нет, Поллианна, не скажу, чтобы я была с этим согласна, — сухо

отозвалась миссис Кэрю и отвернулась.

Не прошло и двух дней, как миссис Кэрю узнала еще кое-что о Поллианне и трамваях — на этот раз от Мэри.

— Удивительное дело, мэм, — горячо говорила та, отвечая на какой-то вопрос, заданный хозяйкой, — удивительное дело, как мисс Поллианна умеет любого человека к себе привлечь. И ей для этого даже ничего делать не нужно. Она просто... просто кажется счастливой. Да, я думаю, в этом все дело. Я сама видела, как она входит в трамвай, полный раздраженных теснотой мужчин и женщин и хнычущих ребятишек, а через пять минут этот трамвай не узнать. Взрослые уже не хмурятся, а дети забыли, почему ревели. Иногда мисс Поллианна просто скажет мне что-нибудь, а пассажиры услышат... Или ответит «спасибо», когда кто-нибудь настойчиво предлагает нам свое место, всегда находится кто-нибудь, кто хочет уступить нам место... Или улыбнется ребенку или собачке. Все собаки машут хвостом при виде ее, а все детишки, и совсем маленькие, и постарше, улыбаются и тянут к ней ручки... Попал трамвай в уличный затор — это веселая шутка, сели мы не в тот трамвай — смешнее быть не может. И так во всем. Просто невозможно ворчать и сердиться, оказавшись рядом с мисс Поллианной, даже если трамвай переполнен, а ее вы видите в первый раз.

— Хм, вполне вероятно, — пробормотала миссис Кэрю, отворачиваясь.

Октябрь в тот год оказался необыкновенно теплым. Стояла прекрасная погода, чудесные дни приходили и проходили, и вскоре стало совершенно очевидно, что сопровождать повсюду неутомимую Поллианну — задача, требующая слишком много времени и терпения, и хотя этим первым миссис Кэрю располагала, второго у нее не было совсем, так же как не было и готовности позволить Мэри тратить так много времени (о ее терпении речь не шла) на исполнение всех фантазий и прихотей Поллианны. Но о том, чтобы держать ребенка в доме в такие великолепные осенние дни, разумеется, тоже не могло быть и речи. А потому — прошло совсем немного времени, и Поллианна снова оказалась в том же «прекрасном большом саду» — Бостонском городском парке — и к тому же одна. Однако, хотя внешне казалось, что она все так же свободна, как и прежде, на самом деле ее окружала высокая стена разнообразных правил и ограничений: ей не разрешалось говорить с незнакомыми взрослыми и играть с чужими детьми, ни при каких обстоятельствах она не должна была покидать пределы парка, если только речь не шла о возвращении домой.

Более того, Мэри, которая приводила ее в парк, обязана была прежде чем оставить там девочку убедиться, что та знает дорогу домой, а именно — не забыла, где Коммонуэлс-авеню пересекает идущую от парка Армингтон-стрит. А как только часы на башне близлежащей церкви пробьют половину пятого, Поллианна должна была немедленно отправляться домой. Теперь Поллианна часто бывала в парке. Иногда она ходила туда с кем-либо из одноклассниц, но чаще одна. Прогулки доставляли ей большое удовольствие, даже несмотря на довольно тягостные и досадные ограничения и запреты, установленные для нее миссис Кэрю. Поллианне не разрешалось *говорить* с людьми, но все же она могла *наблюдать* за ними, а поговорить можно было с белками, голубями и воробьями, охотно прибегавшими и прилетавшими, чтобы получить орешки и зернышки, которые она вскоре стала брать с собой всякий раз, когда отправлялась в парк.

Во время этих прогулок Поллианна часто искала взглядом своих новых друзей — тех, с кем познакомилась в тот день, когда впервые оказалась в парке: мужчину, который был так рад, что у него «есть глаза, руки и ноги», и красивую девушку, которая отвергла общество симпатичного молодого человека. Но Поллианна так ни разу и не встретила их. Зато она часто видела мальчика в кресле на колесиках и очень жалела, что не может заговорить с ним. Он тоже кормил белок и птиц, и они так привыкли к нему, что голуби порой садились прямо на его плечи или голову, а белки деловито рылись в его карманах в поисках орехов. Но, наблюдая за мальчиком издали, Поллианна всегда отмечала одно странное обстоятельство: ему явно доставляло огромное удовольствие кормить своих маленьких друзей, но приносимое им угощение всякий раз исчезало в мгновение ока, и хотя вид у него при этом был не менее разочарованный, чем у белки, тщетно искавшей чего-нибудь съестного в его опустевших уже карманах, он тем не менее даже не пытался поправить дело, захватив побольше еды на следующий день — что казалось Поллианне в высшей степени недальновидным.

Когда мальчик не играл с птицами и белками, он читал — постоянно читал. В кресле рядом с ним обычно лежали две или три потрепанные книжки, а иногда и пара иллюстрированных журналов. Мальчика почти всегда можно было обнаружить в одной и той же аллее, и Поллианна не переставала удивляться, как он оказывается там. Но наконец, в один незабываемый день ей удалось раскрыть этот секрет.

В тот день занятий в школе не было, и Поллианна отправилась в парк с самого утра. Прошло совсем немного времени, и она увидела, как

незнакомца везет в кресле по одной из дорожек парка другой мальчик, курносый и рыжеволосый. Бросив внимательный взгляд на лицо этого мальчика, Поллианна тут же кинулась к нему с радостным возгласом:

— Ах, это ты... ты!.. Я знаю тебя... только не знаю, как тебя зовут. Это ты нашел меня, когда я заблудилась! Помнишь? Как я рада, что снова тебя встретила! Я так хотела тебя поблагодарить!

— Вот так так! Да это же та потерявшаяся шикарная малышка с авенью-ю! — усмехнулся мальчик. — Удивительное дело! Что, опять заблудилась?

— Нет-нет! — заверила Поллианна, пританцовывая на цыпочках в порыве неудержимой радости. — Теперь я уже не потеряюсь — мне не разрешают никуда уходить отсюда. И разговаривать с незнакомыми тоже. Но с тобой-то можно — ведь я тебя знаю! И с ним тоже можно, если, конечно, ты нас друг другу представишь, — заключила она, бросив лучезарный взгляд на мальчика в кресле и сделав выжидательную паузу.

Рыжеватый паренек негромко рассмеялся и похлопал своего спутника в кресле по плечу.

— Слышал, а? Прямо шик и блеск, а? Ну, вот погоди, сейчас я тебя представлю-ю! — И он встал в эффектную позу. — Мадам, позвольте представить вам моего друга — сэра Джеймса, лорда переулка Мерфи и...

Но мальчик в кресле перебил его.

— Оставь ты эти глупости, Джерри! — воскликнул он раздраженно, а затем с пылающими щеками обернулся к Поллианне: — Я видел, как ты кормишь белок и птиц — у тебе всегда столько еды для них!.. Я думаю, что тебе тоже больше всех нравится сэр Ланселот. Ну и, конечно, леди Ровена... но как она вчера обошлась с Гиневрой, а? Стянула у нее угощение прямо из-под носа! — Поллианна растерянно заморгала и наморщила лоб, переводя взгляд с одного мальчика на другого в явном недоумении. Джерри опять рассмеялся, а затем поставил кресло на обычное место. Уходя, бросил Поллианне через плечо:

— Слушай, детка, хочу тебя просветить насчет кой-чего. Этот парень не пьяный и не спятил. Ясно? Он просто понадавал таких вот имен этим своим юным друзьям, — и Джерри широким жестом указал на спешащие к ним со всех сторон меховые и пернатые создания. — И это даже не людские имена. Он взял их из книжек. Соображаешь? И он скорее всех их накормит, чем сам поест. Никакого сладу с ним нет!.. Ну, пока, сэр Джеймс, — добавил он, состроив гримасу. — Встряхнись — и смотри, чтоб не жравши не сидел! До скорого! — и Джерри ушел. Поллианна все еще растерянно моргала и хмурилась, когда мальчик в кресле обернулся к ней с

улыбкой.

— Не обращай внимания. Уж такая у него манера. Он, Джерри, за меня — в огонь и воду, но любит подразнить. А где ты с ним познакомилась? Он даже не сказал мне, как тебя зовут.

— Я Поллианна Уиттиер. Я заблудилась однажды, а он отвёл меня домой, — ответила Поллианна, все еще несколько ошеломленная.

— Понятно. Это на него похоже, — кивнул мальчик. — Разве не привозит он меня сюда каждый день?

Поллианна взглянул на него с сочувствием,

— Вы совсем не можете ходить, сэр... Джеймс?

Мальчик весело засмеялся.

— Сэр Джеймс, вот еще! Просто одна из причуд Джерри. Никакой я не «сэр».

Вид у Поллианны был явно разочарованный.

— Не «сэр»? И не лорд, как он сказал?

— Конечно нет.

— А я-то думала, вы лорд... как маленький лорд Фаунтлерой^[4], понимаете? — сказала Поллианна. — И...

Но мальчик с жаром перебил ее:

— Так, значит, ты читала про маленького лорда Фаунтлероя? А про сэра Ланселота, святой Грааль, короля Артура, рыцарей «Круглого стола»? ^[5] А про леди Ровену и Айвенго? ^[6] И про всех остальных?

Поллианна неуверенно покачала головой.

— Ну, всех я, наверное, не знаю, — призналась она. — И они все... из книжек? — Мальчик кивнул.

— У меня они с собой... некоторые из них, — ответил он. — Я люблю их перечитывать. И каждый раз нахожу в них что-нибудь новое. Да и потом, других-то у меня все равно нет. Эти — отцовские... Ах ты, маленький мошенник, сейчас же перестань! — со смехом воскликнул он, обращаясь к белке с пушистым хвостом, которая, вскочив к нему на колени, принялась обнюхивать карманы его брюк.

— Ну и ну! Думаю, лучше их сразу покормить, а то они нас самих съедят! Это сэр Ланселот; он всегда прибегает первым.

Мальчик достал небольшую картонную коробку и открыл ее с осторожностью, помня о многочисленных быстрых маленьких глазках, следящих за каждым его движением. Вокруг него слышался теперь шелест крыльев, воркование голубей, дерзкое чириканье воробьев. Сэр Ланселот, бдительный и нетерпеливый, замер, сидя на ручке кресла. А его менее

храбрый пушистый приятель, присев на задние лапки, остановился в нескольких шагах от кресла. Третья белка фыркала и верещала, сидя на нижней ветке соседнего дерева.

Мальчик вынул из коробки несколько орехов, маленькую булочку и пончик, на который взглянул с вождением, и нерешительно спросил Поллианну:

— А ты... что-нибудь принесла?

— Целую кучу всего... вот, здесь, — и Поллианна похлопала по принесенному с собой бумажному пакету.

— Тогда я, пожалуй, сегодня сам его съем. — Мальчик со вздохом облегчения положил пончик обратно в коробку.

Смысл его слов совершенно ускользнул от Поллианны. Она просто запустила пальцы в свой пакет, и веселый пир начался.

Это был чудесный час. Пожалуй, он был самым чудесным в жизни Поллианны, так как впервые она встретила того, кто мог говорить быстрее и дольше, чем она сама. Этот необычный мальчик располагал неисчерпаемым запасом восхитительных историй о храбрых рыцарях и прекрасных дамах, о турнирах и битвах. И более того, он рассказывал так ярко и живо, что Поллианне казалось, она собственными глазами видит и поразительные подвиги, и рыцарей в латах, и прекрасных дам с распущенными волосами в украшенных драгоценностями платьях, хотя на самом деле она смотрела всего лишь на стайку перепархивающих с места на место птичек и нескольких рыжих белок, резвящихся на большой залитой солнцем поляне.

Дамы из благотворительного комитета были забыты. Даже «игра в радость» не приходила на ум.

Поллианна, с покрасневшими щеками и сверкающими глазами, путешествовала по золотым векам, где проводником ее был влюбленный в рыцарские романы мальчик, пытавшийся — хоть она и не знала об этом — в этот короткий час дружеского общения с родственной душой вознаградить себя за бесчисленные мрачные дни одиночества и тоски.

Лишь когда часы на церкви пробили полдень и Поллианне пришлось поспешить домой, она вспомнила, что даже не знает, как зовут мальчика.

— Знаю только, что не «сэр Джеймс», — вздохнула она, хмурясь от досады. — Но ничего. Спрошу у него завтра.

Глава 8

ДЖЕЙМИ

Наступило «завтра», но Поллианне не удалось увидеть своего нового знакомого. Шел дождь, и она не смогла пойти в парк. И на следующий день тоже было дождливо. Даже на третий день Поллианна не увиделась с ним, так как хотя было тепло и солнечно, а она отправилась в парк раньше обычного и ждала очень долго, он так и не появился. Но на четвертый день он был, наконец, на своем обычном месте, и Поллианна бросилась к нему с радостным возгласом.

— Ах, как я рада, как я рада, что ты здесь! Но где ты был? Вчера я не нашла тебя в парке.

— Пришлось остаться дома. У меня были сильные боли, — объяснил мальчик. Он был очень бледен.

— *Боли!* И часто болит? — с запинкой пробормотала Поллианна, которая была теперь само сочувствие.

— Да, всегда, — кивнул мальчик, бодро и сухо констатируя факт. — Обычно я могу выносить эту боль и бываю здесь несмотря на нее, но иногда мне *слишком* уж плохо, как вчера... Тогда не могу...

— Но как ты выносишь это... эту боль... всегда? — почти задохнулась Поллианна.

— Приходится выносить. Нужно принимать вещи такими, какие они есть. Что пользы раздумывать о том, какими они *могли бы* быть? К тому же, чем сильнее боль сегодня, тем приятнее будет, когда завтра она отступит.

— Я знаю. Это совсем как в иг... — начала было Поллианна, но мальчик перебил ее.

— А на этот раз ты много еды для них принесла? — спросил он встревоженно. — Хорошо, если принесла. Понимаешь, я сегодня совсем ничего не смог им дать. У Джерри утром не было ни цента лишнего, и мы не могли купить орехов, а в коробке не оказалось почти ничего даже и для меня самого.

Поллианна было потрясена.

— Ты хочешь сказать... что тебе самому не хватило еды?

— Точно! — улыбнулся мальчик. — Но это пустяки. Не первый раз... и не последний. Я привык... Смотри-ка! Вот и сэр Ланселот.

Полианна, однако, не могла думать о белках в этот момент.

— И дома больше ничего не было?

— Нет; дома еда никогда не лежит, — засмеялся мальчик. — Мамуся ходит на поденную работу — моет лестницы, стирает... ну, там ее и покормят. Джерри тоже так — перехватит кусок, где удастся, и только утром и вечером ест с нами... если, конечно, найдется что поесть.

Поллианна, казалось, было потрясена еще глубже:

— Но что же вы делаете, когда у вас *ничего* нет?

— Ходим голодные, разумеется.

— Но я никогда не слышала о людях, которым совсем ничего есть, — с трудом вымолвила Поллианна. — Конечно, и мы с папой были бедные: нам приходилось есть бобы и рыбные тефтели, когда нам хотелось индейки. Но хоть какая-то еда у нас все-таки всегда была. Почему вы не обратитесь к людям — ко всем этим людям, которые живут здесь, во всех этих домах?

— Какой смысл?

— Как какой? Они дадут вам что-нибудь!

Мальчик снова засмеялся; на этот раз смех его прозвучал как-то странно.

— Ошибаешься. Ничего из этого не выйдет. Не слыхал, чтобы кто-то угощал ростбифом и глазированным тортом всякого, кто его об этом попросит. А к тому же, если не побудешь иногда голодным, так не узнаешь, как вкусны могут быть картошка и молоко, да и немного найдешь такого, что можно записать в Веселую Книгу.

— Какую книгу?

Мальчик смущенно засмеялся и покраснел:

— Не важно. Просто я на минуту забыл, что ты не мамуся и не Джерри.

— Но что это за Веселая Книга? Расскажи мне. Пожалуйста! — просила Поллианна. — В ней тоже рыцари, лорды и дамы?

Мальчик отрицательно покачал головой. Искорки смеха погасли в его глазах, ставших вдруг темными и глубокими.

— Нет. А хорошо бы, если бы были... — вздохнул он печально. — Но если... если не можешь даже ходить, то уж тем более не можешь сражаться в битвах и завоевывать трофеи, и прекрасная дама не вручит тебе меч перед поединком, и не получишь из рук ее награду за победу. — Глаза его вдруг засверкали. Он вскинул голову, словно услышав призывный звук горна. Затем так же неожиданно огонь в его глазах угас, он вернулся к прежней апатии. — И делать ничего не можешь, — подытожил он устало, немного помолчав. — Можешь только сидеть и думать, а тогда в голову приходят страшные мысли. *Мне*, во всяком случае, приходят. Я хотел бы ходить в

школу и учиться, и узнать гораздо больше того, чему мамуся может меня научить. И об этом я думаю... Я хотел бы бегать и играть в мяч с другими мальчишками. И об этом я думаю... Я хотел бы продавать газеты вместе с Джерри. И об этом я думаю... И я не хотел бы вечно быть для кого-то обузой. И об этом я тоже думаю...

— Я понимаю... о, я понимаю, — прошептала Поллианна; глаза ее увлажнились. — Ведь я тоже одно время не могла ходить.

— Вот как? Ну, тогда ты действительно кое-что можешь понять. Но ты опять ходишь, а я — нет. — Мальчик вздохнул; глаза его стали еще печальнее.

— Но ты так и не рассказал мне о Веселой Книге, — помолчав, напомнила Поллианна.

Мальчик передвинулся в кресле и смущенно улыбнулся:

— Ну в общем-то ничего особенного, разве только для меня... Тебе это будет не очень интересно. Я начал ее год назад. В тот день я чувствовал себя особенно плохо. Все, казалось, было не так, как надо. Сначала я просто думал и хандрил, а потом взял одну из отцовских книжек и попробовал читать. И первое, что мне попало, были стихи; я выучил их потом наизусть, так что могу прочесть. Там были среди прочих такие строчки:

"Как много радостей, где, кажется, их нет.

Ложась на землю, каждый лист сухой

Нас звуком радует иль тишиной".^[7]

Ну, тут я здорово разозлился. Я думал, вот посадить бы того, кто это написал, на мое место и посмотреть, какие такие «радости» он нашел бы в моих «листьях». Я был в таком негодовании, что решил: я докажу, что он болтает, сам не зная о чем. И тогда я начал выискивать их — эти радости — в моих «листьях». Я взял старую записную книжку, которую подарил мне Джерри, и сказал себе, что буду их туда заносить. Все, в чем окажется хоть что-нибудь, что мне понравится, буду записывать в эту книжку. Тогда будет видно, сколько у меня в жизни «радостей».

— Да-да! — увлеченно воскликнула Поллианна, когда мальчик сделал паузу, чтобы перевести дыхание.

— Ну, я, конечно, не рассчитывал, что их будет много, но — поверишь ли? — оказалось, их целая куча. Почти во всем было что-нибудь такое, что мне хоть чуточку нравилось, так что приходилось записывать. Прежде

всего сама книжка... то, что она у меня есть и я могу все в нее записывать. Потом кто-то подарил мне цветок в горшке, а Джерри нашел в подземке мировую книжку... Да и выискивать эти радости было очень интересно — иногда я находил их в самых неожиданных местах. Ну, а потом однажды эта книжка попала к Джерри, и он догадался, что это такое, и дал ей тогда это название — Веселая Книга. Ну... вот и все.

— Все... все! — воскликнула Поллианна; то восторг, то изумление отражались на ее пылающем лице. — Да это же *игра в радость* ! Ты играешь в нее и не знаешь об этом... только ты играешь гораздо, гораздо лучше, чем я! Я... боюсь, я совсем не смогла бы играть, если бы мне не хватало еды... и если бы я знала, что никогда не смогу ходить, — заключила она прерывающимся голосом.

— Игра? Какая игра? Я ничего ни про какую игру не знаю, — нахмурился мальчик.

Поллианна хлопнула в ладоши.

— Я знаю, что ты не знаешь... конечно, не знаешь, и потому-то это так замечательно и... совершенно удивительно! Но слушай, я расскажу тебе, что это за игра. — И она рассказала.

— Вот это да! — одобрительно прошептал мальчик. — Подумать только!

— И вот, пожалуйста, ты играешь в мою игру лучше, чем все, кого я только видела, а я еще даже не знаю твоего имени и вообще ничего о тебе! — воскликнула она чуть ли не с благоговением в голосе. — Но я хочу... я хочу узнать все.

— Пф! Тут и узнавать-то нечего, — пожал плечами мальчик. — Да и, смотри-ка, бедный сэр Ланселот и все остальные ждут своего обеда.

— Ах да, действительно, — вздохнула Поллианна, с досадой взглянув на порхающие и стрекочущие создания вокруг них. Недолго думая она перевернула свой пакет вверх дном и, высыпав припасы на все четыре стороны, обрадованно сказала: — Ну вот, теперь все в порядке, и мы снова можем разговаривать. А мне так много нужно узнать о тебе. Прежде всего, как же тебя все-таки зовут? Я знаю только, что не «сэр Джеймс».

Мальчик улыбнулся:

— Нет, я не сэр Джеймс, но Джерри почти всегда меня так называет. А мамуся и остальные зовут меня Джейми.

— *Джейми* ! — У Поллианны перехватило дыхание, в глазах вспыхнула горячая надежда, которую, однако, почти мгновенно сменило полное боязни сомнение. — «Мамуся» — значит... мама?

— Конечно.

Поллианна явно стала менее напряженной. Ее лицо погрузнело. Если у этого Джейми есть мама, он, разумеется, не может быть Джейми Кентом, чья мать давно умерла. Но все равно, даже в этом случае, он оставался удивительно интересным мальчиком.

— Но где же ты живешь? — с жаром продолжала расспрашивать она. — В вашей семье есть еще кто-нибудь, кроме тебя, твоей мамы и Джерри? Ты бываешь здесь каждый день? Где твоя Веселая Книга? Нельзя ли мне ее увидеть? Доктора сказали, что ты никогда не сможешь ходить? А где, ты сказал, вы взяли это?.. это кресло на колесах, я хочу сказать.

Мальчик засмеялся:

— Ну и ну! Ты хочешь, чтобы я ответил на все эти вопросы сразу? Я начну, пожалуй, с последнего и пойду в обратном порядке, если не забуду, о чем ты спрашивала. Это кресло появилось у меня около года назад. Джерри знаком с одним из тех парней, что пишут для газет, и тот написал про меня... ну, что я никогда не смогу ходить и все такое и... и про Веселую Книгу. Не успел я оглянуться, как явилась целая толпа мужчин и женщин и прикатали это кресло. Они сказали, что это для меня... что они прочитали обо мне и хотят, чтобы кресло было у меня от них на память.

— Вот это да! Как ты, должно быть, обрадовался!

— Еще бы. Мне потребовалась целая страничка Веселой Книги, чтобы рассказать об этом кресле.

— Но неужели ты *никогда* не сможешь снова ходить! — Глаза Поллианны были затуманены слезами.

— Похоже на то. Доктора сказали, что не смогу.

— Но то же самое они говорили обо мне, а потом меня отправили к доктору Эймсу, и я жила там почти год, и он сумел меня вылечить. Может быть, ему удалось бы вылечить и тебя!

Мальчик отрицательно покачал головой:

— Не удалось бы... Понимаешь, я все равно не мог бы поехать к нему. Это обошлось бы слишком дорого. Нам просто придется считать, что я никогда не смогу... снова ходить. Ну да ничего! — Мальчик нетерпеливо вскинул голову. — Я стараюсь *не думать* об этом. Знаешь, каково это, когда начнешь думать...

— Да-да, конечно... а я-то заговорила об этом! — с раскаянием воскликнула Поллианна. — Я же сказала, ты умеешь играть в игру лучше, чем я. Но продолжай. Ты не рассказал мне и половины того, что я хочу знать. Где ты живешь? У тебя нет других братьев и сестер, кроме Джерри?

Лицо мальчика мгновенно изменилось, глаза заблестели.

— Нет... да мы с ним и не братья на самом-то деле. Он мне не родня, и

мамуся тоже. А только подумай, как они добры ко мне!

— Как так? — удивилась Поллианна, тут же наострив уши. — Разве мамуся тебе совсем не мама?

— Нет, и вот поэтому-то...

— И у тебя не было мамы? — перебила его Поллианна с растущим волнением.

— Никакой мамы я не помню, а отец умер шесть лет назад.

— Сколько лет тебе тогда было?

— Не знаю точно. Я был маленький. Мамуся говорит, что, наверное, около шести. Тогда-то они и взяли меня к себе.

— И твое имя Джейми? — Поллианна затаила дыхание.

— Ну да, я тебе уже говорил.

— А фамилия? — Поллианна нетерпеливо, но со страхом ждала ответа.

— Не знаю.

— *Не знаешь!*

— Не помню. Я был слишком маленький. Даже Мерфи не знают. Они всегда знали меня просто как Джейми.

На лице Поллианны появилось выражение глубокого разочарования, но тень печали тут же исчезла — ее прогнала молнией промелькнувшая мысль.

— Во всяком случае, если ты не знаешь свою фамилию, ты не можешь знать и того, что она не Кент!

— Кент? — Мальчик был озадачен.

— Да, — возбужденно начало Поллианна. — Понимаешь, был маленький мальчик, которого звали Джейми Кент, и он... — Она неожиданно умолкла и закусила губу. Ей пришло в голову, что будет лучше, если она не скажет этому мальчику о своих предположениях. Она должна убедиться в том, что он и есть пропавший Джейми, прежде чем вызывать у него какие-то надежды; а иначе она может принести ему скорее огорчение, чем радость. Она не забыла, как разочарован был Джимми Вин, когда ей пришлось сказать ему, что дамы из благотворительного комитета не хотят брать его к себе, и еще раз, когда мистер Пендлетон сначала тоже отказался его взять. Поллианна была полна решимости не дать себе совершить ту же ошибку в третий раз; так что она тут же постаралась изобразить полное равнодушие к этой чрезвычайно опасной теме, сказав:

— Но это не важно... Расскажи лучше о себе. Мне это так интересно!

— Да рассказывать-то нечего, — нерешительно начал мальчик. — Я ничего приятного не знаю. Говорят, отец был чужак — никогда ни с кем не

разговаривал. Никто даже не знал его имени. Все звали его «профессор». Мамуся говорит, что я жил с ним в маленькой комнатке на последнем этаже дома в Лоуэлле, в котором и они тогда жили. Они в то время были бедные, но далеко не такие бедные, как теперь. Отец Джерри тогда был жив и имел работу.

— Продолжай, продолжай, — ободрила его Поллианна.

— Ну, мамуся говорит, что мой отец был очень болен и делался все чудаковатее, так что я много времени проводил внизу, у них. Тогда я еще мог немного ходить, но с ногами у меня что-то было не в порядке. Я играл с Джерри и его маленькой сестренкой, которая потом умерла. Ну, а когда мой отец умер, у меня никого не осталось, и были люди, которые хотели отправить меня в сиротский приют. Но, мамуся говорит, я так расстроился, и Джерри так расстроился, что они решили оставить меня в своей семье. И оставили. Сестренка Джерри незадолго до этого умерла, и они сказали, что я, возможно, займу ее место. С тех пор я живу у них. Ну, а потом я упал, и мне стало хуже, да и они теперь ужасно бедные, и отец Джерри умер. Но они все равно оставили меня у себя. Разве это не то, что называют сердечной добротой?

— Да, о да! — воскликнула Поллианна. — Но их ждет награда... Да, я знаю, она их ждет! — Она трепетала от восторга. Последние сомнения исчезли. Она нашла пропавшего Джейми. Она была в этом уверена. Но пока она не должна ничего говорить. Пусть сначала миссис Кэрю увидит его, и тогда... Тогда! Даже воображения Поллианны не хватало, чтобы представить грядущее блаженство миссис Кэрю и Джейми после их счастливого воссоединения. Она легко вскочила на ноги, проявив явное непочтение к сэру Ланселоту, который обнюхивал в это время ее колени в поисках оставшихся орехов.

— Мне пора домой, но я опять приду завтра. Может быть, со мной придет дама, с которой тебе будет приятно познакомиться. Ты ведь будешь здесь завтра, правда? — с беспокойством уточнила она.

— Конечно, если погода будет хорошая. Джерри привозит меня сюда почти каждое утро. Понимаешь, они устроили все так, чтобы у него хватало на это времени; а я беру с собой обед и остаюсь здесь до четырех часов. До чего Джерри добр ко мне!

— Я знаю, знаю, — кивнула Поллианна. — И, возможно, ты найдешь кого-то еще, кто тоже будет добр к тебе, — почти пропела она и, с этим загадочным заявлением и лучезарной улыбкой, ушла.

Глава 9

ПЛАНЫ И ИНТРИГИ

По пути домой Поллианна радостно строила чудесные планы. Завтра, тем или иным способом, нужно уговорить миссис Кэрю пойти вместе с ней на прогулку в городской парк. Вот только как этого добиться, Поллианна не знала; но добиться было необходимо.

О том, чтобы прямо сказать, что она нашла Джейми и хочет, чтобы миссис Кэрю пошла и встретила с ним, не могло быть и речи. Ведь оставалась небольшая вероятность того, что это все же не тот Джейми; и в таком случае, если она вызовет у миссис Кэрю неоправданные надежды, последствия могут оказаться катастрофическими. Поллианне со слов Мэри было известно, что миссис Кэрю дважды была больна из-за глубокого разочарования, когда казавшиеся многообещающими путеводные нити приводили ее не к сыну умершей сестры, а совсем к другим мальчикам. Так что Поллианна знала, что не должна говорить, почему ей так хочется, чтобы миссис Кэрю пошла завтра на прогулку в парк. Но какой-нибудь способ уговорить ее непременно найдется, уверяла себя Поллианна, когда счастливая спешила домой.

Случилось, однако, так, что в это дело снова вмешался рок — на этот раз в виде проливного дождя с сильным ветром, и на следующее утро Поллианне было достаточно бросить взгляд за окно, чтобы понять, что никакой прогулки в этот день не будет. И что еще хуже, ни на другой день, ни на третий тучи не рассеялись, и Поллианна после школы проводила остаток дня, бродя от окна к окну, глядя в небо и с беспокойством спрашивая каждого: «Вам не кажется, что немного проясняется?»

Столь необычным для всегда веселой и бодрой девочки было такое поведение и столь надоедлыми эти постоянные вопросы, что миссис Кэрю наконец потеряла терпение.

— Помилуй, детка, в чем дело?! — воскликнула она. — Не помню, чтобы ты прежде так волновалась из-за погоды. Где же сегодня эта твоя чудесная «игра в радость»?

Поллианна покраснела; вид у нее был сконфуженный.

— Ну и ну! На этот раз я, кажется, забыла про игру, — призналась она. — Конечно, и тут есть что-нибудь, чему я смогу радоваться, если только поискать. Я могу радоваться, что... что дождь когда-нибудь

прекратится, ведь Бог сказал, что не найдет на нас второго потоп. Но, понимаете, я так хотела, чтобы сегодня было ясно.

— Почему именно сегодня?

— О, я... просто я хотела пойти погулять в парке. — Поллианна очень старалась говорить беззаботно и равнодушно. — Я... я думала, что может быть, вы захотите пойти со мной. — Внешне она была сама небрежность, внутренне же вся трепетала от волнения и ожидания.

— Я? Пойти гулять в парк? — Миссис Кэрю слегка приподняла брови. — Нет, спасибо; боюсь, мне не хочется. — Она улыбнулась.

— Но... вы... вы ведь не откажетесь пойти! — запинаясь, выговорила Поллианна, мгновенно впадая в панику.

— Я уже отказалась.

Поллианна судорожно сглотнула. Лицо ее сильно побледнело.

— Но, миссис Кэрю, пожалуйста, *пожалуйста*, не говорите, что вы не пойдете, когда будет хорошая погода, — просила она. — Понимаете, есть... есть особая причина, почему я хочу, чтобы вы пошли... со мной... только на этот раз.

Миссис Кэрю нахмурилась. Она уже разжала губы, чтобы еще тверже сказать «нет», но что-то в умоляющих глазах Поллианны заставило, должно быть, изменить выражение отказа, так как, когда прозвучали слова, в них выразилось неохотное согласие.

— Хорошо, хорошо, детка, пусть будет по-твоему. Но если я обещаю пойти, *ты* должна обещать не подходить к окну в течение часа и не спрашивать меня сегодня, не кажется ли мне, что проясняется.

— Хорошо, мэм, я буду... то есть не буду, — затрепетала от волнения Поллианна и тут же, увидев косо скользившую через оконное стекло бледную полоску света, похожую на солнечный луч, радостно вскрикнула: — Но ведь вам *кажется*, что... Ох! — И, не договорив, она в ужасе выбежала из комнаты.

На следующее утро бесспорно «прояснилось». Солнце сияло ярко, воздух был пронизывающе холодным, а к тому времени, когда Поллианна вернулась из школы, поднялся сильный ветер. Несмотря на возражения она настаивала, что день чудесный и что она будет совершенно несчастна, если миссис Кэрю не пойдет на прогулку в парк. И миссис Кэрю пошла, хотя все еще протестуя.

Как можно было предвидеть, поход оказался бесплодным. Раздраженная женщина и девочка с беспокойным взглядом торопливо шагали вдвоем, дрожа от холода, по дорожкам парка. (Не найдя мальчика на обычном месте, Поллианна лихорадочно обыскивала все закоулки парка.

Ей казалось, что такого быть не может: она была в парке, с ней была миссис Кэрю, но нигде было не найти самого Джейми... и она пока еще не могла ни слова сказать своей спутнице.) Наконец, совершенно продрогшая и выведенная из себя, миссис Кэрю настояла на возвращении домой, и Поллианна, потеряв всякую надежду, пошла за ней.

А потом для Поллианны настали печальные дни. То, что ей казалось опасно напоминающим второй потоп — но по словам миссис Кэрю было «обычными осенними дождями», — принесло череду сырых, туманных, холодных, тоскливых дней со скучной изморосью или, что было еще хуже, сильными ливнями. Если случайно день оказывался солнечным, Поллианна непременно бежала в парк, но напрасно. Джейми там теперь не было. Стоял ноябрь, и даже сам сад казался мрачным и унылым. Деревья были голы, скамьи почти пусты, и ни одной лодки на маленьком пруду. Правда, белки и голуби по-прежнему оставались там, и воробьи были такими же нахальными как всегда, но кормить их было скорее грустно, а не радостно, так как каждый дерзкий взмах пушистого хвоста сэра Ланселота вызывал лишь горькие воспоминания о мальчике, который дал ему это имя... и которого больше здесь не было.

— И подумать только, что я так и не узнала, где он живет! — снова и снова огорчалась про себя Поллианна. — А ведь это был Джейми... я точно знаю, это был Джейми. Но теперь мне придется ждать и ждать — до весны, когда станет тепло и он появится снова. А тогда, может быть, я уже не буду ходить в парк... Ох-ох-ох... а ведь это был Джейми, я знаю, это был Джейми.

Но в один из таких мрачных дней случилось неожиданное. Проходя по лестничной площадке над холлом, Поллианна неожиданно услышала доносившиеся снизу сердитые голоса, в одном из которых она узнала голос Мэри, в то время как другой... Другой голос говорил:

— Ни в жисть! Попрошайничества и в помине нет, усекла? Я хочу видеть девчушку, Поллианну. У меня к ней поручение от... от сэра Джеймса. Так что мотайте отсюда, будьте любезны, и притащите девчушку, если не возражаете.

С радостным возгласом Поллианна буквально слетела вниз по лестнице.

— О, я здесь, здесь, я как раз здесь! — задыхаясь, восклицала она, спотыкаясь на бегу. — Что такое? Тебя прислал Джейми?

В волнении она почти упала в распростертые объятия мальчугана, когда возмущенная Мэри удержала ее, преградив путь рукой.

— Мисс Поллианна, мисс Поллианна, вы хотите сказать, что знаете

этого... этого нищего мальчишку?

Мальчик вспыхнул от гнева, но прежде чем он успел ответить, Поллианна храбро выступила в его защиту.

— Он не нищий. Он живет вместе с одним из моих лучших друзей. К тому же это он нашел меня и привел домой, когда я заблудилась. — Затем она порывисто обернулась к мальчику: — Что случилось? Тебя прислал Джейми?

— Точно. Он пошел на боковую месяц назад и с тех пор все валяется.

— Пошел... куда? — Поллианна была озадачена.

— На боковую... слег в постель. Заболел, я хочу сказать, и хочет тебя видеть. Придешь?

— Болен? О, как мне его жаль! — огорчилась Поллианна. — Конечно, я приду. Вот только пойду и возьму пальто и шляпу.

— Мисс Поллианна! — задохнувшись от негодования, воскликнула Мэри с суровым осуждением в голосе. — Как будто миссис Кэрю вас отпустит... неизвестно куда с каким-то незнакомым мальчишкой!

— Но он не незнакомый, — возразила Поллианна. — Я давно его знаю. И я должна пойти с ним. Я...

— Что, скажите на милость, это значит? — ледяным тоном спросила миссис Кэрю, появляясь на пороге двери, ведущей из гостиной. — Поллианна, кто этот мальчик и что он здесь делает?

Поллианна обернулась, быстро вскрикнув:

— О, миссис Кэрю, вы ведь позволите мне пойти, правда?

— Пойти? Куда?

— Повидать моего брата, мэм, — торопливо и явно стараясь быть очень вежливым, вмешался мальчик. — Он, понимаете, неважно себя чувствует и все не давал мне покоя, пока я не пойду и не приведу... ее. — Он неловким жестом указал на Поллианну. — Он в ней души не чает.

— Мне ведь можно пойти, да? — просительно сказала Поллианна.

Миссис Кэрю нахмурилась:

— Пойти с этим мальчиком... тебе? Разумеется нет, Поллианна. Я удивляюсь, как можешь ты быть настолько безрассудна, чтобы подумать такое хоть на минуту.

— Но я хочу, чтобы вы пошли тоже... — начала было Поллианна.

— Я? Какая нелепость, детка! Это невозможно. Можешь дать этому мальчику немного денег, если хочешь, но...

— Спасибо, мэм, но я пришел не за деньгами, — обиженно отозвался мальчик, глаза его сверкали. — Я пришел за... ней.

— Да, и, миссис Кэрю, это Джерри... Джерри Мерфи, тот мальчик,

который нашел меня, когда я заблудилась, и привел домой, — умоляюще продолжила Поллианна. — Теперь вы позволите мне пойти?

Миссис Кэрю отрицательно покачала головой:

— Об этом не может быть и речи, Поллианна.

— Но он говорит, что Джей... другой мальчик болен и хочет меня видеть!

— Ничем не могу помочь.

— А я знаю его очень хорошо, миссис Кэрю. Да-да, правда. Он читает книжки — замечательные книжки, все про рыцарей, лордов и дам — и кормит птиц и белок и дает им имена. И он не может ходить, и ему не хватает еды, очень часто, — задыхаясь, торопливо говорила Поллианна, — и он целый год играл в мою игру и не знал об этом. А играет он в нее гораздо, гораздо лучше, чем я. И я искала и искала его столько дней! Право же, миссис Кэрю, я просто *должна* повидать его, — почти всхлипывала Поллианна. — Я не могу снова его потерять!

Краска гнева бросилась в лицо миссис Кэрю.

— Поллианна, это сущий вздор! Я удивлена. Ты изумляешь меня, настаивая на том, чтобы сделать то, чего я явно не одобряю. Я *не могу* позволить тебе пойти с этим мальчиком. А теперь, пожалуйста, чтобы я больше об этом не слышала.

На лице Поллианны появилось новое выражение. Вскинув голову, она полуиспуганно, полувосторженно взглянула прямо в лицо миссис Кэрю и с дрожью, но решительно, заговорила:

— Тогда мне придется сказать вам. Я не хотела... пока не буду совершенно уверена. Я хотела, чтобы сначала вы сами увидели его. Я думаю, миссис Кэрю, что это Джейми.

— Джейми! *Мой ... Джейми?* — Миссис Кэрю сильно побледнела.

— Да.

— Не может быть!

— Но судите сами. Его зовут Джейми, а фамилии он не знает. Его отец умер, когда ему было шесть лет, и он не помнит матери. Он думает, что сейчас ему около двенадцати. Эти люди взяли его к себе, когда его отец умер, а отец его был чужак и не говорил никому своего имени и...

Но миссис Кэрю остановила ее жестом. Теперь она была даже еще бледнее, чем прежде, но ее глаза горели внезапно вспыхнувшим огнем.

— Едем прямо сейчас, — сказала она. — Мэри, скажите Перкинсу, чтобы подал машину как можно скорее. Поллианна, надень пальто и шляпу. Мальчик, подожди, пожалуйста, здесь. Мы будем готовы немедленно отправиться с тобой. — И она в ту же минуту торопливо поднялась наверх.

Оставшись один в холле, мальчик перевел дух.

— Вот так штука! — пробормотал он негромко. — Неужто поедem в «тарaxтелке»! Не без шика! Бог ты мой, что скажет сэр Джеймс?

Глава 10

В «ПЕРЕУЛКЕ МЕРФИ»

С низким и глубоким ровным гулом, который, похоже, характерен для роскошных лимузинов, машина миссис Кэрю покатила по Коммонуэлс-авеню, а затем по Армингтон-стрит. Внутри сидели девочка с сияющими глазами и бледная, напряженная женщина, а снаружи, давая указания явно недовольному шоферу, сидел Джерри Мерфи, безмерно гордый и нестерпимо важничавший.

Когда лимузин въехал в узкий, грязный переулок и остановился возле входа в ветхое, запущенное здание, мальчик соскочил на землю и, забавно подражая важным манерам ливрейных лакеев, за которыми так часто наблюдал на улицах, распахнул дверцу машины и замер в почтительной позе, ожидая, когда дамы выйдут.

Поллианна выпрыгнула сразу; ее глаза расширились от удивления и огорчения, когда она огляделась вокруг. За ней из машины вышла миссис Кэрю и содрогнулась, скользнув взглядом по грязи, отбросам и оборванным ребятишкам, которые с визгом и болтовней повалили из мрачных многонаселенных домов и в один миг окружили автомобиль. Джерри сердито замахал руками.

— Ну, вы, мотайте отсюда! — закричал он разношерстной толпе. — Тут вам не бесплатное кино! Прекратите этот гвалт и убирайтесь. Ну, живо! Дайте дорогу! Джейми принимает гостей.

Миссис Кэрю вновь содрогнулась и положила дрожащую руку на плечо Джерри.

— Здесь? — Она отпрянула.

Но мальчик не слышал. Раздвигая и толкая детвору крепкими кулаками и локтями, он прокладывал путь своим подопечным, и прежде чем миссис Кэрю успела понять, как это произошло, она уже стояла вместе с мальчиком и Поллианной у подножия шаткой лестницы в сумрачном и зловонном подъезде.

Она еще раз подняла дрожащую руку и хрипло приказала:

— Подождите. Запомните! Чтобы ни одни из вас не говорил ни слова о... о том, что, возможно, он тот мальчик, которого я ищу. Я должна сначала сама увидеть его... и расспросить.

— Разумеется! — согласилась Поллианна.

— Само собой, — кивнул мальчик. — Да и все равно, у меня работа. Я буду должен сразу смотаться, так что вам ничуть не помешаю. А теперь остороженько топаем вверх по этой лестнице. Тут есть дыры, и почти всегда где-нибудь спит один или парочка карапузов... Лифт сегодня, к сожалению, не работает, — бодро пошутил он. — А топать придется на самый верх!

Миссис Кэрю быстро обнаружила «дыры» — сломанные доски, которые пугающе скрипели и гнулись под ее дрожащими ногами; попался ей и один «карапуз» — двухлетний малыш, игравший с пустой жестянкой, которую он с грохотом волочил за веревочку вверх и вниз по второму пролету лестницы. Со всех сторон приоткрывались двери, то нахально, то украдкой, но всегда из-за них выглядывали женщины с всклокоченными волосами или дети с грязными лицами. Где-то жалобно плакал младенец. Где-то ругался мужчина. Везде был запах дешевого виски, затхлой капусты и немытого человеческого тела.

В конце третьего и последнего пролета мальчик приостановился перед закрытой дверью и хрипло зашептал:

— Я только думаю, что скажет сэр Джеймс, когда усечет, какой сюрприз я ему привез... Что мамуся будет делать, я знаю — заревет в два счета, как увидит, что Джейми млеет от удовольствия. — И он широко распахнул дверь с веселым возгласом: — А вот и мы! И приехали в «тарактелке»! Скорость что надо, сэр Джеймс, а?

Это была крошечная комнатуха, холодная, мрачная, жалкая и голая, но безупречно прибранная. Здесь не было ни нечесанных голов, ни подглядывающих детей, ни запаха виски, капусты и нечистого тела. В комнатке стояли две кровати, три сломанных стула, ящик из-под каких-то бакалейных товаров, служивший столом, и печь, слабый красноватый свет которой говорил об огне, недостаточно ярком, чтобы согреть даже эту крошечную комнатку. На одной из кроватей лежал мальчик с пылающими щеками и лихорадочно блестящими глазами. Рядом с ним на стуле сидела худая, бледная женщина, скрюченная ревматизмом. Миссис Кэрю шагнула в комнату и, словно чтобы не упасть, на минуту остановилась, прислонившись спиной к стене. Поллианна бросилась вперед с негромким радостным возгласом, а Джерри, пробормотав извиняющимся тоном: «Ну, а мне пора, до свидания!» — выскочил за дверь.

— Ах, Джейми, как я рада, что нашла тебя! — воскликнула Поллианна. — Ты и не знаешь, как я искала тебя — каждый день! Но я так огорчена, что ты заболел!

Джейми, сияя улыбкой, протянул ей худую, бледную руку.

— А я не огорчен... я рад . — Он сделал особое ударение на этом слове. — Я рад, так как из-за этого ты пришла ко мне. А кроме того, мне уже лучше. Мамуся, это та девочка, которая рассказала мне про "игру в радость"... и мамуся теперь тоже играет, — с торжеством объявил он, снова оборачиваясь к Поллианне. — Сначала она плакала из-за того, что спина у нее разболелась и нельзя работать, а потом, когда мне стало хуже, она обрадовалась, что не может работать, так как зато может оставаться здесь и ухаживать за мной.

В этот момент миссис Кэрю торопливо шагнула вперед, ее глаза были полуиспуганно, полужадно устремлены на лицо мальчика, лежащего на кровати.

— Это миссис Кэрю, — представила ее Поллианна дрожащим голосом. — Я привела ее повидать тебя, Джейми.

К этому времени маленькая скрюченная женщина возле кровати с трудом поднялась на ноги и робко предложила свой стул миссис Кэрю. Та опустилась на него, даже не взглянув, — она по-прежнему не сводила глаз с лица мальчика.

— Тебя зову... Джейми? — с явным трудом выговорила она.

— Да, мэм. — Он смотрел блестящими глазами прямо ей в глаза.

— А твоя фамилия?

— Не знаю.

— Он вам не сын? — Миссис Кэрю впервые обернулась к скрюченной женщине, все еще стоявшей возле кровати.

— Нет, мэм.

— И вы не знаете его фамилию?

— Нет, мэм, никогда ее не слышала.

С жестом отчаяния миссис Кэрю обернулась к мальчику:

— Но подумай, подумай... неужели ты не помнишь ничего о том, как тебя зовут... кроме Джейми?

Мальчик отрицательно покачал головой. В глазах его появилось недоумение и любопытство:

— Нет, ничего.

— У тебя нет ничего, что принадлежало твоему отцу и на чем могло бы быть написано его имя?

— Кроме книжек, после него не осталось ничего, что стоило бы хранить, — вмешалась миссис Мерфи. — Книжки были его. Может быть, хотите взглянуть на них? — предложила она, указывая на ряд потрепанных томиков на полке в другом углу комнаты, и не в силах совладать со своим любопытством спросила: — Вы думаете, мэм, что были с ним знакомы?

— Не знаю, — сдавленным голосом пробормотала миссис Кэрю, поднявшись со стула и направляясь к полке с книгами.

Их было немного — десять или двенадцать. Томик пьес Шекспира^[8], «Айвенго», очень захватанная «Дева озера»^[9], сборник стихов, Теннисон^[10] без обложки, потрепанный «Маленький лорд Фаунтлерой», и две или три книги по истории древнего мира и средних веков...

Но хотя миссис Кэрю внимательно просмотрела каждую из них, она нигде не нашла ни одного написанного от руки слова. Со вздохом отчаяния она снова обернулась к мальчику и женщине; оба они смотрели на нее испуганно и вопросительно.

— Я хочу, чтобы вы — вы оба — рассказали мне все, что знаете о себе, — сказала она прерывающимся голосом, снова опустившись на стул возле кровати.

И они рассказали ей все. В основном это была та же самая история, которую Джейми рассказал Поллианне в городском парке. В ней было мало нового и ничего значительного, несмотря на наводящие вопросы, которые задавала миссис Кэрю. Под конец Джейми устремил жадный взгляд на лицо миссис Кэрю.

— Вы думаете, что знали... моего отца? — спросил он умоляюще.

Миссис Кэрю закрыла глаза и прижала руку ко лбу:

— Я... не знаю. Но думаю... нет.

У Поллианны вырвался возглас глубокого разочарования, но она тут же подавила его, послушная предостерегающему взгляду миссис Кэрю. С новым ужасом, однако, обзрела она крошечную комнатку. Но тут Джейми, отведя удивленные глаза от лица миссис Кэрю, вдруг вспомнил о своих обязанностях хозяина.

— Как хорошо, что ты пришла! — с благодарностью сказал он Поллианне. — Как там сэр Ланселот? Ты и сейчас ходишь кормить его? — Но так как Поллианна не ответила сразу, он торопливо продолжил, переводя глаза с ее лица на несколько потрепанную гвоздику в бутылке с отбитым горлышком на окне. — Видела мой букет? Джерри нашел этот цветок. Кто-то уронил, а он подобрал. Красивый, правда? И немножко пахнет .

Но Поллианна, похоже, даже не слышала его. Она все еще обводила комнату широко раскрытыми глазами, нервно сплетая и расплетая пальцы.

— Но я не понимаю, как тебе вообще удастся играть здесь в игру, Джейми, — неуверенно произнесла она. — Я и не предполагала, что где-то есть такое совершенно ужасное место и там живут. — Она содрогнулась.

— Ха! — с вызовом усмехнулся Джейми. — Видела бы ты, как живут Пайки внизу. У них в тысячу раз хуже, чем здесь. Ты не знаешь, сколько достоинств у этой комнаты. В то окно заглядывает солнце почти на два часа каждый день, когда ясно. А если подойти совсем близко к нему, то видно большущий кусок неба. Если бы мы могли остаться в этой комнате... но, понимаешь, мы боимся, что придется съехать. И это-то нас беспокоит.

— Съехать?

— Да. Мы задолжали за комнату... Мамуся заболела и ничего не зарабатывает. — Несмотря на геройски веселую улыбку, голос Джейми дрогнул. — Миссис Долак — женщина, которая живет внизу и хранит у себя мое кресло на колесах, — помогла нам заплатить на этой неделе. Но она, разумеется, не может делать это все время, и нам придется съехать... если Джерри не нападет на золотую жилу или что-нибудь в этом роде.

— Но не можем ли мы... — начала Поллианна, но тут же умолкла, так как миссис Кэрю резко встала, торопливо заговорив:

— Пойдем, Поллианна, нам пора. — Затем она устало обернулась к женщине: — Вам не придется съезжать. Я сразу же пришлю вам деньги и еду и сообщу о вашем положении одной из благотворительных организаций, которой я содействую, и они... — Удивленная, она умолкла. Скрюченная маленькая фигурка миссис Мерфи почти выпрямилась, лицо вспыхнуло, в глазах было тлеющее пламя.

— Нет, спасибо, миссис Кэрю, — сказала она с дрожью в голосе, но гордо. — Мы бедны, видит Бог, но мы не живем на подаяние.

— Глупости! — резко отозвалась миссис Кэрю. — Ведь соглашаетесь вы, чтобы вам помогала женщина, которая живет внизу. Мальчик сказал, что вы берете у нее деньги.

— Да, но это не подаяние, — упорствовала женщина, все еще дрожа от волнения. — Миссис Долак — моя подруга. Она знает, я так же охотно оказала бы ей добрую услугу... я не раз оказывала ей такие же услуги в прошлом. Помощь друзей — это не подаяние. Они *беспокоятся* о нас и это... и в этом разница. Мы не всегда жили так, как живем теперь; и оттого нам еще тяжелее... все это... Спасибо, но мы не можем взять... ваши деньги.

Миссис Кэрю недовольно нахмурилась. Прошедший час принес ей разочарование, огорчение, душевные муки. Она никогда не отличалась терпением, а теперь была совершенно измотана и вдобавок рассержена.

— Хорошо, как хотите, — холодно проронила она, но затем, чувствуя какое-то смутное раздражение, добавила: — Но почему вы не пойдете к владельцу этого дома и не настаите на том, чтобы он обеспечил вам

приличные условия, пока вы живете здесь? Вне всякого сомнения, вы имеете право на что-то еще, помимо разбитых окон, заткнутых тряпками и газетами! А эта лестница, по которой я поднималась, просто опасна!

Миссис Мерфи вздохнула с обреченным видом. Ее маленькая фигурка согнулась в прежней позе полной безысходности.

— Мы пытались что-то сделать, но так ничего и не вышло. Мы никогда никого не видели — кроме агента, разумеется; а он говорит, что владелец берет с нас слишком низкую плату, чтобы еще тратить деньги на ремонт.

— Глупости! — отрывисто отозвалась миссис Кэрю со всей резкостью нервной, возбужденной женщины, которая наконец нашла выход своему раздражению. — Это безобразие! Более того, я думаю, что это прямое нарушение закона... эта лестница, во всяком случае. Я буду считать своей святой обязанностью позаботиться о том, чтобы он принял ваши условия. Как зовут агента и кто владелец этого восхитительного здания?

— Фамилию владельца я не знаю, мэм; но агент — мистер Додж.

— Додж! — Миссис Кэрю резко обернулась со странным выражением лица. — Вы хотите сказать... Генри Додж?

— Да, мэм. Кажется его имя — Генри.

Кровь бросилась в лицо миссис Кэрю, а затем отхлынула, оставив его еще более бледным, чем прежде.

— Хорошо, я... я позабочусь об этом, — сдавленным голосом пробормотала она, отворачиваясь. — Пойдем, Поллианна, нам пора.

У кровати Поллианна в слезах прощалась с Джейми.

— Но я приду снова. Я приду очень скоро, — бодро пообещала она уже с порога, торопливо уходя следом за миссис Кэрю.

Пока они пробирались опасным путем вниз по трем длинным лестничным пролетам и через тараторящую и жестикулирующую толпу мужчин, женщин и детей, окруживших сердитого Перкинса и лимузин, Поллианна молчала. Но, едва дождавшись, когда недовольный шофер захлопнул за ними дверцу, умоляюще воскликнула:

— Дорогая миссис Кэрю, пожалуйста, пожалуйста, скажите, что это Джейми! Ах, для него было бы так хорошо оказаться вашим Джейми.

— Но он не Джейми!

— Вы уверены?

Последовала пауза, затем миссис Кэрю закрыла лицо руками.

— Нет, не уверена... и в этом вся трагедия, — простонала она. — Я думаю, что это не он; я почти уверена, что это не он. Но, конечно, есть какая-то вероятность... и это меня убивает.

— Но тогда... не могли бы вы просто думать, что он Джейми, — уговаривала Поллианна, — и играть в то, что это он? Тогда вы могли бы взять его к себе и...

Но миссис Кэрю гневно обернулась к ней:

— Взять этого мальчика в мой дом, когда он не Джейми? Никогда, Поллианна! Я не смогла бы это сделать.

— Но если вы не можете помочь вашему Джейми, то вы, мне кажется, могли бы радоваться тому, что есть кто-то вроде него, кому вы можете помочь, — взволнованно убеждала Поллианна. — Если бы ваш Джейми был как этот Джейми, совсем бедный и больной, разве вы не хотели бы, чтобы кто-то взял его, утешил и...

— Перестань... перестань, Поллианна, — стонала миссис Кэрю, качая головой из стороны в сторону в приступе отчаяния. — Когда я думаю, что, может быть, где-то наш Джейми как этот... — Лишь сдавленное рыдание завершило фразу.

— Именно об этом я и говорю... именно об этом! — возбужденно подхватила Поллианна. — Разве вы не понимаете? Если это ваш Джейми, вы, разумеется, будете рады, что взяли его; если же он не ваш, то, взяв его, вы ничем не повредите вашему Джейми, и в то же время сделаете этого Джейми таким счастливым... таким счастливым! И потом, если бы вы нашли настоящего Джейми, вы ничего не потеряли бы, а сделали бы счастливыми двух мальчиков вместо одного и...

Но миссис Кэрю опять перебила ее:

— Перестань, Поллианна, перестань! Я хочу подумать... я хочу подумать.

Со слезами на глазах Поллианна откинулась на спинку сиденья. Очевидным усилием воли она заставила себя молчать целую минуту. Затем, как будто слова били ключом, у нее вырвалось:

— Но какой это ужасный дом! Хотела бы я, чтобы тот, кому он принадлежит, пожил бы в нем сам... и тогда я посмотрела бы, чему он там смог бы радоваться!

Миссис Кэрю неожиданно выпрямилась. Ее лицо странно изменилось. Чуть ли не с мольбой она протянула руки к Поллианне.

— Не говори! — воскликнула она. — Может быть... она не знала, Поллианна, может быть, она не знала. Я уверена, она не знала... что ей принадлежит такой дом. Но теперь все будет улажено... это будет улажено.

— Она? Этот дом принадлежит женщине, и вы ее знаете? И агента тоже знаете?

— Да. — Миссис Кэрю закусила губу. — Я знаю ее и знаю агента.

— Ах, как я рада! — вздохнула Поллианна. — Значит, все теперь будет хорошо.

— Ну конечно, будет... лучше, — подтвердила миссис Кэрю, подчеркивая последнее слово, когда лимузин остановился перед ее собственной дверью.

Казалось, миссис Кэрю знает, о чем говорит. И, возможно, она действительно знала — даже лучше, чем ей хотелось признаться Поллианне. В тот же вечер, прежде чем она легла спать, из-под ее руки вышло письмо, адресованное некоему Генри Доджу и призывающее его на срочное совещание по вопросу об определенных переделках и ремонте, которые должны быть безотлагательно произведены в принадлежащих ей жилых домах. Более того, там было несколько язвительных фраз, в которых упоминались «заткнутые тряпками окна» и «шаткие лестницы», что заставило этого самого Генри Доджа злобно нахмуриться и пробормотать сквозь зубы какое-то ругательство, хотя в то же время лицо его заметно побледнело от чего-то, очень похожего на страх.

Глава 11

НЕПРИЯТНАЯ НЕОЖИДАННОСТЬ ДЛЯ МИССИС КЭРЬЮ

Позабывшись о том, чтобы ремонт и необходимые усовершенствования в принадлежащих ей домах были надлежащим образом и эффективно осуществлены, миссис Кэрю сказала себе, что выполнила свой долг и дело закрыто. Она забудет о нем. Мальчик не Джейми, он не может быть Джейми. Этот невежественный, хилый калека — сын ее покойной сестры? Такое невозможно! Она просто выбросит все это из головы.

Именно здесь, однако, миссис Кэрю наткнулась на неуничтожимое и непреодолимое препятствие: выбросить все это из головы не удавалось. Всегда перед ее глазами стояла одна и та же картина — голая маленькая комната и мальчик с печальным лицом. Всегда в ее ушах звучал один и тот же мучительный вопрос:

«Что, если это все-таки Джейми?» И вдобавок рядом всегда была Поллианна, и хотя миссис Кэрю могла добиться (и добилась) того, что просьбы и вопросы не звучали из уст девочки, не было никакой возможности скрыться от мольбы и упрека, отражавшихся в ее глазах. Еще дважды в безысходном отчаянии миссис Кэрю ходила к мальчику, каждый раз говоря себе, что всего лишь еще один визит необходим, чтобы окончательно убедиться: мальчик не тот, которого она ищет. Но хотя в его присутствии она твердила себе, что убедилась в том, в чем хотела убедиться, стоило ей уйти, как прежние вопросы возвращались снова и снова. Наконец, в еще большем отчаянии она написала сестре и рассказала ей всю эту историю.

"Я не хотела ничего говорить тебе, — писала она, предварительно изложив голые факты, — не хотела беречь твои раны или порождать неоправданные надежды. Я уверена, что это не он... и тем не менее, даже когда я пишу эти слова, я знаю, что не уверена. Вот почему я хочу, чтобы ты, приехала. Ты должна приехать. Я должна показать его тебе. Я хочу знать, ах, как я хочу знать, что ты скажешь! разумеется, мы не видели нашего Джейми с тех пор, как ему исполнилось четыре года. Сейчас ему было бы двенадцать. Этому мальчику, насколько я могу судить, лет

двенадцать. (Он не знает своего возраста.) Нельзя сказать, что его волосы и глаза непохожи на волосы и глаза нашего Джейми. Он не может ходить, но стал калекой в результате падения шесть лет назад, и его состояние ухудшилось после новой травмы четыре года спустя. Добиться полного описания внешности его отца, как кажется, невозможно, но в том, что я сумела выяснить, нет ничего, говорящего окончательно за или против того, что он был мужем бедной Дорис. Его называли «профессором», он был очень странным человеком и, как кажется, не имел ничего, кроме нескольких книг. Возможно, это имеет какое-то значение, а возможно, нет. Джон Кент, несомненно, всегда был чудаком со склонностями к божественному образу жизни. Любил он книги или нет, я не помню. А ты, помнишь? И, разумеется, титул «профессор» он мог легко присвоить себе сам, если хотел, или его просто называли так другие люди. Что же до этого мальчика... я не знаю, не знаю... но надеюсь, ты узнаешь!

Твоя сметенная сестра. Рут".

Делла приехала сразу же, как только получила это письмо, и немедленно пошла посмотреть на мальчика. Но и она «не знала». Как и сестра, она сказала, что скорее всего это не их Джейми но в то же время ничего нельзя было исключить и, в конце концов, это мог быть именно он. Впрочем, как и Поллианна, Делла видела вполне, как ей казалось, приемлемый выход из положения.

— Но почему бы тебе не взять его к себе, дорогая? — предложила она сестре. — Почему не взять и не усыновить его? Это было бы замечательно и для него — бедный мальчик! — и...

Но миссис Кэрю содрогнулась и даже не дала ей договорить.

— Нет-нет, я не могу, не могу! — простионала она. — Мне нужен мой Джейми, мой любимый Джейми... или никто.

И Делла со вздохом оставила попытки переубедить сестру и вернулась к своей работе в санатории. Однако, если миссис Кэрю думала, что это дело наконец закрыто, она опять ошибалась. Ее дни были по-прежнему тревожными, а ночи все еще или бессонными, или со снами, в которых «может быть» надевало маску «это так». К тому же ей приходилось нелегко с Поллианной. Поллианна была в растерянности. Ее томило беспокойство и множество вопросов. Впервые в жизни она лицом к лицу столкнулась с настоящей бедностью. Теперь она знала людей, которым не хватает еды, которые ходят в лохмотьях и живут в темных, грязных и очень маленьких комнатах. Ее первым побуждением, естественно, было «помочь». Она

дважды ходила вместе с миссис Кэрю к Джейми и очень радовалась переменам, которые произошли там, после того как «этот Додж сделал то, что нужно». Но для Поллианны это была капля в море. Ведь были еще и другие болезненного вида мужчины и несчастного вида женщины, и оборванные дети на улице — соседи Джейми. И она с уверенностью рассчитывала на то, что миссис Кэрю поможет и всем им.

— Вот как?! — воскликнула миссис Кэрю, когда узнала, что ожидается от нее. — Значит, ты хочешь, чтобы вся улица была обеспечена свежими обоями, краской и новыми лестницами, да? Ну а еще чего-нибудь ты хочешь?

— Да, кучу разных вещей, — обрадованно ответила Поллианна. — Понимаете, им так много всего нужно — всем им! И как будет весело, когда они все это получат! Как я хотела бы быть богатой, чтобы я тоже могла помогать; но мне почти так же радостно оттого, что я с вами, когда вы помогаете.

Миссис Кэрю прямо-таки ахнула от удивления. Не теряя времени — хотя в немалой степени потеряв самообладание — она принялась объяснять, что не имеет намерения делать что-либо еще для обитателей «переулка Мерфи», и что нет никаких причин, почему ей следовало бы что-то делать. Никто и не ожидает от нее этого. Она аннулировала все долговые обязательства жильцов и даже была очень щедра — любой скажет! — в том, что сделала для дома, в котором живут Мерфи. (То, что этот дом принадлежит ей, она не сочла нужным отметить.) Довольно подробно она объяснила Поллианне, что существуют благотворительные организации, многочисленные и эффективно действующие, чье дело — помогать достойным беднякам, и что этим организациям жертвует часто и щедро. Однако даже это не убедило Поллианну.

— Но я не понимаю, — возражала она, — почему это так хорошо или хоть чем-то лучше, если много людей объединяются и делают то, что каждый хотел бы делать сам. Я уверена, мне гораздо приятнее было бы самой подарить Джейми хорошую книжку, чем устроить так, чтобы это сделало какое-то там общество. И я знаю, ему тоже было бы приятнее получить ее от меня.

— Вполне вероятно, — немного устало и раздраженно отозвалась миссис Кэрю. — Но возможно, это было бы совсем не так полезно Джейми, как... как если бы он получил эту книгу от группы людей, которые знают, какую выбрать.

Это заставило ее также сказать многое (ничего из сказанного Поллианна совершенно не поняла) о "пауперизации^[11] бедных",

порочности практики подаяний всем без разбора и «пагубных последствиях неорганизованной благотворительности».

— К тому же, — добавила она в ответ на по-прежнему растерянное и озабоченное выражение на лице Поллианны, — вполне вероятно, что, если бы я предложила помощь этим людям, они отказались бы от нее. Ты помнишь, как миссис Мерфи сначала не захотела позволить мне прислать им еду и одежду, хотя они охотно приняли помощь от своей соседки с первого этажа.

— Да, я помню, — вздохнула Поллианна, отворачиваясь. — Есть что-то, чего я не понимаю. Но это кажется несправедливым, что у *нас* столько всего хорошего, а у *них* почти ничего.

Шли дни, но эти чувства Поллианны не ослабевали, а скорее усиливались, и вопросы, которые она задавала, и замечания, которые высказывала, отнюдь не способствовали облегчению душевного состояния самой миссис Кэрю. Даже попытки Поллианны применить «игру в радость» закончились почти полным провалом.

— Непонятно, как можно найти в этом деле с бедными чему радоваться, — сказала она однажды. — Конечно, мы можем радоваться за себя, что мы не бедные, как они, но всякий раз, когда я думаю, как я этому рада, мне становится так жаль их, что я больше *не могу* радоваться. Конечно, мы могли бы радоваться тому, что есть бедные, которым мы можем помогать. Но если мы *не* помогаем, что же в этом есть радостного? — И Поллианна не могла найти никого, кто дал бы ей вразумительный ответ.

Особенно часто она задавала этот вопрос миссис Кэрю, и та, все еще преследуемая видениями Джейми, которого она знала, и того, который мог появиться теперь, становилась лишь еще более беспокойной, еще более несчастной и еще глубже впадала в отчаяние. Ничуть не помогло ей и приближение Рождества. Где бы ни видела она праздничные украшения, каждая пламенеющая ягода на венке из остролиста, каждый отблеск на нитях мишуры рождали в ее груди острую боль, так как неизменно напоминали о пустом детском чулочке, подвешенном к камину в ожидании подарков — быть может, это был чулочек Джейми.

Наконец, за неделю до Рождества, она выдержала то, что казалось ей последней битвой в ее внутренней борьбе. Решительно, но с далеко не радостным лицом, она отдала краткие распоряжения Мэри и призвала к себе Поллианну.

— Поллианна, — начала она почти сурово, — я решила... взять к себе Джейми. Автомобиль будет здесь через минуту. Я сейчас же еду за

мальчиком и привезу его сюда. Если хочешь, можешь поехать со мной.

Глубокое душевное волнение преобразило лицо Поллианны.

— Ах! Как я рада! — воскликнула она. — Я так рада, что... мне хочется плакать! Миссис Кэрю, отчего это, когда бываешь чему-нибудь очень рада, всегда хочется плакать?

— Право, не знаю, — рассеянно ответила миссис Кэрю. Выражение ее лица было по-прежнему отнюдь не радостным.

Когда они оказались в маленькой комнатке, где жили Мерфи, миссис Кэрю не потребовалось много времени, чтобы изложить цель ее визита. В нескольких коротких фразах она рассказала о своем пропавшем племяннике и о возникших у нее в первое время надеждах на то, что Джейми и есть тот самый мальчик. Она не стала делать секрета из своих сомнений в том, что перед ней действительно Джейми Кент, но в то же время сказала, что решила взять его к себе и дать ему воспользоваться всеми преимуществами его нового положения. Затем, несколько утомленным тоном, она сообщила о планах, которые наметила для него.

В ногах кровати сидела миссис Мерфи, слушала и тихо плакала. В другом углу Джерри Мерфи с широко раскрытыми от удивления глазами негромко восклицал время от времени: «Фу ты! Вот так штука! Ничего подобного не слышал!» Что же до Джейми... Джейми, лежа на кровати, слушал с видом человека, перед которым вдруг открылись двери рая, но постепенно, пока миссис Кэрю говорила, выражение его глаз менялось. Очень медленно он закрыл их и отвернулся.

Когда миссис Кэрю умолкла, долго стояла тишина; затем Джейми обернулся, и они увидели, что он очень бледен, а его глаза полны слез.

— Спасибо, миссис Кэрю, но... я не могу переехать к вам, — сказал он просто.

— Не можешь... как?! — воскликнула миссис Кэрю, словно не веря собственным ушам.

— Джейми! — ахнула Поллианна.

— Ну, ну! Что ты, парень? Какая муха тебя укусила? — нахмурился Джерри. — Неужто своего счастья не понимаешь?

— Понимаю, но я не могу переехать к вам, — повторил Джейми.

— Но, Джейми, подумай, *подумай*, что это значило бы для тебя! — с дрожью в голосе воскликнула миссис Мерфи.

— Я думаю, — с трудом выговорил Джейми. — Неужели, по-вашему, я не знаю, что делаю... от чего отказываюсь? — Мокрыми от слез глазами он взглянул в лицо миссис Кэрю. — Я не могу... я не могу согласиться, чтобы вы сделали все это для *меня*. Если бы вы... *беспокоились* обо мне,

все было бы по-другому. Но вы не беспокоитесь... по-настоящему. Вам нужен не я... Вам нужен настоящий Джейми, а я ненастоящий. Вы не думаете, что я ваш племянник. Я вижу это по вашему лицу.

— Да, но... но... — беспомощно пыталась возразить миссис Кэрю.

— И потом, если бы я был, как другие мальчики и мог ходить... — перебил ее Джейми. — А так — я надоел бы вам в два счета. И я видел бы это, и мне было бы невыносимо... быть такой обузой. Конечно, если бы вы *беспокоились* обо мне, как мамуся... — Он взмахнул рукой, подавил рыдание, потом снова отвернулся. — Я не тот Джейми, который вам нужен. Я... не могу... поехать... с вами. — С каждым словом его худая детская рука сжималась все сильнее, так что костяшки пальцев стали белее старой рваной шали, которой была накрыта кровать.

Последовала минута напряженной тишины, затем очень тихо миссис Кэрю поднялась со стула. Лицо ее было бледным, но в его выражении было нечто, подавившее рыдание в груди Поллианны.

— Пойдем, Поллианна, — вот и все, что она сказала.

— Ну, большего дурака, чем ты, не найти! — пробормотал Джерри, как только дверь закрылась. Но мальчик на кровати плакал так, как будто эта дверь была той, которая вела в рай и которая закрылась теперь навсегда.

Глава 12

ИЗ-ЗА ПРИЛАВКА

Миссис Кэрю была разгневана. Довести себя до такого состояния, когда она была готова немедленно взять этого маленького калеку в свой дом, а затем услышать, как он преспокойно отказывается переехать к ней, — это было невыносимо. Миссис Кэрю не привыкла к тому, чтобы на ее приглашения не обращали внимания, а ее просьбами пренебрегали. Более того, теперь, когда она не могла поселить мальчика у себя, она испытывала почти безумный страх, что он все же настоящий Джейми. Она знала, что подлинная причина ее желания взять мальчика к себе заключалась не в том, что она беспокоилась о нем, и даже не в том, что ей хотелось помочь ему и сделать его счастливым, а в том, что таким способом она надеялась вернуть себе спокойствие духа и навсегда забыть этот ужасный, постоянно преследовавший ее вопрос: «Что, если это все-таки ее Джейми?» И, разумеется, ей было ничуть не легче оттого, что мальчик интуитивно догадался о ее душевном состоянии и обосновал свой отказ тем, что она «не беспокоится о нем». Конечно, миссис Кэрю теперь очень гордо говорила себе, что она действительно «не беспокоится», и что он не сын ее сестры, и что она «окончательно забудет обо всем этом».

Но «забыть обо всем этом» не удавалось. Как бы настойчиво ни отвергала она ответственность и родство, столь же настойчиво ответственность и родство навязывали себя ей в виде панических сомнений; и как бы упорно ни старалась она сосредоточиться на чем-нибудь другом, столь же упорно образ мальчика с печальным взглядом, лежащего в жалкой, убогой комнате, маячил перед ее глазами.

Кроме того, была еще и Поллианна. Девочка явно была непохожа на себя. В совершенно несвойственном ей расположении духа она уныло слонялась по дому, не проявляя интереса ни к чему.

— Нет-нет, я не больна, — отвечала она, когда ее увещевали и расспрашивали.

— Но в чем же тогда дело?

— Да ни в чем. Просто... просто я думала о Джейми... что у *него* нет всех этих красивых вещей — ковров, картин, штор.

То же самое было и с едой. Поллианна на глазах теряла аппетит; но и тут она отрицала, что причиной тому болезнь.

— Нет-нет! — печально вздыхала она. — Просто я, похоже, не голодна. Почему-то, как только я начинаю есть, мне вспоминается Джейми... что у него на обед только засохшие пончики и черствая булка, и тогда я... я не хочу ничего.

Миссис Кэрю, подстрекаемая чувством, которое она сама понимала весьма смутно, в отчаянной решимости любой ценой добиться перемены в настроении Поллианны заказала огромную елку, два десятка гирлянд и множество венков остролиста и рождественских игрушек. Впервые за много лет дом горел багрянцем и сиял блеском мишуры. Предстояла даже праздничная вечеринка, так как миссис Кэрю велела Поллианне пригласить пять или шесть школьных подруг на елку в канун Рождества.

Но даже здесь миссис Кэрю ждало разочарование, так как хотя Поллианна принимала все с благодарностью, а иногда проявляла интерес и даже бывала взволнована, личико ее часто оставалось печальным. И в конечном счете рождественский вечер стал скорее грустным, чем радостным событием, так как вид сверкающей елки вызвал у девочки поток рыданий.

— Да что ты, Поллианна! — воскликнула миссис Кэрю. — Теперь-то в чем дело?

— Ни в чем, — всхлипнула Поллианна. — Только она такая совершенно прекрасная, что я просто не могла не заплакать. Я подумала, как она понравилась бы Джейми.

И тогда терпение миссис Кэрю лопнуло.

— Джейми, Джейми, Джейми! — воскликнула она. — Поллианна, неужели ты не можешь перестать твердить об этом мальчике? Ты отлично знаешь, — не моя вина, что он не здесь. Я предлагала ему поселиться у меня. И потом, где же эта твоя хваленая «игра в радость»? Мне кажется, это было бы неплохо применить ее в данном случае.

— Я как раз и играю, — дрожащим голосом ответила Поллианна. — И вот это-то мне и непонятно. Раньше я никогда не замечала, чтобы у нее было такое странное действие. Понимаете, прежде, когда я чему-нибудь радовалась, я чувствовала себя счастливой, но теперь из-за Джейми я... Я так рада, что у меня есть ковры и картины, и вкусная еда, и все такое, но чем больше я рада за себя, тем грустнее мне за него. Я никогда прежде не замечала, чтобы игра действовала так странно, и не знаю, что с ней случилось. А вы не знаете?

Но миссис Кэрю с отчаянием махнула рукой и отвернулась, не сказав ни слова.

А на следующий день после Рождества случилось нечто столь

замечательное, что Поллианна на время почти забыла о Джейми. Миссис Кэрю взяла ее с собой за покупками, и пока сама миссис Кэрю пыталась решить, какой воротничок — из атласных или игольных кружев — ей лучше взять, Поллианна случайно заметила чуть поодаль за прилавком лицо, которое показалось ей знакомым.

Наморщив лоб, она на мгновение вгляделась в него, а затем, радостно вскрикнув, бегом бросилась вдоль прохода.

— Ах, это вы... вы! — с восторгом закричала она девушке, которая ставила в витрину лоток с розовыми бантами. — Как я рада вас видеть!

Девушка за прилавком подняла голову и удивленно посмотрела на Поллианну. Но почти в то же мгновение ее печальное, хмурое лицо осветилось приветливой улыбкой.

— Да это же моя маленькая подруга из городского парка!

— Как я рада, что вы меня помните! — просияла Поллианна. — Но вы так и не пришли больше в парк. А я столько раз вас искала.

— Я не могла. У меня работа. Тогда у нас был последний в этом году свободный вечер, и... Пятьдесят центов, мадам, — прервала она разговор с Поллианной, чтобы ответить на вопрос приятной пожилой дамы о цене черно-белого банта на прилавке.

— Пятьдесят центов? Хм-м! — Дама повертела бант в пальцах, подумала, а затем положила обратно со вздохом. — М-да, разумеется, очень красивый, моя дорогая. — И она пошла дальше.

Сразу после нее появились две оживленные девушки, которые, хихикая и обмениваясь шутками, выбрали расшитое блестками произведение из алого бархата и сказочное сооружение из тюля и розовых бутонов. Когда девушки, весело болтая между собой, ушли, Поллианна восхищенно вздохнула:

— И так весь день? Ах, как вы, наверное, рады, что выбрали такую работу!

— Рада?

— Конечно. Это, должно быть, так интересно — столько людей и все особенные! И вы можете поговорить с ними. Вы даже *должны* говорить с ними, ведь это ваша работа. Мне она нравится. Наверное, я тоже стану продавщицей, когда вырасту. Это так весело — смотреть, что они все покупают!

— Весело? Рада? — рассердилась девушка за прилавком. — Ну, детка, я думаю, что, если бы ты знала хоть полови... Один доллар, мадам. — Она оборвала речь на полуслове, чтобы поспешно ответить на резкий вопрос какой-то молодой женщины о цене ядовито-желтого бархатного банта,

расшитого бисером.

— Да уж, пора бы вам ответить, — раздраженно заявила молодая женщина. — Мне пришлось задать вопрос дважды.

Девушка за прилавком закусила губу:

— Я не слышала, мадам.

— Ничего не могу поделаться, мисс. Это ваша работа — слышать. Вам за это платят, не так ли? Сколько тот черный?

— Пятьдесят центов.

— А голубой?

— Доллар.

— Без дерзостей, мисс! Будете отвечать так отрывисто, пожалуйюсь на вас за грубость. Покажите мне тот лоток с розовыми.

Губы продавщицы приоткрылись, затем плотно сомкнулись, образовав тонкую прямую линию. Послушно потянувшись к витрине, она достала лоток с розовыми бантами, но ее глаза горели, а руки заметно дрожали, когда она ставила лоток на прилавок. Молодая женщина, которую она обслуживала, повертела в руках пять бантов, спросила о цене четырех из них, а затем отвернулась, коротко бросив:

— Не вижу ничего подходящего.

— Ну, — дрожащим голосом сказала девушка за прилавком Поллианне, которая стояла широко раскрыв глаза, — что ты теперь думаешь о моей работе? Есть тут чему радоваться?

Поллианна немного нервно засмеялась.

— Ну и ну, до чего она сердитая! Но она тоже была интересная... вам не кажется? Во всяком случае, вы можете радоваться тому, что... что не *все* такие, как *она*, правда?

— Вероятно. — Девушка слабо улыбнулась. — Но я тебе, детка, сразу скажу: эта твоя «игра в радость», о которой ты говорила мне тогда в парке, быть может, очень хороша для тебя, но... — она опять не договорила, устало ответив на вопрос с другой стороны прилавка: — Пятьдесят центов, мадам.

— Вы по-прежнему очень одиноки? — печально спросила Поллианна, когда продавщица снова оказалась свободна.

— Ну, не могу сказать, чтобы я устроила больше пяти вечеринок у себя и больше семи раз побывала в гостях, с тех пор как видела тебя в парке, — ответила девушка с такой горечью в голосе, что Поллианна заметила иронию.

— Но Рождество-то вы, наверное, провели приятно?

— О да! Я провалялась весь день в кровати, замотав ноги тряпками, и

прочитала четыре газеты и журнал. А вечером я прихромала в кафе, где с меня содрали тридцать пять центов за куриную котлетку вместо двадцати пяти.

— Но что у вас было с ногами?

— Волдыри. Я стерла ноги, пока крутилась за прилавком... Перед Рождеством всегда наплыв покупателей.

— О! — содрогнулась полная сочувствия Поллианна. — И у вас не было ни елки, ни праздника — ничего?! — воскликнула она, огорченная и потрясенная.

— Какое там!

— Как я хотела бы, чтобы вы видели мою елку! — вздохнула девочка. — Она была совершенно замечательная, и... Но послушайте! — воскликнула она радостно. — Вы же еще можете увидеть ее. Она пока что не убрана. Вы не могли бы прийти сегодня вечером или завтра и...

— Поллианна! — прервала ее самым ледяным тоном миссис Кэрю. — Скажи на милость, что это значит? Я ищу тебя по всему магазину, даже прошла обратно в отдел костюмов.

Поллианна обернулась с радостным возгласом:

— Ах, миссис Кэрю, как я рада, что вы пришли! Это... о, я еще не знаю ее имени, но ее саму знаю, так что все в порядке. Я познакомилась с ней в парке давным-давно. И она очень одинока, и никого здесь не знает. И ее папа был священником, как мой, только он жив. И у нее не было елки, а только стертые ноги и куриная котлета, и я хочу, чтобы она увидела мою. Ну, то есть елку, — не переводя дыхания, торопливо говорила Поллианна. — И я пригласила ее прийти сегодня вечером или завтра. И вы позволите мне снова зажечь всю елку, правда?

— Право же, Поллианна... — холодно и неодобрительно начала миссис Кэрю.

Но девушка за прилавком перебила ее таким же холодным и даже еще более неодобрительным тоном:

— Не беспокойтесь, мадам. Я не имела никакого намерения прийти к вам.

— Ах... но, пожалуйста, — умоляла Поллианна, — приходите! Вы не знаете, до чего мне хочется, чтобы вы пришли и...

— Я замечаю, что леди не приглашает, — перебила девушка, немного недоброжелательно.

Миссис Кэрю сердито вспыхнула и повернулась, чтобы уйти, но Поллианна схватила ее за локоть и не пускала, обращаясь в то же время, почти в исступлении, к девушке за прилавком, у которой в этот момент не

было покупателей.

— Но она пригласит, пригласит! Она хочет, чтобы вы пришли! Я знаю, она хочет! Вы же не знаете, какая она добрая и сколько дает денег на... на благотворительные общества и все такое!

— Поллианна! — протестующе воскликнула миссис Кэрю. И она ушла бы, но на этот раз была словно прикована к месту презрением, зазвучавшим в низком, напряженном голосе продавщицы:

— О да, я знаю! Много их, что готовы жертвовать на дело *спасения* . Сколько рук помощи протягивается к тем, кто сбился с пути! И это все хорошо. Я не нахожу в этом ничего плохого. Только вот иногда я удивляюсь, почему кто-нибудь из них не подумает о том, чтобы помочь девушкам, *прежде* чем они собьются с пути. Почему они не устраивают для *хороших* девушек красивых домов с книгами, картинами, мягкими коврами, музыкой и не заботятся о них? Может быть, тогда не было бы так много... Ой, что я говорю? — чуть слышно пробормотала она, неожиданно оборвав речь, а затем с прежней апатией обернулась к молодой женщине, которая остановилась перед ней и приподняла лежавший на прилавке голубой бант. — Пятьдесят центов, мадам, — донеслось до миссис Кэрю, торопившей Поллианну к выходу.

Глава 13

ЗАВОЕВЫВАЮЩАЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ

Это был восхитительный план. Поллианна составила его в пять минут, а затем изложила миссис Кэрю. Миссис Кэрю не нашла его восхитительным и сказала это совершенно недвусмысленно.

— Но я уверена, что *им* он покажется восхитительным, — такой довод привела Поллианна в ответ на возражения миссис Кэрю. — И только подумайте, как легко мы можем его осуществить! Елка — такая же, как была... кроме подарков, но мы можем положить под нее другие. Новый год совсем скоро, и вы только подумайте, как эта девушка будет рада! Разве вы не были бы рады... особенно если перед тем у вас не было на Рождество ничего, кроме стертых ног и куриной котлеты?

— Какой ты несносный ребенок! — нахмурилась миссис Кэрю. — Тебе, похоже, и в голову не приходит, что мы не знаем даже имени этой молодой особы.

— Да, правда, не знаем! И разве это не странно, когда я чувствую, что знаю ее саму очень хорошо? — улыбнулась Поллианна. — Знаете, мы так хорошо поговорили с ней в тот день в парке. Она рассказала мне все о том, как ей одиноко и как ей кажется, что нигде так не одиноко человеку, как в шумной толпе большого города, потому что другие люди не обращают внимания... Правда, там был один, который обращал, но она сказала, что он слишком обращает, а не должен бы обращать... Это вроде странно, если подумать, правда? Но во всяком случае, когда он пришел за ней в парк, чтобы взять ее куда-то с собой, она не пошла, а он был еще и очень красивый... пока не начал смотреть очень сердито, под конец. Люди бывают не такие красивые, когда сердятся, правда? Вот и сегодня в магазине была одна дама... Она смотрела банты и сказала... Ну, в общем, много неприятного. И она тоже сделалась некрасивой, когда... когда начала говорить. Но вы ведь позволите мне устроить елку на Новый год, миссис Кэрю? И пригласить эту девушку, которая продает банты, и Джейми? Ему уже лучше, так что он мог бы прийти. Конечно, Джерри пришлось бы привезти его в кресле... но ведь мы все равно хотим, чтобы и Джерри был на елке...

— О, конечно, *Джерри* ! — с иронией и презрением воскликнула миссис Кэрю. — Зачем же ограничиваться одним Джерри? У него,

несомненно, множество друзей, которые тоже охотно пришли бы. И...

— Ах, миссис Кэрю, можно, да? — перебила ее Поллианна в безудержном восторге. — Ах, какая вы добрая, добрая, ДОБРАЯ! Я так хотела...

Но миссис Кэрю ахнула от ужаса и удивления.

— Нет-нет! Поллианна, я... — запротестовала было она.

Но Поллианна, совершенно неправильно истолковав этот протест, решительно подтвердила:

— Конечно же, вы очень добрая ... лучше всех на свете! И я не дам вам сказать, будто это не так! Ну, вечер у меня, думаю, будет на славу! Пригласим Томми Долака и его сестру Дженни и двух детей Макдональдса, и еще тех трех девочек — я не знаю, как их зовут, — которые живут под Мерфи, и еще много других, если хватит места. Вы только подумайте, как они все обрадуются, когда я им скажу! Ах, миссис Кэрю, мне кажется, что у меня в жизни не было ничего такого совершенно замечательного! Ах, и все это благодаря вам! Можно мне прямо сразу начать передавать приглашения... чтобы они знали, что их ждет?

И миссис Кэрю, сама не веря в то, что такое возможно, услышала, как слабо произносит «да», которое, как она знала, обязывает ее устроить в канун Нового года вечеринку для десятка ребятишек из переулка Мерфи и молодой продавщицы, чье имя был ей неизвестно.

Возможно, память миссис Кэрю все еще хранила слова девушки: "иногда я удивляюсь, почему кто-нибудь из них не подумает о том, чтобы помочь девушкам, *прежде* чем они собьются с пути". Возможно, в ее ушах все еще звучал рассказ Поллианны о той же девушке, которая чувствовала себя такой одинокой в толпе большого города и все же отказалась пойти с молодым человеком, «слишком обращавшим внимание». Возможно, в сердце миссис Кэрю жила смутная надежда, что именно здесь, во всем этом, и можно найти тот покой, которого она так жаждала. А может быть, всему виной было сочетание всех этих трех причин с полнейшей беспомощностью перед лицом удивительного истолкования ее раздраженного сарказма, как широкого жеста гостеприимной хозяйки. Но чем бы это ни объяснялось, дело было сделано, и миссис Кэрю тут же оказалась в истинном водовороте идей и замыслов, в центре которого неизменно была Поллианна и ее гости. В смятении миссис Кэрю написала обо всем сестре, закончив письмо так:

«Что я буду делать, не знаю. Но, вероятно, мне придется продолжать в том же духе. Другого выхода нет. Конечно, если Поллианна

начнет читать мне нравоучения... но до сих пор она нравоучений не читала, так что я не могу с чистой совестью отправить ее назад к тебе».

Читая это письмо в санатории, Делла вслух посмеялась над таким заключением.

— «До сих пор она нравоучений не читала». Вот именно!.. Дорогое дитя, благослови ее Господь!.. И однако ты, Рут Кэрю, покорно соглашаешься устроить у себя две праздничные вечеринки на одной неделе, и как мне стало известно, твой дом, который прежде был окутан смертельным мраком, теперь сияет огнями сверху донизу.

Но нравоучений она еще не читала... нет, не читала! Новогодняя вечеринка прошла замечательно. Это признала даже миссис Кэрю. Джейми в кресле на колесах, Джерри со своим ошеломляющим, но выразительным словарем и молодая продавщица (оказалось, что ее зовут Сейди Дин) наперебой предлагали развлечения более застенчивым гостям. Сейди, к большому удивлению прочих — а возможно, и своему собственному, обнаружила глубокие познания по части самых разнообразных и увлекательных игр; и эти игры, вместе с рассказами Джейми и добродушными шутками Джерри, до самого ужина не давали умолкать взрывам смеха, а после щедрой раздачи подарков из-под нарядной елки счастливые гости отправились домой со вздохами удовлетворения и усталости. А если Джейми (который вместе с Джерри уходил последним) и окинул все вокруг немного печальным взглядом, перед тем как попрощаться, то никто, похоже, этого не заметил. Однако миссис Кэрю, пожелав ему доброй ночи, наклонилась к нему и шепнула с беспокойством и смущением:

— Ну, Джейми, ты не передумал... насчет переезда?

Мальчик заколебался, но затем медленно покачал головой.

— Если бы так могло быть всегда... так, как в этот вечер... тогда я мог бы. — Он вздохнул. — Но так не будет. Придет следующий день, и следующая неделя, и следующий месяц, и следующий год, а уже через несколько дней я пойму что мне не надо было переезжать сюда.

Если миссис Кэрю полагала, что в своих усилиях помочь Сейди Дин Поллианна ограничится приглашением на праздничный вечер в канун Нового года, то она очень скоро была выведена из этого заблуждения, так как на следующее же утро Поллианна снова заговорила о Сейди.

— И я так рада, что опять нашла ее, — с довольным видом толковала

она. — Если я и не смогла найти для вас настоящего Джейми, я все-таки нашла того, кого вы можете любить, и вам конечно же будет приятно любить ее, так как это просто другой способ любить Джейми.

Миссис Кэрю задохнулась от возмущения. Эта неизменная вера в ее сердечную доброту и эта непоколебимая убежденность в ее стремлении «помочь всем» иногда смущали, а иногда чрезвычайно раздражали. В то же время было невероятно отрицать трудно что-либо в подобных обстоятельствах, особенно под счастливым и доверчивым взглядом Поллианны.

— Но, Поллианна, — наконец слабо возразила она, чувствуя себя так, словно не может выпутаться из каких-то невидимых шелковых сетей, — я... ты... эта девушка никак не Джейми, ты же знаешь.

— Я знаю, — быстро и сочувственно отозвалась Поллианна. — И конечно же мне очень жаль, что она не ваш Джейми. Но она тоже чей-то Джейми... то есть я хочу сказать, что у нее тоже нет здесь никого, кто любил бы ее... и обращал внимание... Так что я думаю, всякий раз, когда вы вспомните Джейми, вам будет никак не нарадоваться, что есть кто-то, кому вы можете помочь — так же, как вам хотелось бы, чтобы другие люди помогли вашему Джейми, где бы он теперь ни был.

Миссис Кэрю содрогнулась и чуть слышно застонала:

— Но мне нужен *мой* Джейми.

Поллианна понимающе кивнула:

— Я знаю... «присутствие ребенка». Мистер Пендлетон говорил мне об этом... Только у вас уже есть «женская рука».

— Женская рука?

— Да, чтобы создать дом. Он сказал, что для этого нужна женская рука или присутствие ребенка. Это было, когда он захотел, чтобы я жила у него, а я нашла ему Джимми, и он взял его вместо меня.

— Джимми? — Миссис Кэрю взглянула на нее с каким-то испугом, который всегда появлялся в ее глазах при упоминании любой формы этого имени.

— Да. Джимми Бин.

— А... Бин, — пробормотала миссис Кэрю с облегчением.

— Да. Он был в сиротском приюте и убежал оттуда, а я его нашла. Он сказал, что хочет иметь настоящий дом с матерью вместо директрисы. Насчет матери у меня ничего не вышло, но зато я нашла ему мистера Пендлетона, и мистер Пендлетон его усыновил. Теперь его зовут Джимми Пендлетон.

— Но раньше он был... Бин?

— Да, он был Джимми Бин.

— А! — сказала миссис Кэрю, на этот раз с долгим вздохом.

После той новогодней вечеринки миссис Кэрю часто видела Сейди Дин. Так же часто видела она и Джейми. Тем или иным способом Поллианна ухитрялась обеспечить им приглашение в дом, чему миссис Кэрю, к ее большому удивлению и досаде, не могла, похоже, воспрепятствовать. Ее согласие и даже радость принимались Поллианной как нечто само собой разумеющееся, так что миссис Кэрю оказалась не в силах убедить девочку в том, что не может быть и речи ни об одобрении, ни об удовольствии, насколько это касается ее, хозяйки дома. Но в эти дни миссис Кэрю, отдавала она себе в том отчет или нет, узнавала многое — то, о чем она никогда не имела возможности узнать прежде, когда сидела, закрывшись в своих комнатах и отдав распоряжение Мэри никого не впускать. Она узнавала кое-что о том, что значит быть одинокой молодой девушкой в большом городе, если приходится самой зарабатывать на жизнь и никто тобой не интересуется... кроме тех, что интересуются слишком много и в то же время слишком мало.

— Но что вы имели в виду тогда? — робко спросила она как-то раз вечером Сейди. — Что вы имели в виду в тот раз в универмаге... когда говорили о помощи девушкам?

Сейди густо покраснела.

— Боюсь, я была груба, — извиняющимся тоном сказал она.

— Это не имеет значения. Скажите мне, что вы тогда имели в виду. Я столько раз думала об этом с тех пор.

Девушка помолчала, затем не без горечи заговорила:

— Просто я знала одну девушку и вспомнила тогда о ней. Мы с ней были из одного городка, и она была и красивой, и добродетельной, но не слишком сильной. Год мы дружно жили с ней в одной комнатке, варили яйца на одной газовой горелке и ели рыбные тефтельки на ужин в одном дешевом ресторанчике. По вечерам делать было нечего, разве только пройти по Коммонуэлс-авеню или сходить в кино, если найдется лишний десятицентовик, или просто сидеть в нашей комнате. Ну, а наша комната была не слишком приятной. Летом в ней было жарко, зимой холодно, а газовый рожок горел так слабо и неровно, что мы не могли ни шить, ни читать при его свете, даже если не были слишком усталыми, чтобы заняться чем-нибудь... но чаще мы были слишком усталыми. Кроме того, над головой у нас была скрипучая половица, на которой кто-то всегда качался, а под нами жил парень, который учился играть на корнете. Вы когда-нибудь слышали, как кто-нибудь учится играть на корнете?

— Кажется, нет, — пробормотала миссис Кэрю.

— Ну, вы много потеряли, — сухо заметила девушка. Помолчав, она продолжила рассказ. — Иногда, особенно на Рождество и в праздники, мы ходили гулять сюда, на авеню и другие большие улицы, искали окна, в которых были подняты шторы, и заглядывали туда. Понимаете, нам было очень одиноко, а в такие дни особенно, и мы говорили себе, что нам будет легче, если мы посмотрим на какой-нибудь дом, где живет семья и горит лампа на столе в центре комнаты, и играют дети. Но мы обе знали, что на самом деле нам становилось еще хуже, потому что мы были так безнадежно оторваны от всего этого. И было даже еще тяжелее видеть автомобили и сидящих в них веселых молодых людей и девушек, смеющихся и болтающих. Понимаете, мы были молоды, и я полагаю, что нам тоже хотелось посмеяться и поболтать. Нам хотелось развлечений, и постепенно у моей подружки они появились... эти развлечения... Ну, короче говоря, в один прекрасный день мы порвали друг с другом, и она пошла своим путем, а я своим. Мне не нравились те, с кем она водила знакомство, и я сказала ей об этом. Она не захотела с ними расстаться, и наша дружба кончилась. Я не видела ее около двух лет, а потом получила от нее записку и пришла повидать ее. Это было как раз в прошлом месяце. Она жила в одном из этих «домов спасения». Это было чудесное место: мягкие ковры, прекрасные картины, комнатные растения, цветы и книги, фортепьяно, — все, что только можно, было сделано там для нее. Богатые женщины приезжали в своих автомобилях и экипажах, чтобы взять ее прокатиться, водили на концерты и спектакли. Она училась стенографии, ей собирались помочь найти место, как только она будет готова начать работать. Она сказала, что все удивительно добры к ней я даю понять, что готовы всячески ей помочь. Но она сказала и еще кое-что: «Сейди, если бы тогда, когда я была честной, уважающей себя, трудолюбивой, тоскующей по дому девушкой, они приложили хотя бы половину их теперешних усилий, чтобы показать мне, что беспокоятся и хотят помочь, я не была бы здесь теперь и им не надо было бы помогать мне...» И... я не могла забыть это. Вот и все. Не то чтобы я была против этих «домов спасения»; это все прекрасно, и это нужно делать. Вот только я думаю, что работы по спасению было бы не так много, если бы только эти люди проявили чуть больше интереса к таким девушкам немного пораньше.

— Но мне казалось... что есть дома для работающих девушек и... общежития, которые помогают в такого рода случаях, — запинаясь, выговорила миссис Кэрю голосом, который мало кто из ее знакомых сумел бы узнать.

— Да, они существуют. Вы когда-нибудь заходили хотя бы в один из них?

— Н-нет, хотя я... я жертвовала на них деньги. — На этот раз тон миссис Кэрю был почти извиняющимся.

Сейди как-то странно улыбнулась:

— Да, я знаю. Есть много хороших женщин, которые дают деньги на эти дома и никогда не заглядывали ни в один из них. Пожалуйста, не поймите меня так, будто я имею что-то против этих домов. Нет-нет, это хорошее дело. Они почти единственное место, где делают что-то, чтобы помочь. Но это лишь капля в море по сравнению с тем, что действительно нужно. Я попробовала пожить в таком доме однажды, но там была такая обстановка... у меня было такое чувство... Впрочем, к чему рассказывать? Возможно, не все они такие, как тот, а может быть, я сама какая-то не такая. Если б я даже попыталась объяснить вам, вы не поняли бы. Чтобы понять, вам пришлось бы пожить там... а вы ни в один даже не заходили. Но я не могла не удивляться порой, почему так много этих хороших женщин никогда, похоже, не проявляют интереса к делу предотвращения того, что потом заставляет их вкладывать столько души в дело спасения... Ну вот! Я и не собиралась столько всего наговорить. Но... вы спросили.

— Да, я спросила, — сдавленным голосом сказала миссис Кэрю, отворачиваясь.

Впрочем, не только от Сейди Дин, но и от Джейми тоже узнавала миссис Кэрю то, чего не знала прежде.

Джейми появлялся в доме очень часто. Поллианна любила, когда он приходил, а ему нравилось бывать у нее. Сначала он, правда, проявлял некоторую нерешительность, но очень скоро успокоил все сомнения и уступил своим желаниям, сказав себе (и Поллианне), что, в конце концов, ходить в гости не то же самое, что «остаться насовсем».

Миссис Кэрю часто находила Джейми и Поллианну в библиотеке, удобно устроившихся на диванчике у окна, с пустым креслом на колесах поблизости. Иногда они склонялись над книгой.

(Она слышала, как однажды Джейми сказал Поллианне, что, наверное, не страдал бы так из-за своих ног, если бы у него было столько книг, сколько их у миссис Кэрю, а уж если бы имел и книги, и ноги, так был бы наверху блаженства.) Иногда мальчик рассказывал что-нибудь, а Поллианна слушала увлеченно, с широко раскрытыми глазами.

Миссис Кэрю удивлялась такому интересу Поллианны, пока однажды сама не остановилась и не послушала. После этого она уже не удивлялась, но слушала и слушала. Язык мальчика был по большей части грубым и

неправильным, но всегда поражал своей яркостью и образностью, и вскоре миссис Кэрю рука об руку с Поллианной уже путешествовала в Золотом Веке, послушная воле мальчика с сияющими глазами.

Миссис Кэрю начинала смутно сознавать, что значит быть в душе и в мечтах центром храбрых подвигов и чудесных приключений, в то время как в действительности ты всего лишь мальчик-инвалид в кресле на колесах. Но миссис Кэрю не создавала той роли, какую этот мальчик-инвалид начинал играть в ее собственной жизни. Она не создавала ни того, каким привычным становится его присутствие, ни того, с каким интересом она теперь старается найти что-нибудь новое, «чтобы показать Джейми». Не создавала она и того, что с каждым днем он все больше и больше кажется ей тем самым, пропавшим Джейми, сыном ее покойной сестры. Но когда миновали февраль, март, апрель и пришел май, сделав совсем близкой дату намеченного отъезда Поллианны домой, миссис Кэрю вдруг поняла, что будет означать для нее отъезд девочки.

Она была изумлена и испугана. До сих пор миссис Кэрю, как ей казалось, с удовольствием ожидала отъезда Поллианны. Она говорила себе, что тогда в доме снова будет тихо, а слепяще яркое солнце закроют шторы. Снова она будет жить спокойно и сможет спрятаться от раздражающего, надоедливости мира. Снова обратится она страдающей душой ко всем столь дорогим воспоминаниям о потерянном маленьком мальчике, так давно шагнувшем в безбрежную неизвестность и закрывшем за собой дверь. И она верила, что все это будет, когда Поллианна уедет домой.

Но теперь, когда Поллианна действительно уезжала домой, все было совсем по-другому. «Тихий дом без слепяще яркого солнца» обещал оказаться «невыносимо мрачным», желанная «спокойная жизнь» представлялась «отвратительным одиночеством», а что до возможности «спрятаться от надоедливости мира» и «обратиться страдающей душой к дорогим воспоминаниям о потерянном маленьком мальчике»... как будто что-то могло стереть новые мучительные воспоминания о другом Джейми (который мог, однако, быть тем самым Джейми) с его полными страдания и мольбы глазами.

Теперь миссис Кэрю очень хорошо знала не только то, что без Поллианны дом будет пустым, но и то, что без мальчика, без Джейми, он будет более чем пуст. Для ее гордости сознание этого было отнюдь не приятным, для ее сердца это была пытка, так как мальчик дважды отказался переехать к ней. Внутренняя борьба, которую испытывала она в последние дни пребывания Поллианны в Бостоне, была напряженной и жестокой, но гордость всегда брала верх. А затем, когда Джейми был в гостях на

Коммонуэлс-авеню, как предполагалось, в последний раз, сердце одержало победу, и миссис Кэрю еще раз попросила Джейми переехать к ней и стать для нее тем Джейми, которого она потеряла.

Своих слов она никогда потом не могла вспомнить, но того, что сказал мальчик, не забыла.

Да и были это всего семь коротких слов.

С минуту, которая показалась ей невероятно долгой, его глаза пытливо смотрели ей в лицо, затем в них вспыхнул преображающий свет, и мальчик прошептал:

— Да! Ведь теперь... вам не все равно!

Глава 14 ДЖИММИ И «ЧУДИЩЕ С ЗЕЛЕНЫМИ ГЛАЗАМИ»^[12]

На этот раз Белдингсвилл не встречал Поллианну с духовым оркестром и флагами... возможно потому, что точно время ее ожидаемого приезда было известно лишь немногим в городке. Но, разумеется, не было недостатка в радостных приветствиях с той самой минуты, как она вышла из поезда вместе с тетей Полли и доктором Чилтоном. Да и Поллианна, не теряя времени, сразу же начала наносить мимолетные визиты в дома всех своих старых друзей, так что в последующие несколько дней, по словам Ненси, «ни в одном месте на нее и пальцем было не указать: пока палец поднимаешь, ее там уже нет».

И всегда, везде, где она появлялась, ее спрашивали: «Ну, как тебе понравился Бостон?» Но никому, вероятно, не ответила она подробнее, чем мистеру Пендлетону. Как бывало каждый раз, когда ей задавали этот вопрос, сначала она обеспокоенно нахмурилась:

— Да, он мне понравился... я просто полюбила его, часть его.

— Но не весь? — улыбнулся мистер Пендлетон.

— Нет. Есть там и то, что не понравилось... О, я была, конечно, рада, что поехала, — поспешила она объяснить. — И время я проводила совершенно замечательно, и столько было всего такого необычного и особенного... как, например, обедать вечером, а не днем, когда следовало бы! Но все были так добры ко мне, и я видела столько интересного: Банкер-Хилл^[13] и городской парк, и целые мили картин, статуй, витрин, и улицы, которые не кончаются. И людей. Я еще никогда не видела так много людей.

— Ну, мне казалось, ты любишь людей, — заметил мужчина.

— Люблю. — Поллианна снова нахмурилась и задумалась. — Но что пользы, что их так много, если вы их не знаете. А миссис Кэрю не разрешала мне с ними знакомиться. Она сама их не знала. Она говорила, что там не принято знакомиться.

Последовала небольшая пауза, затем Поллианна продолжила со вздохом:

— Я думаю, что, пожалуй, именно это мне больше всего не понравилось... то, что люди не знают друг друга. А насколько было бы лучше, если бы они были знакомы! Только подумайте, мистер Пендлетон, там множество людей, которые живут на грязных, узких улицах, и у них не

бывает даже бобов и рыбных тефтелек на обед, а одежда гораздо хуже, чем вещи из церковных пожертвований. А есть другие люди — миссис Кэрю и еще много таких, как она, — которые живут в совершенно великолепных домах, и еды и одежды у них столько, что они не знают, куда ее девать. Так вот, если бы *те* люди только познакомились с *этими* ...

Но мистер Пендлетон со смехом перебил ее.

— А тебе не приходило в голову, моя дорогая девочка, что эти люди отнюдь не стремятся узнать друг друга? — спросил он с добродушной насмешкой.

— Некоторые стремятся, — горячо защищалась Поллианна. — Вот, например, Сейди Дин... она хочет узнать других людей, и я познакомила ее с миссис Кэрю, и мы пригласили ее к себе, и еще пришли Джейми и много других... и она была так рада с ними познакомиться! Вот поэтому-то я и думаю, что если бы много таких людей, как миссис Кэрю, знали тех, других людей... но конечно, я не смогла бы всех их перезнакомить. Да я и сама-то не так уж много их знаю. Но если бы они все-таки *смогли* узнать друг друга, так чтобы богатые люди могли дать часть своих денег бедным...

Но мистер Пендлетон снова засмеялся и перебил ее;

— Ох, Поллианна, Поллианна! Боюсь, ты заходишь слишком далеко. Не успеешь оглянуться, как станешь ярой маленькой социалисткой и завзятой общественной деятельницей.

— Кем? — недоверчиво переспросила девочка. — Я... я не знаю, что делают общественные деятельницы. Но я знаю, что значит быть *общительным* ... и такие люди мне нравятся. Если общественная деятельница — это что-то вроде общительной, то я не против быть такой — ни чуточки, я даже хотела бы такой быть.

— В этом я не сомневаюсь, — улыбнулся мужчина, — Но когда дело дойдет до претворения в жизнь этого твоего проекта массового перераспределения богатства... ты можешь столкнуться с большими трудностями.

Поллианна тяжело вздохнула и кивнула:

— Я знаю. Так и миссис Кэрю говорила. Она говорила, что я ничего не понимаю... что это... э... э... пуперизировало ^[14] бы ее и были бы пагубные последствия и порочная практика и... — Она не договорила, так как мужчина рассмеялся. Но затем, вскинув голову, она немного обиженно продолжила: — Ну, в общем, что-то в этом роде... Но все-таки я не понимаю, почему одни люди должны иметь так много всего, а другие не иметь ничего, и мне это не нравится. И если у меня когда-нибудь будет

много, я просто отдам часть тем, у кого ничего нет, даже если я от этого сделаюсь пуперизированная и пагубная, и...

Но тут мистер Пендлетон так расхохотался, что Поллианна после минутной борьбы с собой не выдержала и засмеялась вместе с ним.

— Ну, во всяком случае, я этого не понимаю, — повторила она, отдышавшись.

— Да, дорогая, боюсь, ты этого не понимаешь, — согласился мужчина; взгляд его вдруг стал очень серьезным и ласковым. — Да и никто из нас, по правде говоря, тоже... Но Расскажи мне, — добавил он, помолчав, — кто этот Джейми, о котором ты твердишь, с тех пор как приехала.

И Поллианна рассказала.

Заговорив о Джейми, Поллианна перестала казаться озабоченной и недоумевающей. Она любила рассказывать о Джейми. Здесь все было ей понятно. Здесь не приходилось иметь дела с длинными, пугающе трудными словами. Кроме того, разве не будет особенно интересно мистеру Пендлетону то, что миссис Кэрю взяла к себе в дом мальчика? Ведь кто лучше, чем он, может понять необходимость «присутствия ребенка»?

Впрочем, о Джейми Поллианна рассказывала всем и каждому. Она предполагала, что всем это будет так же интересно, как ей самой. В большинстве случаев она не была разочарована проявленным любопытством, но однажды столкнулась с неприятной неожиданностью, которую преподнес ей Джимми Пендлетон.

— Слушай-ка, — с раздражением сказал он ей как-то раз, — что там в Бостоне не было больше никого, кроме этого вечного Джейми?

— Джимми Бин! Что ты хочешь этим сказать?! — воскликнула Поллианна. Мальчик чуть вскинул голову.

— Я не Джимми Бин. Я Джимми Пендлетон. И я хочу сказать, что, если тебя послушать, так получается, будто там в Бостоне не было никого, кроме этого чокнутого мальчишки, который зовет птиц и белок леди Ланселот и порет всякую чушь.

— Джимми Б... Пендлетон! — Поллианна задохнулась от негодования, а затем с живостью продолжила: — Джейми не чокнутый! Он очень хороший мальчик. И столько всего знает — и книг, и рассказов! Он даже сам может придумывать всякие истории! А кроме того, вовсе не леди Ланселот, а сэр Ланселот. И если бы ты знал хоть половину того, что знает Джейми, то не делал бы таких ошибок! — заключила она со сверкающими глазами. Джимми отчаянно покраснел; вид у него стал совсем несчастный. Но хотя ревность, это «чудище с зелеными глазами», все сильнее сжимала его сердце, он по-прежнему старался не сдавать позиций.

— Ну, все равно, — презрительным тоном заметил он, — имя у него дурацкое. Джейми! Пф! Звучит совсем по-девчоночьи! И не я один так думаю. Я знаю еще кое-кого, кто тоже так говорил.

— Кто это был?

Ответа не последовало.

— *Кто это был?* — повторила Поллианна более властно и настойчиво.

— Отец, — ответил он угрюмо.

— Твой... отец? — в изумлении переспросила Поллианна. — Да откуда он мог знать Джейми?

— Он и не знал. Он говорил не про него. Он говорил про меня. — Мальчик по-прежнему говорил угрюмо, не глядя на Поллианну. Но была в его голосе необычная мягкость, которая была заметна всегда, когда бы он ни упоминал о своем отце.

— Про *тебя* ?

— Да. Это было как раз перед его смертью. Мы почти неделю прожили у одного фермера. Отец помогал на сенокосе... ну, и я тоже, немного. Жена фермера была очень добра ко мне и очень скоро стала называть меня «Джейми»... Не знаю почему, но стала. И однажды отец это услышал. Он здорово рассердился... так рассердился, что я навсегда запомнил его слова. Он сказал тогда, что Джейми — имя не для мальчика и что его сына так никогда называть не будут. Он сказал, что это девчоночье имя и он его терпеть не может. Я никогда не видел его таким сердитым, как в тот вечер. Он даже не захотел остаться и закончить работу, и мы в тот же вечер опять двинулись в путь. Мне было немного жаль уходить — она мне понравилась... то есть жена фермера, я хочу сказать. Она было очень добра ко мне.

Поллианна кивнула с сочувствием и интересом. Джимми редко говорил о своем таинственном прошлом — о том времени, когда она его еще не знала.

— А что случилось потом? — спросила она, совсем забыв о первоначальном предмете спора — имени «Джейми», которое было названо «девчоночьим». Мальчик вздохнул:

— Ну, мы просто шли и шли дальше, пока не нашли другое место. Там-то отец и... умер. И тогда они отправили меня в приют.

— А ты убежал, и я нашла тебя в тот день возле дома миссис Сноу, — мягко продолжила Поллианна. — И с тех пор я тебя знаю.

— Да... и с тех пор ты меня знаешь, — повторил Джимми, но совсем другим голосом; он вдруг вернулся к настоящему и вспомнил свою

обиду. — Но я *не Джейми* , — заключил он, презрительно выделив последнее слово, а затем с высокомерным видом отвернулся и ушел, оставив в одиночестве огорченную и смущенную Поллианну.

— Ну что ж, я могу радоваться тому, что он не всегда ведет себя так, — вздохнула она, провожая печальным взглядом крепкую мальчишечью фигурку с неприятной заносчивостью в движениях.

Глава 15

ТЕТЯ ПОЛЛИ ВСТРЕВОЖЕНА

Поллианна пробыла дома около недели, когда миссис Чилтон получила письмо от Деллы Уэтерби.

"Как я хотела бы дать вам представление о том, что сделала для моей сестры ваша маленькая племянница, — писала мисс Уэтерби, — но боюсь, это невозможно. Чтобы понять это, вы должны были бы знать, какой она была прежде. Конечно, вы видели ее, и, возможно, от вашего внимания не ускользнули безмолвие и мрак, в которые она погрузила себя на многие годы. Но вы и представить не могли горечь, жившую в ее сердце, отсутствие всякой цели и интереса в ее жизни, упорное стремление быть вечно в трауре.

Потом приехала Поллианна. Вероятно, я не говорила вам об этом, но моя сестра пожалела о своем обещании взять к себе девочку почти в ту же минуту, как дала его, и поставила жесткое условие, что как только Поллианна попытается читать ей проповеди, она отправит девочку обратно ко мне. Но проповедей Поллианна не читала... по крайней мере, так говорит моя сестра, а уж ей ли не знать. Проповедей не было, и однако... Лишь позвольте мне рассказать вам, что увидела я, когда приехала вчера навестить ее. Ничто другое, вероятно, не сможет дать вам лучшего представления о том, что совершила ваша удивительная маленькая Поллианна. Прежде всего, еще только приближаясь к дому, я увидела, что почти все шторы подняты; раньше они всегда были опущены до самого подоконника. Едва ступив в холл, я услышала музыку — «Парсифаль»^[15]. Дверь в гостиную была открыта, в воздухе носился запах роз.

— Миссис Кэрю и мастер Джейми в музыкальной комнате, — сказала горничная.

Там я и нашла их — мою сестру и мальчика, которого она взяла в свой дом. Они слушали одно из этих новых устройств, которые могут воспроизводить записи опер в исполнении всей труппы вместе с оркестром.

Мальчик сидел в кресле на колесах. Он был бледен, но явно блаженно счастлив. Моя сестра выглядела на десять лет моложе. На ее обычно

бледных щеках играл легкий румянец, глаза сияли.

Немного позднее, после того как я несколько минут поговорила с мальчиком, мы с сестрой поднялись наверх, в ее комнаты, и там она рассказала мне о... Джейми. Нет, не о прежнем Джейми и не так, как прежде — со слезами на глазах и безнадежными вздохами, а о новом Джейми, и здесь не было ни вздохов, ни слез; вместо них были живой интерес и восхищение.

— Делла, он просто чудо, — начала она. — Все, что есть лучшего в музыке, живописи, литературе, находит у него совершенно удивительный отклик, только, конечно, он нуждается в развитии и образовании. Вот это я и намерена ему обеспечить. Учитель приходит завтра... Конечно, его язык порой ужасен; но в то же время он прочел так много хороших книг, что его словарный запас поразителен. А слышала бы ты, какие истории он может сочинять и тут же выпаливать единым духом! В общем образовании у него, разумеется, много пробелов, но он горит желанием учиться, так что все очень скоро удастся исправить. Он любит музыку, и я дам ему ту подготовку, какую он хочет. У меня уже есть коллекция тщательно отобранных пластинок. Видела бы ты его лицо, когда он впервые слушал музыку Святого Грааля! Он знает буквально все о короле Артуре и рыцарях «Круглого стола» и говорит о рыцарях, лордах и дамах, как ты и я о членах нашей семьи... только иногда я не знаю, то ли его сэръ Ланселот — это рыцарь древних времен, то ли белка в городском парке. И еще, Делла, знаешь, я думаю, можно добиться, чтобы он опять стал ходить. Во всяком случае, я собираюсь показать его доктору Эймсу и... И она все говорила и говорила, а я сидела, изумленная, онемевшая, но — ах! — до чего счастливая! Я рассказываю все это вам, дорогая миссис Чилтон, чтобы вы могли понять, как она увлечена, как горячо желает видеть развитие способностей этого мальчика и как, хочет она того или нет, все это меняет ее отношение к жизни. Она не может делать то, что делает для Джейми, не делая в то же время того же самого и для себя. Никогда больше, я уверена, не будет она той угрюмой, унылой женщиной, какой была прежде. И все это благодаря Поллианне.

Поллианна! Дорогое дитя... и самое замечательное то, что она ни о чем не подозревает. Я думаю, что даже моя сестра не вполне осознает, что происходит в ее собственном сердце и в ее жизни, и, конечно, не осознает Поллианна — и менее всего ту роль, которую сыграла в этих переменах.

Так вот, дорогая миссис Чилтон, как могу я отблагодарить вас? Я знаю, что не могу, так что не стану даже и пытаться. Но в душе вы

знаете, я в этом уверена, как благодарна я вам обоим — вам и Поллианне. Делла Уэтерби".

— Ну, похоже, лечение помогло, все в порядке, — улыбнулся доктор Чилтон, когда жена дочитала ему это письмо.

К его удивлению, она с досадой махнула рукой и взмолилась:

— Томас, пожалуйста, перестань!

— Но, Полли, в чем дело? Разве ты не рада что... что лечение помогло?

Миссис Чилтон с безнадежным видом откинулась на спинку кресла.

— Ах, снова ты, Томас! — вздохнула она. — Разумеется, я рада, что эта заблуждавшаяся женщина отказалась от прежнего образа жизни и нашла, что может быть кому-то полезна. И, разумеется, я рада, что Поллианна сделала это. Но я не могу радоваться тому, что о девочке постоянно говорят как о... бутылке с лекарством или «лечении». Неужели ты этого не понимаешь?

— Пустяки! В конце концов, что за беда? Я называю Поллианну укрепляющим средством, с тех пор как познакомился с ней.

— Беда? Но, Томас, девочка с каждым днем становится старше. Неужели ты хочешь испортить ее? До сих пор она совершенно не сознавала своих удивительных способностей. И в этом секрет ее успеха. Но ты знаешь так же хорошо, как и я, что как только она *осознанно* возьмется исправлять кого-либо, так сразу станет просто невыносима. А потому нельзя допускать, чтобы она когда-нибудь вбила себе в голову, что она — нечто вроде всеисцеляющего средства для бедного, больного, страдающего человечества.

— Пустяки! Я не стал бы тревожиться, — засмеялся доктор.

— Но я тревожусь, Томас.

— Но, Полли, подумай о том, что она сделала, — убеждал доктор. — Подумай о миссис Сноу, Джоне Пендлетоне и многих других... да теперь это совсем не те люди, что были прежде, — также, как и миссис Кэрю. И все это сделала Поллианна... Благослови ее Господь!

— Я это знаю, — выразительно кивнула миссис Чилтон. — Но я не хочу, чтобы это знала сама Поллианна! О, разумеется, отчасти ей это известно. Она знает, что научила их своей «игре в радость», и с тех пор они гораздо счастливее. И это хорошо. Это просто игра — ее игра, и они играют вместе с ней. Между нами, я готова признать, что Поллианна прочитала нам одну из самых проникновенных проповедей, какие я когда-либо слышала; но как только *она* узнает об этом...

Короче, я не хочу, чтобы она узнала. Вот и все. И позволь мне прямо сейчас сказать тебе, что я решила все-таки поехать снова с тобой в Германию этой осенью. Сначала я думала, что не поеду. Мне не хотелось оставлять Поллианну... да и теперь я не собираюсь ее оставлять. Я намерена взять ее с собой.

— Взять ее с нами? Отлично! Почему нет?

— Мне придется это сделать. Вот и все. Более того, я была бы рада пожить в Германии несколько лет, как тебе хотелось. Мне нужно на время совсем увезти Поллианну из Белдингсвилла. Я хотела бы, если смогу, сохранить ее милой и неиспорченной. И она не вобьет себе в голову никаких глупостей, если это зависит от меня. Ну, скажи, Томас, хотим ли мы, чтобы эта девочка стала невыносимой, назойливой резонеркой?

— Конечно нет, — засмеялся доктор. — Но, уж коли на то пошло, я не думаю, чтобы кто-то или что-то могло сделать ее такой... Впрочем, эта идея насчет Германии устраивает меня как нельзя лучше. Ты же знаешь, мне так не хотелось уезжать оттуда... и я не уехал бы, если б не Поллианна. Так что чем скорее мы вернемся туда, тем приятнее мне будет. И я хотел бы остаться там на несколько лет — как для учебы, так и для практики.

— Тогда — решено. — И тетя Полли удовлетворенно вздохнула.

Глава 16

КОГДА ПОЛЛИАННУ ЖДАЛИ

Весь Белдингсвилл буквально трепетал от волнения. Никогда, с тех пор как Поллианна Уиттиер вернулась домой из санатория на ногах, не было таких оживленных разговоров у заборов на задних дворах и на углу каждой улицы. На этот раз в центре внимания опять была Поллианна. Снова Поллианна возвращалась домой... но теперь это была совсем другая Поллианна и возвращение было совсем другое!

Поллианне теперь было двадцать. Шесть лет она прожила в Европе: зимы проводила в Германии, а летом путешествовала и отдыхала вместе с доктором Чилтоном и его женой. Только однажды за это время побывала она в Белдингсвилле, и тогда это был короткий визит — всего лишь один месяц в тот год, когда ей исполнилось шестнадцать. И теперь она возвращалась домой — по слухам, насовсем; она и ее тетя Полли.

Доктора Чилтона с ними не было. Шесть месяцев назад городок был потрясен и опечален известием о его скоропостижной смерти. Все ожидали тогда, что миссис Чилтон и Поллианна сразу вернутся в свой старый дом. Но они не приехали. Вместо этого пришло известие, что вдова и ее племянница останутся в Европе еще на какое-то время. Говорили, что в полной перемене окружения миссис Чилтон пыталась искать забвения и облегчение своей глубокой скорби. Очень скоро, однако, по городку поползли слухи, смутные и не столь смутные, о том, что в финансовом отношении с миссис Чилтон не все в порядке. Железнодорожные акции, в которые, как говорили, была вложена значительная часть состояния Харрингтонов, некоторое время были неустойчивы, а затем рухнули в пропасть. Другие вложения, согласно слухам, также были весьма ненадежны. На состояние доктора Чилтона также вряд ли можно было рассчитывать. Он не был богатым человеком, а его расходы в последние шесть лет оказались довольно большими. Так что Белдингсвилл не был особенно удивлен, когда спустя неполных шесть месяцев после смерти доктора пришло наконец известие, что миссис Чилтон и Поллианна возвращаются домой.

Снова в старом доме Харрингтонов, так долго остававшемся закрытым и безмолвным, были распахнуты окна и широко открыты двери. Снова Ненси — теперь миссис Дурджин, супруга Тимоти Дурджина — вытирала

пыль, чистила и мыла, пока дом не засиял в безупречной чистоте и порядке.

— Нет, я никаких распоряжений не получала, не получала, — объясняла Ненси любопытствующим друзьям и соседям, которые останавливались у ворот или, кто посмелее, подходили прямо к двери.

— У мамыши Дурджин, конечно, был ключ, и она обычно приходила проветрить и приглядеть, чтоб все было в порядке, а миссис Чилтон написала только, что она и мисс Поллианна приезжают в пятницу на этой неделе и чтоб, пожалуйста, комнаты и чехлы были проветрены, а ключ в этот день лежал под ковриком у задней двери. Под ковриком! Вот уж действительно! Как будто я дам им, двум бедняжкам, приехать в этот дом вот так — одиноким и заброшенным. .. а я всего за милю отсюда сижу в своей гостиной, будто какая-нибудь госпожа и у меня совсем нет сердца, нет сердца! Как будто бедняжкам и без того не приходится тяжело — едут домой, а доктор умер — упокой Господи его душу! — и никогда не вернется... Да и к тому же без денег. Вы слышали про это? Вот беда-то, вот беда! Подумать только, мисс Полли... я хочу сказать, миссис Чилтон и вдруг бедная! Ну и ну, не могу я этого представить, не могу, не могу!

Ни с кем, вероятно, не говорила Ненси так заинтересованно, как с высоким, красивым молодым человеком с необыкновенно открытым взглядом и необыкновенно обаятельной улыбкой, который в четверг в десять часов утра легким галопом подъехал к задней двери дома на горячем породистом скакуне. В то же время ни с кем не говорила он в столь явном смущении, насколько это касалось манеры обращения; она то и дело запинаясь и с ее языка срывалось:

«Мастер Джимми... э... мистер Бин... то есть, я хочу сказать, мистер Пендлетон, мастер Джимми!» — с нервной стремительностью, вызвавшей у молодого человека взрыв веселого смеха.

— Не беспокойтесь, Ненси! Говорите, как вам удобнее всего... Я уже выяснил, что хотел. Миссис Чилтон и ее племянница действительно приезжают завтра.

— Да, сэр, приезжают, сэр, — приседая, заверила Ненси, — такая жалость! Не то, чтоб я не была рада их видеть, да только как они приезжают...

— Я понимаю, — серьезно кивнул юноша, окидывая взглядом красивый старый дом. — Но тут, я думаю, ничего не поделаешь. Но я рад, что вы взялись... именно за то, за что взялись. Это очень поможет, — заключил он с живой улыбкой и, развернувшись, стремительно умчался по дороге.

Ненси, стоя на крыльце, глубокомысленно покачала головой.

— Меня не удивляет, мастер Джимми, — заявила она вслух, провожая восхищенным взглядом красивые фигуры лошади и всадника, — меня не удивляет, что вы не теряете времени даром, когда нужно расспросить про мисс Поллианну. Я давно сказала, что придет время — и оно непременно придет... а тут еще вы выросли таким красивым и высоким. И я надеюсь, что так все и получится, надеюсь, надеюсь! Это будет совсем как в книжке, ведь она нашла вас и привела в этот великолепный дом мистера Пендлетона. Кто узнал бы в вас теперь прежнего маленького Джимми Бина! Никогда не видела, чтобы кто-то так изменился, не видела, не видела! — заверила она, в последний раз взглянув на быстро теряющийся вдали силуэт.

Похожая мысль, должно быть, мелькнула у Джона Пендлетона, когда с веранды своего большого серого дома на Пендлетон-Хилл он следил за стремительным приближением той же лошади и всадника. В его глазах было выражение, очень похожее на выражение миссис Ненси Дурджин, а с уст сорвалось восхищенное: «Что за красавцы оба!», когда эти двое промчались мимо дома к конюшне.

Пять минут спустя юноша вышел из-за угла дома и медленно поднялся по ступеням веранды.

— Ну, мой мальчик, это правда? Они приезжают? — с явным нетерпением спросил мужчина.

— Да.

— Когда?

— Завтра. — Молодой человек опустился в кресло.

Резкость и краткость ответа заставили Джона Пендлетона нахмуриться. Он бросил быстрый взгляд на лицо юноши, на миг заколебался, а затем, немного отрывисто, спросил:

— В чем дело, сынок?

— Дело? Ни в чем, сэр.

— Глупости! Я все вижу. Час назад ты уезжал отсюда в такой горячке нетерпения, что никакие силы не смогли бы тебя удержать, а теперь сидишь, сгорбившись, в этом кресле с таким видом, как будто никакими силами невозможно тебя из него вытащить. Если б я не знал что к чему, подумал бы, что ты не рад приезду наших друзей. — Он сделал паузу, явно ожидая ответа, но не получил его.

— Ну, скажи, Джим, разве ты не рад, что они приезжают?

Молодой человек засмеялся и беспокойно заерзал в кресле:

— Ну, конечно, рад.

— Хм! По твоему поведению этого не скажешь.

— Молодой человек снова засмеялся. Лицо его вспыхнуло мальчишеским румянцем:

— Просто... я думал... о Поллианне.

— О Поллианне! Да ты не делал ничего другого, как без умолку говорил о Поллианне, с тех самых пор как вернулся из Бостона и узнал, что ее ждут. Я думал, тебе до смерти хочется ее увидеть.

Юноша подался вперед с необычной горячностью:

— Именно так! Понимаете? Вы сами сказали об этом минуту назад. Вчера никакие силы не смогли бы помешать мне увидеть Поллианну, а сегодня, когда я знаю, что она приезжает, никакие силы не могут заставить меня взглянуть на нее.

— Да что ты, Джим!

На лице Джона Пендлетона изобразились изумление и недоверие. Молодой человек откинулся на спинку кресла, смущенно засмеявшись.

— Я знаю, это звучит нелепо, и боюсь, я не смогу ничего объяснить. Но, так или иначе, а я думаю... что мне никогда не хотелось, чтобы Поллианна выросла. Она и так была просто прелесть. Мне приятно вспоминать ее такой, какой я видел ее в последний раз: ее серьезное веснушчатое личико, ее светлые косы и это ее печальное: «Да, я рада, что уезжаю, но думаю, я буду рада чуточку больше, когда вернусь!» Больше я ее не видел. Вы ведь помните, мы были в Египте, когда она приезжала сюда четыре года назад.

— Да, я помню. И я также вполне понимаю, что ты имеешь в виду. Мне кажется, я чувствовал то же самое, пока не увидел ее минувшей зимой в Риме.

Юноша с интересом обернулся к нему:

— В самом деле, вы же ее видели! Расскажите мне о ней.

Глаза Джона Пендлетона лукаво блеснули.

— Но я думал, ты не хочешь познакомиться со взрослой Поллианной.

Молодой человек с гримасой отмахнулся.

— Она красивая?

— Ах, вы, молодые люди! — в шутливом отчаянии пожал плечами Джон Пендлетон. — Всегда-то у вас первый вопрос: она красивая?

— Так красивая? — настаивал молодой человек.

— Я оставлю судить об этом тебе самому. Если ты... Нет, пожалуй, лучше все-таки сказать, а то ты можешь быть слишком разочарован. Поллианна не красавица, если речь идет о правильности черт, кудрях и ямочках на щеках. Как мне достоверно известно, самым досадным обстоятельством в жизни Поллианны до сих пор является то, что она так

уверена в своей некрасивости. Когда-то давно она говорила мне, что черные кудряшки — одна из тех вещей, которые она надеется получить, когда попадет на небеса, а в прошлом году в Риме она сказала кое-что еще. В самих словах, возможно, не было ничего особенного, но я почувствовал за ними все тоже горячее желание. Она сказала, что хорошо бы кто-нибудь когда-нибудь написал роман, у героини которого были бы прямые волосы и веснушки на носу, но добавила, что вероятно ей следует радоваться тому, что в книжках не бывает некрасивых девушек.

— Она говорит, как прежняя Поллианна.

— О, ты и теперь найдешь ее... Поллианной, — с добродушной насмешкой улыбнулся мужчина. — Ну, а я считаю ее красивой. У нее прекрасные глаза... Она воплощенное здоровье, в ее движениях веселая упругость юности, а все ее лицо так чудесно оживляется, когда она говорит, что совсем забываешь, правильны его черты или нет.

— Она по-прежнему... играет в радость?

Джон Пендлетон с нежностью улыбнулся.

— Думаю, что играет, но говорит теперь об этом немного. Во всяком случае, она ничего не сказала мне об игре в наши с ней две или три встречи.

Последовало недолгое молчание; затем немного задумчиво молодой Пендлетон сказал:

— Пожалуй, это было одно из обстоятельств, которые тревожили меня. Эта игра стала столь многим для стольких людей. Она значит так много повсюду, по всему городку! Мне было бы тяжело думать, что Поллианна бросила ее и больше не играет. Но в то же время я не мог бы представить взрослую Поллианну, постоянно убеждающую людей чему-нибудь радоваться. Почему-то я... ну, как я уже сказал, мне просто не хотелось, чтобы Поллианна вырастала.

— Ну, я не стал бы тревожиться, — пожал плечами Пендлетон-старший со странной улыбкой. — У Поллианны это всегда была «очищающая гроза» — и в буквальном, и в переносном смысле, и я думаю, ты найдешь, что она и теперь живет согласно тому же принципу... хотя, возможно, немного по-другому. Бедняжка! Боюсь, что ей — на время, по меньшей мере — будет очень нужно что-то вроде игры, чтобы существование не стало невыносимым.

— Вы имеете в виду, что миссис Чилтон потеряла свое состояние? Значит, они очень бедны?

— Полагаю, что так. Как я случайно узнал, они действительно в довольно тяжелом положении, насколько это касается денежных дел.

Наследство Харрингтонов невероятно уменьшилось, а бедняга Том мало что оставил после себя, кроме безнадежных долгов — того, что причиталось ему за профессиональные услуги и не было — и не будет — заплачено. Том никогда не мог сказать «нет», если требовалась его помощь, и все бездельники в городке знали это и пользовались его добросердечием. В последнее время у него были большие расходы. Он мечтал о больших делах, после того как закончит свой научный труд в Германии. Естественно, он предполагал, что его жена и Поллианна более чем достаточно обеспечены наследством Харрингтонов, так что у него не было никаких тревог в этом отношении.

— Хм-м, понимаю, понимаю. Жалко, жалко!

— Но это не все. Месяца два спустя после смерти Тома я видел его вдову и Поллианну в Риме. Миссис Чилтон была тогда в ужасном состоянии. Такое горе, а тут еще она начала получать представление о своих финансовых затруднениях и почти обезумела от отчаяния. Она отказывалась ехать домой и заявила, что не хочет больше видеть ни Белдингсвилл, ни кого-либо оттуда. Понимаешь, она всегда была исключительно гордой женщиной, и несчастья подействовали на нее довольно странным образом. По словам Поллианны, ее тетка убеждена, что Белдингсвилл с самого начала неодобрительно смотрел на ее брак с доктором Чилтоном, в ее возрасте; и теперь, когда он умер, в городке, по ее мнению, отнесутся без всякого сочувствия к ее скорби. Ее глубоко уязвляло и то, что теперь им, должно быть, известно, что она не только овдовела, но также и обеднела. Короче говоря, она довела себя до крайне нездорового, жалкого состояния, столь же неразумного, сколь и пугающего. Бедная Поллианна! Мне казалось чудом, что она выносит такое. Если миссис Чилтон продолжает в том же духе, от девочки, наверно, одна тень осталась. Вот почему я сказал, что, если уж кому нужно что-то наподобие «игры в радость», так это Поллианне.

— Какая жалость! Подумать только, что такое случилось с Поллианной! — воскликнул молодой человек не совсем твердым голосом.

— Да, и ты сам можешь судить, что не все хорошо по тому, как они возвращаются, — так тихо, никому ни слова. Я готов поручиться, что это все дело рук Полли Чилтон. Она *не захотела*, чтобы ее встречали. Как я догадываюсь, она написала только миссис Дурджин, жене Старого Тома, у которой хранится ключ.

— Да, так сказала мне и Ненси, добрая душа! Она приготовила дом к их приезду и каким-то образом ухитрилась сделать так, чтобы он не казался могилой погибших надежд и минувших радостей. Ну, а вокруг дома все и

так выглядит неплохо, ведь Старый Том продолжал немного ухаживать за садом. Но когда я был там, у меня сжалось сердце... от всего.

Оба долго молчали, затем Джон Пендлетон коротко заметил:

— Надо бы их встретить.

— Их встретят.

— А *ты* поедешь на станцию?

— Поеду.

— Значит, тебе известно, каким поездом они приезжают?

— Нет. И Ненси тоже этого не знает.

— Как же тогда вы устроите это дело?

— Начиная с самого утра я буду ездить к каждому поезду, пока они не приедут, — немного невесело засмеялся молодой человек. — И Тимоти тоже, с экипажем Чилтонов. В конце концов, в железнодорожном расписании не так уж много поездов, на которых они могут приехать.

— Хм-м, я знаю, — кивнул Джон Пендлетон. — Джим, я восхищен твоей уверенностью в собственных силах, но не твоей рассудительностью. Впрочем, я рад, что ты собираешься руководствоваться именно этой уверенностью, а не рассудительностью, и желаю тебе удачи.

— Спасибо, сэр, — снова невесело усмехнулся молодой человек. — Мне очень нужны они, ваши добрые пожелания... очень, очень, как говорит Ненси.

Глава 17

КОГДА ПОЛЛИАННА ПРИЕХАЛА

Пока поезд приближался в Белдингсвиллу, Поллианна с тревогой наблюдала за теткой. В течение всего дня миссис Чилтон становилась все более и более беспокойной, более и более мрачной, и Поллианна со страхом ждала, когда они наконец доберутся до знакомой, родной станции.

Поллианна смотрела на тетку, и ее сердце сжималось от боли. Никогда прежде не поверила бы она, что кто-то может так сильно измениться и постареть за короткие шесть месяцев. Глаза миссис Чилтон были тусклыми, щеки мертвенно-бледными, а лоб исчерчен вдоль и поперек морщинами. Уголки ее рта опустились, а волосы были туго зачесаны назад в некрасивый узел, какой носила она тогда, когда одиннадцатилетняя Поллианна впервые увидела ее. Вся нежность и очарование, которые, казалось, пришли к ней вместе с замужеством, теперь слетели с нее словно маска, оставив на поверхности прежнюю суровость и брюзгливость, что характерны для нее, когда она еще оставалась мисс Полли Харрингтон, нелюбимой и нелюбящей.

— Поллианна! — Голос миссис Чилтон звучал резко.

Поллианна виновато вздрогнула, как будто тетка могла прочесть ее мысли.

— Да, тетечка?

— Где эта черная сумка... маленькая?

— Вот здесь.

— Хорошо, я хочу, чтобы ты достала из нее мою черную вуаль. Мы уже почти приехали.

— Но тетечка, в ней так жарко, и она такая густая!

— Поллианна, я попросила черную вуаль. Если ты будешь так любезна и научишься выполнять мои просьбы, не споря со мной, мне будет гораздо легче. Мне нужна вуаль. Неужели ты полагаешь, что я дам всему Белдингсвиллу возможность увидеть, как я «это принимаю»?

— Что ты, тетечка, они никогда не отнесутся к этому *так*, — возразила Поллианна, торопливо роясь в черной сумке в поисках столь необходимой вуали. — К тому же все равно никто не придет встречать нас. Мы же никому не сообщили, что приезжаем.

— Да, конечно. Мы *не велели* никому встречать нас. Но мы поручили

миссис Дурджин проветрить комнаты и оставить сегодня ключ под ковриком. Ты полагаешь, что миссис Дурджин ни с кем не поделилась этими сведениями? Как бы не так! Половина городка уже знает, что мы приезжаем сегодня, и десяток их, а то и больше, «случайно окажутся» на станции, когда придет поезд. Я их знаю! Они хотят посмотреть, как выглядит *обедневшая* Полли Харрингтон. Они...

— Тетечка, тетечка... — умоляла Поллианна со слезами на глазах.

— Если бы я не была так одинока... Если бы... Томас только был здесь и... — Она умолкла и отвернулась. Ее губы судорожно подергивались. — Где... эта вуаль? — хриплым, прерывающимся голосом спросила она.

— Вот, дорогая, пожалуйста... вот она, — успокаивала ее Поллианна, пытаясь поскорее сунуть вуаль в руки тетке. — И мы уже почти приехали. Ах, тетечка, как жаль, что ты не попросила Старого Тома или Тимоти встретить нас!

— И ехать домой с помпой, словно мы по-прежнему можем позволить себе держать лошадей и экипажи? И это когда мы знаем, что завтра нам придется их продать? Нет, Поллианна, спасибо. Я предпочитаю в таких обстоятельствах воспользоваться дилижансом.

— Я знаю, но... — С толчком и резким дребезжащим звуком поезд остановился, и лишь трепетный вздох завершил фразу Поллианны.

Когда они ступили на платформу, миссис Чилтон в своей черной вуали не взглянула ни направо, ни налево. Поллианна же успела кивнуть и печально улыбнуться в пяти или шести направлениях, прежде чем сделала десяток шагов. Вдруг она обнаружила, что смотрит в какое-то знакомое и вместе с тем странно незнакомое лицо.

— Да это... это же... Джимми! — просияла она, сердечно протягивая ему руку. — То есть мне, наверное, следовало сказать «мистер Пендлетон», — поправилась она с робкой улыбкой, которая ясно говорила: «... теперь, когда ты вырос такой высокий и красивый».

— Только попробуй! — с вызовом бросил молодой человек, вскинув голову, совсем как прежний Джимми. Затем он обернулся, чтобы заговорить с миссис Чилтон, но она, слегка отвернувшись и немного обогнав их, спешила дальше. Он снова обернулся к Поллианне; в его глазах были озабоченность и сочувствие. — Прошу вас... вас обеих... сюда, — торопливо и настойчиво начал он. — Тимоти здесь с экипажем.

— Ах как хорошо, что он приехал! — воскликнула Поллианна, но тут же с тревогой бросила взгляд на мрачную фигуру в вуали чуть впереди них и робко коснулась теткиного локтя.

— Тетечка, дорогая. Тимоти здесь. Он приехал с экипажем. Он с той

стороны. А... это Джимми Бин, тетечка. Ты ведь помнишь Джимми Бина?

От волнения и смущения Поллианна не заметила, что назвала молодого человека его прежним именем. Миссис Чилтон, однако, обратила на это внимание. С явной неохотой она обернулась и слегка кивнула.

— Мистер... Пендлетон, конечно, очень любезен, но мне жаль, что они с Тимоти взяли на себя такой труд, — холодно проронила она.

— Никакой не труд... совсем никакого труда, уверяю вас, — засмеялся молодой человек, пытаясь скрыть свое смущение. — А если вы только позволите мне взять ваши багажные квитанции, я позабочусь о вашем багаже.

— Спасибо, — начала миссис Чилтон, — но мы вполне можем...

Но Поллианна с кратким: «Спасибо!», в котором звучало облегчение, уже передала квитанции, и чувство собственного достоинства требовало от миссис Чилтон не продолжать. Домой ехали в молчании. Тимоти, обиженный тем, как встретила его бывшая хозяйка, сидел на козлах, прямой и чопорный, с плотно сжатыми губами. Миссис Чилтон, устало бросив: «Хорошо, хорошо, детка, как хочешь; теперь нам, наверное, придется ехать домой в этом экипаже!», погрузилась в мрачное уныние. Поллианна же не была ни мрачной, ни чопорной, ни унылой. Жадным, хотя и печальным взглядом она встречала каждое давно знакомое, любимое место, к которому они приближались. Вслух она заговорила лишь однажды, чтобы заметить;

— Какой Джимми славный! Как он вырос! И глаза и улыбка у него чудеснейшие, правда?

Она с надеждой подождала ответа, но так как его не было, довольствовалась собственным добрым:

— Ну, во всяком случае, мне они показались чудеснейшими.

Тимоти был слишком обижен и слишком полон опасений, чтобы сказать миссис Чилтон о том, что ждет ее дома, так что широко распахнутые двери, украшенные цветами комнаты и приседающая на крыльце Ненси оказались настоящим сюрпризом для миссис Чилтон и Поллианны.

— Ах, Ненси, да это совершенно чудесно! — воскликнула Поллианна, легко спрыгивая на землю. — Тетечка, Ненси здесь, чтобы нас встретить! Ты только посмотри, какую красоту она везде навела!

Поллианна старалась говорить весело, хотя ее голос заметно дрожал. Это возвращение домой без дорогого доктора Чилтона, которого она так любила, было нелегким и если тяжело ей, то можно было представить, каково ее тетке. Поллианна также знала, что больше всего тетка боялась

разрыдаться перед Ненси: ничего ужаснее, на ее взгляд, быть не могло. Поллианна знала, что за тяжелой черной вуалью — глаза, полные слез, и дрожащие губы. Тетка, вероятно, ухватится за первую попавшуюся возможность придраться к чему-нибудь и сделать свой гнев маской, позволяющей скрыть, что сердце ее разрывается. Поэтому Поллианна не удивилась, услышав, как за несколькими холодными словами, которыми тетка приветствовала Ненси, последовало:

— Конечно, все это очень любезно с вашей стороны, Ненси, но, право же, я предпочла бы, чтобы вы этого не делали.

Радостное выражение мгновенно исчезло с лица Ненси. Вид у нее стал обиженный и испуганный.

— Ох, но мисс Полли... я хочу сказать, миссис Чилтон, — умоляюще забормотала она, — не могла же я допустить, чтобы вы...

— Ну-ну, пустяки, Ненси, — перебила ее миссис Чилтон. — Я... я не хочу говорить об этом. — И с гордо вскинутой головой она величественно выплыла из комнаты. Минуту спустя они услышали, как закрылась наверху дверь ее спальни. Ненси в ужасе обернулась к Поллианне.

— Ох, мисс Поллианна, да что ж это? Что я такое сделала? Я думала, она будет довольна. Я ж добра хотела!

— Конечно, — всхлипнула Поллианна, шаря в сумочке в поисках носового платка. — И просто замечательно, что ты это сделала... просто замечательно.

— Но она-то недовольна!

— Довольна. Только она не хотела показывать, что довольна. Она боялась, что если покажет это, то покажет... и другое, а... Ах, Ненси, Ненси, я так рада — прямо до с-слез! — Она всхлипнула на плече у Ненси.

— Полно, полно, дорогая, — успокаивала Ненси, поглаживая одной рукой вздымающиеся от рыданий плечи Поллианны и пытаясь другой использовать уголок своего передника вместо носового платка, чтобы утереть собственные слезы.

— Понимаешь, я не должна... плакать... при ней, — запинаясь, выговорила Поллианна. — А это так тяжело... приехать сюда... вот так... в первый раз. И я знаю, что она чувствует.

— Конечно, конечно, бедный мой ягненок, — ласково бормотала Ненси. — А я-то, подумать только, первым делом ее огорчила.

— Нет-нет, она вовсе не огорчилась, — взволнованно поправила ее Поллианна. — Просто у нее такая манера. Понимаешь, Ненси, она не хочет показать, как ей тяжело из-за... из-за дяди Тома. И она так боится выдать свои чувства, что... что просто хватается за любой предлог, чтобы... чтобы

заговорить о чем-то другом. Она и со мной так поступает — точно так же, как сейчас. Поэтому я все это знаю, понимаешь?

— Да, да, понимаю, понимаю. — Ненси немного сурово сжала губы, а ее полные сочувствия поглаживания стали в эту минуту даже еще более ласковыми, если такое возможно. — Бедный мой ягненок! Я рада, что все-таки пришла — ради тебя.

— И я тоже, — прошептала Поллианна, мягко отстраняясь и вытирая глаза. — Ну вот, мне уже легче. И я так благодарна тебе, Ненси, и так ценю то, что ты сделала. А теперь не задерживайся из-за нас, если тебе пора уходить.

— Хм! Думаю, я могу и остаться на время, — хмыкнула Ненси.

— Остаться? Но, Ненси, я думала, ты замужем. Разве Тимоти не твой муж?

— Разумеется! Но он не будет возражать... ради тебя. Он даже хотел бы, чтобы я осталась... ради тебя.

— Ах, но, Ненси, мы не могли бы на это согласиться, — возразила Поллианна. — Мы не можем никого держать у себя... теперь, понимаешь? Я собираюсь сама делать все по хозяйству. Пока мы не узнаем точно, как обстоят дела, нам предстоит жить очень экономно; так говорит тетя Полли.

— Хм! Как будто я взяла бы деньги у... — начала было Ненси со сдержанным гневом, но, заметив выражение лица девушки, оборвала фразу, так что последние слова слились в невнятные возражения, и поспешила в кухню, чтобы приглядеть за оставшимся на плите пюре из курицы.

Только когда ужин был окончен и все приведено в порядок, миссис Дурджин согласилась уехать вместе со своим мужем. Но она покинула дом с явной неохотой, множество раз повторив просьбу позволить ей заходить время от времени, чтобы «только чуточку помочь». Когда Ненси уехала, Поллианна вошла в гостиную, где в одиночестве, закрыв глаза рукой, сидела миссис Чилтон.

— Душечка, может быть, зажечь свет? — оживленно предложила Поллианна.

— Да, пожалуй.

— Ну не прелесть ли Ненси, что все так чудесно устроила для нас?

Ответа не было.

— Где только она нашла столько цветов, представить не могу. Цветы в каждой комнате на первом этаже и в обеих спальнях наверху.

Ответа по-прежнему не было.

Поллианна приглушенно вздохнула и бросила печальный взгляд на повернутое в сторону лицо тетки. Помолчав, она снова заговорила с

надеждой в голосе.

— Я видела в саду Старого Тома. Бедняга, ревматизм совсем скрутил его. Он ходит, согнувшись почти пополам... Он Подробно расспрашивал о тебе и...

Миссис Чилтон обернулась и резко перебила ее:

— Поллианна, что мы будем делать?

— Делать? Разумеется, все, что можем, дорогая.

У миссис Чилтон вырвался жест нетерпения.

— Ну, Поллианна, будь же ты серьезной хоть на этот раз. Ты увидишь — и очень скоро, — что это не шутки. Что мы будем делать? Как ты знаешь, доходы от моих вложений почти совершенно перестали поступать. Конечно, некоторые акции, как я полагаю, имеют ценность, но мистер Харт говорит, что немногие из них принесут в настоящее время какие-то деньги. Конечно, у нас есть кое-что в банке и небольшие проценты. И еще у нас есть этот дом. Но какая от него польза? Мы не можем ни есть его, ни надевать на себя. При том образе жизни, который нам предстоит вести, этот дом слишком велик для нас, но невозможно продать его и за половину того, что он действительно стоит, если только не посчастливится найти именно того человека, которому этот дом очень нужен.

— Продать дом! Ах, тетечка, как можно! Такой красивый дом, в котором полно прелестных вещей!

— Возможно, мне придется сделать это, Поллианна. Мы должны что-то есть... к несчастью.

— Да, я знаю, и я всегда такая голодная! — сокрушенно отозвалась Поллианна с невеселым смехом. — И все же, я полагаю, мне следует радоваться тому, что у меня такой хороший аппетит.

— Вполне вероятно. Ты всегда найдешь чему радоваться. Но что мы будем делать, детка? Я хочу, чтобы ты хоть на минуту стала серьезной.

Лицо Поллианны тут же изменилось:

— Я очень серьезна, тетя Полли. Я уже думала об этом. Я... хорошо бы, если б я смогла зарабатывать.

— Ах, детка, детка, подумать только! Я дожила до того, что слышу от тебя такое! — простила женщина. — Дочь Харрингтонов вынуждена зарабатывать себе на хлеб!

— Надо не так смотреть на это, — засмеялась Поллианна. — Тебе следовало бы радоваться, если дочь Харрингтонов окажется способна заработать себе на хлеб! Тут нет ничего позорного, тетя Полли.

— Возможно. Но это не очень приятно, ведь раньше мы так гордились положением, которое всегда занимали в Белдингсвилле.

Но Поллианна, похоже, не слышала. Ее глаза были задумчиво устремлены куда-то в пространство.

— Если бы только у меня был какой-нибудь талант. Если бы только я могла делать что-нибудь лучше всех на свете! — вздохнула она. — Я умею немного петь, немного играть на фортепьяно, немного вышивать, немного штопать... но все это не особенно хорошо... не настолько хорошо, чтобы мне за это платили... Пожалуй, больше всего мне понравилось бы готовить и вести домашнее хозяйство, — продолжила она после минутного молчания. — Ты же помнишь, как я любила заниматься этим в Германии, когда Гретхен так досаждала нам тем, что не приходила, когда была особенно нужна. Но мне совсем не хочется ходить готовить в чужие кухни.

— Как будто я позволила бы тебе! Поллианна! — содрогнулась миссис Чилтон.

— Ну, а просто готовить в нашей собственной кухне — это ничего не принесет... никаких денег, я хочу сказать, — сокрушалась Поллианна. — А нам необходимы именно деньги.

— Настоятельно необходимы, — вздохнула тетя Полли.

Последовало продолжительное молчание, которое нарушила Поллианна:

— Подумать только, что после всего того, что ты сделала для меня, тетечка... Подумать только, что, если б я только могла заработать, у меня была бы такая прекрасная возможность помочь тебе! А я... я не могу. О, почему я не родилась с талантом, который может приносить доход?

— Ну, ну, детка, не надо, не надо! Разумеется, если бы был жив Томас... — Голос миссис Чилтон прервался. Поллианна быстро подняла глаза и вскочила на ноги.

— Дорогая, дорогая, так не годится. — воскликнула она совершенно другим тоном. — Не волнуйся, тетечка! Ты же не можешь поручиться, что у меня на днях не разовьется какой-нибудь совершенно замечательный талант? К тому же, на *мой* взгляд, это так увлекательно. Во всем этом столько неизвестности. Это ужасно занятно — хотеть чего-то и потом ждать, когда это «что-то» у тебя появится. А просто жить, *зная*, что у тебя сразу будет все, что ты захочешь, — это так... так скучно, — заключила она с веселым смехом.

Миссис Чилтон, однако, не засмеялась. Она тяжело вздохнула и сказала:

— Поллианна, какой ты еще ребенок!

Глава 18

СНОВА ДОМА

Первые несколько дней после возвращения в Белдингсвилл не были легкими ни для миссис Чилтон, ни для Поллианны. Это были дни привыкания к новой обстановке, а такие дни никогда не бывают легкими.

После путешествия и связанных с ним волнений нелегко было вдруг сосредоточиться на обсуждении цены масла и неблагоприятного поведения мясника. После свободного распоряжения собственным временем нелегко было привыкнуть к тому, что перед тобой всегда какая-нибудь очередная неотложная задача, настоятельно требующая разрешения. К тому же то и дело заходили друзья и соседи, и хотя Поллианна приветствовала их с искренней радостью, миссис Чилтон, если это было возможно, удалялась под каким-нибудь предлогом, и всегда потом с горечью говорила Поллианне:

— Я думаю, им любопытно посмотреть, как Полли Харрингтон нравится быть бедной.

О покойном муже миссис Чилтон говорила редко, однако Поллианна хорошо знала, что мысли о нем никогда не покидали тетку, а ее молчаливость была, по большей части, лишь маской, позволяющей скрыть более глубокие чувства, которые она не любила показывать. Джимми Пендлетона Поллианна видела несколько раз в этот первый месяц. Сначала он пришел вместе с Джоном Пендлетоном, и все держались довольно чопорно и церемонно — не в первые минуты, впрочем, а лишь после того, как в комнату вошла тетя Полли. По какой-то причине она в этом случае не стала избегать гостей. Потом Джимми приходил один — однажды с цветами, однажды с книгой для тети Полли, дважды без всякого предлога. Поллианна всегда приветствовала его с неподдельной радостью, а тетя Полли после первого визита ни разу его не видела.

Большинству друзей и знакомых Поллианна почти ничего не говорила о перемене в материальном положении тети Полли. С Джимми она, однако, была вполне откровенна, и ее вечным причитанием было: «Если бы я только могла заработать денег!»

— Я становлюсь наикорыстнейшим существом, какое ты когда-либо видел, — говорила она с невеселым смехом. — Я дошла до того, что измеряю все долларами, и даже думаю в четвертаках и десятицентовиках.

Понимаешь, тетя Полли чувствует себя такой бедной!

— Это нехорошо! — горячился Джимми.

— Я знаю. Честно говоря, мне кажется, что она чувствует себя беднее, чем в действительности... она столько об этом с грустью размышляла. Но я так хотела бы ей помочь!

Джимми взглянул сверху вниз в печальное, взволнованное лицо с блестящими глазами, и выражение его собственных глаз стало нежнее:

— А что ты *хотела бы* делать... если б могла?

— О, я хотела бы готовить и вести домашнее хозяйство, — улыбнулась Поллианна со вздохом. — Я просто обожаю взбивать яйца с сахаром и слушать, как сода журчит свою веселую маленькую песенку в чашке с кислым молоком. Я счастлива, если мне предстоит день, когда нужно что-нибудь испечь. Но это не приносит никаких денег... разве только, если готовить в чьей-то чужой кухне. А я... я все же не до такой степени люблю это занятие!

— Еще бы! — воскликнул молодой человек. Он снова взглянул сверху вниз в выразительное лицо, которое было так близко, и уголки его рта странно изогнулись. Он поджал губы, а затем, медленно заливаясь краской, сказал:

— Но ты, конечно, могла бы... выйти замуж. Вы уже думали об этом, мисс Поллианна?

Поллианна весело рассмеялась. Голос и тон позволяли безошибочно узнать девушку, не задетую даже самыми острыми из стрел Купидона.

— О нет, я никогда не выйду замуж, — беспечно ответила она. — Во-первых, я некрасивая, а во-вторых, я собираюсь жить с тетей Полли и заботиться о ней.

— Некрасивая, вот как? — насмешливо улыбнулся молодой Пендлетон. — А тебе, Поллианна, никогда не приходило в голову, что... что может быть другое мнение на этот счет?

Поллианна отрицательно покачала головой.

— Не может; у меня ведь есть зеркало, — возразила она, бросив на него веселый взгляд.

Это звучало как кокетство, и было бы кокетством, если бы это сказала любая другая девушка. Но глядя в лицо Поллианны, Пендлетон знал, что это не так. Он понял вдруг также, почему Поллианна непохожа на других девушек. В ней по-прежнему оставалось что-то от ее прежней привычки понимать все буквально.

— Почему же ты некрасивая?

Даже произнося этот вопрос и уверенный, что правильно оценивает

характер Поллианны, Джимми все же затаил дыхание от собственной дерзости. Он подумал о том, что любая другая девушка из тех, кого он знал, немедленно обиделась бы, не услышав опровержения ее лукавого заявления о собственной непривлекательности.

— Да просто некрасивая — и все тут, — немного печально засмеялась она. — Такой уж я уродилась. Ты, может быть, не помнишь, но давным-давно, когда я была маленькой, мне казалось, что одной из самых больших радостей, которые будут дарованы мне в будущей жизни на небесах, станут черные кудри.

— Это и теперь твое заветное желание?

— Н-нет; пожалуй, нет, — неуверенно ответила Поллианна. — Но я по-прежнему считаю, что это было бы неплохо... И к тому же ресницы у меня не очень длинные, а нос не греческий и не римский и вообще не из тех восхитительных и желанных, которые принадлежат к какому-нибудь «типу». Это просто нос. И лицо у меня слишком длинное или слишком короткое — не помню какое; но во всяком случае когда я однажды измерила его и проверила по таблице одного из этих «тестов красоты», которые печатают в журналах, оно оказалось неправильным. И там говорилось, что ширина лица должна равняться пяти длинам глаза, а длина глаза должна равняться... чему-то там еще. Я забыла чему... только у меня не равнялась.

— Какая удручающая картина! — засмеялся молодой Пендлетон, а затем, с восхищением глядя на оживленное лицо и выразительные глаза девушки, спросил: — Ты когда-нибудь смотрелась в зеркало в тот момент, когда ты *говоришь*?

— Нет, конечно нет.

— А тебе стоит попробовать.

— Что за странная фантазия! Представь, как я это делаю, — засмеялась она. — Что же я скажу? Что-нибудь в таком роде... «Так вот, Поллианна, пусть ресницы у тебя не очень длинные, а нос — просто нос, радуйся тому, что у тебя есть хоть какие-то ресницы и хоть какой-то нос!»

Джимми засмеялся вместе с ней, но на его лице появилось странное выражение.

— Значит, ты по-прежнему играешь... в радость, — немного неуверенно произнес он.

Поллианна прямо, со спокойным удивлением в глазах, взглянула на него:

— Ну конечно! Да я, наверное, и не выжила бы... в последние полгода... если бы не эта игра. — Ее голос слегка дрожал.

— Но я не слышал, чтобы ты много говорила о ней, — заметил

Джимми.

Она покраснела.

— Это правда. Я как будто боюсь... говорить слишком много об этом... посторонним, которым все равно... Теперь, когда мне двадцать, это звучало бы совсем не так, как тогда, когда мне было десять. И я это, конечно, понимаю. Люди, знаешь ли, не любят, чтобы их поучали, — заключила со странной улыбкой.

— Я знаю, — серьезно кивнул молодой человек. — Но иногда, Поллианна, мне хочется знать, вполне ли ты сама понимаешь, что такое эта игра и как она помогла тем, кто играет в нее.

— Я знаю... как она помогла мне. — Ее голос звучал приглушенно, а глаза смотрели куда-то в сторону.

— Она действительно помогает, когда играешь в нее, — принялся размышлять вслух Джимми после недолгого молчания. — Кто-то сказал однажды, что она преобразила бы мир, если бы все действительно принялись играть в нее. И я думаю, это правда.

— Да, но не все люди хотят, чтобы их преобразили, — улыбнулась Поллианна. — В прошлом году в Германии я встретила одного человека. Он лишился почти всех своих денег и вообще был несчастлив. До чего он был угрюм! Кто-то однажды в моем присутствии попытался подбодрить его, сказав: «Ну, ну, полно, могло быть и хуже!» Слышал бы ты тогда его ответ! "Уж если что меня бесит, — прорычал он, — так это, когда мне говорят, что могло быть хуже, и велят быть благодарным за то, что у меня осталось. Эти люди, которые расхаживают с вечной улыбкой на физиономиях, изливаясь в восторгах и благодарностях за то, что могут дышать или есть, или ходить, или прилечь, — я их не переносу. Я *не* хочу ни дышать, ни есть, ни ходить, ни прилечь, если мои дела обстоят так, как сейчас. И когда мне говорят, что я должен быть благодарен за какую-нибудь чепуху вроде этой, мне просто хочется выйти и кого-нибудь застрелить". Представь, чего я добилась бы, если бы познакомила этого человека с «игрой в радость», — засмеялась Поллианна.

— Все равно. Она была бы ему полезна, — заявил Джимми.

— Конечно, была бы... но он не поблагодарив бы меня, если бы я ему о ней рассказала. .

— Полагаю, что так. Но послушай! При такой своей философии и образе жизни он делал и себя, и всех остальных несчастными, разве нет? Ну, а теперь только представим на минутку, что он стал бы «играть в радость». Стараясь найти в том, что с ним случилось, что-то такое, чему можно радоваться, он просто *не мог бы* одновременно ворчать, как плохи

его дела, так что уже была бы польза. Да и жить было бы куда легче и ему самому, и его друзьям. Если думать о пончике, а не о дырке в нем, хуже не станет, а может стать лучше, так как тогда не сосет под ложечкой и пищеварение улучшается. Не стоит цепляться за беды и заботы. У них слишком много колючек.

Поллианна понимающе улыбнулась:

— Это напомнило мне о том, что я сказала как-то раз одной пожилой леди. Она была из моего дамского благотворительного комитета на Западе и принадлежала к тем людям, которым *нравится* чувствовать себя несчастными и перечислять имеющиеся у них основания для печали. Мне было тогда лет десять, и я пыталась обучить ее игре. Удалось мне это, кажется, не очень хорошо, и очевидно, в конце концов я смутно догадалась, чем это вызвано, так как сказала ей с торжеством: «Ну, все равно, вы можете радоваться, что у вас столько причин, чтобы быть несчастной, так как вам очень нравится страдать!»

— Так ей было и надо, — засмеялся Джимми.

Поллианна приподняла брови:

— Боюсь, она обрадовалась этому не больше, чем обрадовался бы тот мужчина в Германии, если бы я сказала ему то же самое.

— Но им следовало выслушать, а тебе сказать им... — Джимми неожиданно умолк, и на его лице появилось такое странное выражение, что Поллианна удивилась.

— Что такое, Джимми?

— О, ничего, я просто подумал... — начал он, поджав губы. — Вот я сам уговариваю тебя делать именно то, чего так боялся... А я боялся, прежде чем увидел тебя, что... что ты... — Он беспомощно умолк, сделавшись очень красным.

— Джимми Пендлетон! — Девушка с негодованием вскинула голову. — Не думайте, сэр, что на этом вы можете остановиться. Так что же вы хотели сказать?

— О... э-э... н-ничего особенного.

— Я жду, — негромко добавила Поллианна. Ее голос звучал спокойно и твердо, но в глазах поблескивали озорные огоньки.

Молодой человек заколебался, взглянул в ее улыбающееся лицо и уступил.

— Ну, пусть будет по-твоему. — Он пожал плечами. — Просто я беспокоился... немного... из-за этой игры... боялся, что ты будешь говорить точно так, как говорила прежде, и...

Но взрыв веселого смеха не дал ему договорить:

— Ну вот, что я тебе говорила! Даже ты, оказывается, беспокоился, как бы я в двадцать лет не осталась точно такой, какой была в десять!

— Н-нет, я не хотел сказать... честное слово, Поллианна, я думал... конечно, я знал...

Но Поллианна только закрыла уши руками и снова разразилась веселым смехом.

Глава 19

ДВА ПИСЬМА

В конце июня Поллианне пришло письмо от Деллы Уэтерби.

"Я пишу, чтобы попросить тебя об одолжении, — говорилось в нем. — Надеюсь, ты можешь указать мне какую-нибудь тихую семью в Белдингсвилле, которая согласится взять к себе на лето мою сестру. Постояльцев будет трое: сама миссис Кэрю, ее секретарша и приемный сын Джейми. (Ты, ведь помнишь Джейми?) Они не хотят жить в обычной гостинице или большом частном пансионе. Моя сестра переутомилась, и доктор посоветовал ей поехать куда-нибудь в сельскую местность для перемены обстановки и полноценного отдыха. Он предложил в качестве возможных мест Вермонт и Нью-Гемпшир, и мы сразу же подумали о Белдингсвилле и о тебе и решили узнать, не сможешь ли ты, порекомендовать нам подходящую семью. Я обещала Рут, что напишу тебе и спрошу. Они хотели бы приехать сразу, в начале июля, если можно. Надеюсь, я не очень обременю тебя просьбой. Сообщи нам по возможности скорее, знаешь ли ты такой дом. Ответ, пожалуйста, вышли мне сюда. Моя сестра сейчас здесь, в нашем санатории, проходит курс лечения.

*Надеясь на благоприятный ответ, остаюсь искренне твоя,
Делла Уэтерби".*

Дочитав письмо, Поллианна несколько минут сидела, слегка нахмурясь и мысленно перебирая все белдингсвиллские семьи в поисках возможного пристанища для своих старых друзей. Затем ее мысли неожиданно приняли новый оборот, и с радостным возгласом она бросилась в гостиную, где сидела тетка.

— Тетечка, тетечка! У меня чудеснейшая идея! Я же говорила тебе, что-нибудь непременно случится и у меня разовьется какой-нибудь замечательный талант. Ну вот, талант есть! Развился прямо сейчас! Слушай! Я получила письмо от мисс Уэтерби, сестры миссис Кэрю — я жила у нее в Бостоне одну зиму, помнишь? — и они хотят провести лето в сельской местности, и мисс Уэтерби написала, чтобы спросить, не знаю ли я подходящего места, где они могли бы остановиться. Понимаешь, они не

хотят жить в гостинице или пансионе. И сначала я не знала, а теперь знаю... Знаю, тетя Полли! Угадай, где это!

— Детка! — воскликнула миссис Чилтон. — Как ты тараторишь! Можно подумать, что ты десятилетняя девчушка, а не взрослая девушка... Ну, что такое? О чем ты говоришь?

— О том, где могут остановиться миссис Кэрю и Джейми. Я придумала! — продолжала весело щебетать Поллианна.

— Ну неужели? И что же из того? Я-то тут при чем, детка? — равнодушно отозвалась миссис Чилтон.

— Да они же могут остановиться у нас! Я собираюсь принять их здесь, тетечка!

— Поллианна! — Миссис Чилтон в ужасе выпрямилась и взглянула на нее.

— Ну, тетечка, пожалуйста, не говори «нет»... Пожалуйста! — упрашивала Поллианна. — Разве ты не понимаешь? Это счастливый случай, случай, которого я ждала, и он свалился мне прямо в руки! Мы прекрасно можем это устроить. Места у нас полно, а готовить и заниматься хозяйством я вполне могу, ты же знаешь. Только теперь это принесет деньги, так как они хорошо заплатят, я знаю. И приедут они с радостью, я уверена. Их будет трое — с ними еще секретарша.

— Но, Поллианна! Я не могу! Превратить этот дом в пансион? Дом Харрингтонов — в обычный пансион? Нет, Поллианна, я не могу, не могу!

— Но он не был бы обычным пансионом. Он был бы необычным! И к тому же они наши друзья. Это было бы все равно, что пригласить друзей погостить у нас. Только эти гости стали бы платить, так что одновременно мы зарабатывали бы деньги... деньги, которые нам нужны, тетечка, деньги, которые нам *нужны*! — подчеркнула она.

Тень уязвленной гордости пробежала по лицу Полли Чилтон. С тихим стоном она откинулась в кресле.

— Но как ты устроишь это, детка? Ты же не можешь делать всю работу одна!

— Нет, конечно нет, — весело подхватила Поллианна. (Теперь она чувствовала твердую почву под ногами. Было ясно, что ее дело выиграно.) — О, я могла бы готовить и следить за всем, что им нужно, а чтобы справиться с остальной работой, можно пригласить одну из младших сестер Ненси. Миссис Дурджин, как и сейчас, занималась бы стиркой.

— Но, Поллианна, я плохо себя чувствую... совсем плохо. Я мало чем могу помочь.

— Разумеется. И тебе совершенно незачем это делать! — с

высокомерным видом заявила Поллианна. — Ах тетечка, все будет замечательно Это так хорошо, что даже не верится... чтобы деньги вот так сами упали мне в руки!

— Упали тебе в руки! Как бы не так! Тебе еще многое предстоит узнать в жизни, Поллианна, и, среди прочего, то, что отдыхающие не бросают своих денег никому в руки, не проследив при этом очень внимательно за тем, чтобы получить за них с избытком. Когда ты принесешь и убережешь, и испечешь, и сваришь, так что будешь валиться с ног от усталости и почти вгонишь себя в могилу, пытаясь обеспечить все от свежеснесенных яиц до хорошей погоды, ты вспомнишь мои слова.

— Хорошо, я вспомню, — засмеялась Поллианна. — Но я не стану волноваться заранее, а побегу и поскорее напишу мисс Уэтерби, чтобы, когда Джимми Бин зайдет сегодня после обеда, можно было попросить его занести письмо на почту.

Миссис Чилтон беспокойно пошевелилась в кресле:

— Поллианна, я хочу, чтобы ты называла этого молодого человека как положено. От этого «Бин» меня в дрожь бросает. Его фамилия теперь Пендлетон, насколько я понимаю.

— Да, это так, — согласилась Поллианна. — Но я очень часто об этом забываю, а иногда даже называю его «Бином» прямо в лицо, и это, конечно, безобразие, ведь он усыновлен по всем правилам... Но, знаешь, я так взволнована! — заключила она и, пританцовывая, выбежала из комнаты. Когда в четыре часа пришел Джимми, письмо уже было готово. Поллианна все еще трепетала от возбуждения и, не теряя времени, принялась рассказывать гостю, в чем дело.

— И к тому же мне ужасно хочется снова с ними встретиться! — воскликнула она, сообщив о своих планах. — Я ни разу с той зимы не видела никого из них. Помнишь, я рассказывала тебе о Джейми? Ведь рассказывала?

— Да, ты рассказывала. — В голосе молодого человека был оттенок принужденности.

— Ну, разве не замечательно, если они смогут приехать?

— Хм, не знаю, можно ли сказать, что это так уж замечательно, — уклончиво ответил он.

— Не замечательно, что у меня есть такая возможность выручить тетю Полли, пусть даже ненадолго? Да конечно же, Джимми, это замечательно!

— Но мне кажется, что это будет довольно тяжело... для тебя. — Джимми вскинул голову с явным раздражением.

— Да, конечно, в некоторых отношениях... Но я буду так рада

деньгам, которые зарабатываю, что все мои мысли будут только об этом. Вот, видишь, Джимми, — вздохнула она, — какая я корыстная.

Ответа не было. Прошла долгая минута молчания, затем, немного неожиданно, молодой человек спросил:

— Скажи-ка, сколько лет теперь этому Джейми?

Поллианна взглянула на него с веселой улыбкой:

— О, я помню... Тебе всегда не нравилось его имя. — Ее глаза лукаво блеснули. — Но не беда! Теперь он усыновлен и, я думаю, взял фамилию Кэрю. Так что ты можешь называть его просто «Кэрю».

— Но это не ответ на вопрос, сколько ему лет, — холодно напомнил Джимми.

— Этого, вероятно, никто точно не знает. Даже он сам не может сказать, но я думаю, что он примерно твоего возраста. Интересно, какой он теперь. Во всяком случае я спросила обо всем в этом письме.

— О, вот как! — Джимми взглянул на письмо, которое держал в руке, и слегка щелкнул по нему с немного недоброжелательным чувством. Он думал о том, как ему хотелось бы обронить это письмо, разорвать, отдать кому-нибудь, выбросить, сделать с ним что угодно, но только не отправлять.

Джимми прекрасно знал, что ревнует и всегда ревновал к этому юноше, чье имя было так *похоже* и вместе с тем непохоже на его собственное. Не то чтобы он был влюблен в Поллианну, сердито уверял он себя. Он, разумеется, не был влюблен. Просто ему не хотелось, чтобы этот чужак с девчоночьим именем приехал в Белдингсвилл и вечно торчал поблизости, мешая им хорошо проводить время вдвоем. Он чуть не сказал об этом Поллианне, но что-то заставило его промолчать, а вскоре он ушел, унося с собой письмо. То, что Джимми не обронил его, не разорвал, никому не отдал и не выбросил, стало очевидно несколько дней спустя, так как Поллианна получила ответное письмо, которое быстро отправила ей обрадованная мисс Уэтерби. И когда Джимми пришел в следующий раз, это письмо было прочитано ему вслух — или, точнее, часть письма, поскольку Поллианна предварила, чтение следующим замечанием:

— В начале она, конечно, пишет, как они будут рады приехать и все такое. Это я читать не буду. Но остальное, мне кажется, тебе будет интересно услышать, ведь я уже столько рассказывала тебе о них. Да и сам ты довольно скоро с ними познакомишься. Я очень надеюсь, Джимми, что ты сможешь мне сделать так, чтобы им было весело и приятно здесь.

— О, вот как!

— Стоит ли являть только потому, что тебе не нравится его имя? — с

притворной суровостью упрекнула Поллианна. — Он понравится тебе, я уверена, когда вы познакомитесь поближе, а миссис Кэрю ты *полюбишь*.

— Неужели? — с раздражением отозвался Джимми. — Ну, это в самом деле серьезная перспектива. Будем надеяться, что, если это произойдет, эта дама окажется так любезна, что ответит взаимностью.

— Разумеется, — заулыбалась Поллианна. — Теперь слушай, я прочитаю тебе про нее. Это письмо от ее сестры Деллы... мисс Уэтерби, она работает в санатории доктора Эймса.

"Ты просишь меня рассказать тебе «все обо всех». Это грандиозная задача, но я постараюсь сделать все, что смогу. Начать с того, что ты, как я полагаю, обнаружишь, что моя сестра очень изменилась. Новые интересы, которые вошли в ее жизнь за последние шесть лет, совершили настоящее чудо. Правда, сейчас она немного похудела и переутомлена, но хороший отдых скоро все исправит, и ты увидишь, какой она выглядит молодой, цветущей и счастливой. Заметь, пожалуйста, я сказала «счастливой». Хотя, конечно, для тебя это значит не так много, как для меня, ведь ты была слишком мала, чтобы вполне осознать, какой несчастной чувствовала она себя, когда ты впервые увидела ее в тот год в Бостоне. Тогда жизнь была для нее мрачной и тоскливой, а теперь полна интереса и радости.

Прежде всего у нее есть Джейми, и когда ты увидишь их вместе, тебе и без слов будет ясно, кем он стал для нее. Конечно, мы ничуть не ближе к разгадке и по-прежнему не знаем, настоящий он Джейми или нет, но моя сестра любит его теперь как собственного сына и усыновила его по всем правилам, как тебе, я полагаю, уже известно.

Затем у нее есть ее девушки. Помнишь Сейди Дин, продавщицу? Так вот, заинтересовавшись ею и пытаясь помочь ей зажить счастливее, моя сестра постепенно расширяла область приложения своих усилий, и теперь десятки девушек считают ее своим лучшим и незаменимым добрым ангелом. Она основала в соответствии с новыми принципами общежитие для работающих девушек. Конечно, она не одна, вместе с ней этим занимаются еще несколько богатых и влиятельных мужчин и женщин, но она возглавляет все дело и не колеблясь всегда отдает себя целиком всем и каждой из девушек. Можешь вообразить, какое это нервное напряжение. Ее главная опора и правая рука — ее секретарша, та самая Сейди Дин. Ты найдешь, что она тоже изменилась, хотя это все та же, прежняя Сейди. Что же касается Джейми... бедный Джейми! Величайшее горе его жизни — он никогда не сможет нормально ходить. Одно время все мы надеялись

на лучшее. Он пробыл в санатории доктора Эймса около года, и его состояние улучшилось до такой степени, что теперь он может ходить на костылях. Бедный мальчик всегда будет инвалидом, насколько это касается его ног, но никогда — во всех других отношениях. Почему-то, когда узнаешь его поближе, редко думаешь о нем как о калеке — его душа так свободна! Я не могу объяснить это, но ты поймешь, что я имею в виду, когда увидишь его. И он сохранил, в удивительной степени, свой прежний мальчишеский энтузиазм и радость жизни. Одно — и, как я полагаю, только одно могло бы совершенно угасить этот бодрый дух и ввергнуть его в полнейшее отчаяние, если бы он узнал, что он не Джейми Кент, наш племянник. Он так долго размышлял об этом и так горячо желал оказаться тем самым Джейми, что по-настоящему поверил: он и есть племянник; но даже если это не так, я надеюсь, он никогда об этом не узнает".

— Вот все, что она пишет о них, — объявила Поллианна, сворачивая мелко исписанные листки. — Разве не интересно?

— В самом деле! — На этот раз в голосе Джимми была искренность. Он вдруг задумался о том, что значат для него его собственные здоровые ноги. Он даже на минуту почувствовал, что готов согласиться, чтобы этому бедному хрому юноше была уделена часть внимания Поллианны, если, конечно, он не окажется столь самонадеян, чтобы требовать слишком много этого внимания! — Бедному малому приходится тяжело, ничего не скажешь.

— Тяжело! Ты-то, Джимми, ничего не знаешь об этом, но я знаю! — Поллианна задыхалась от волнения. — Я тоже одно время не могла ходить. Я знаю, что это такое!

— Да, конечно, конечно. — Юноша нахмурился и беспокойно заерзал в кресле.

Глядя в полное сочувствия лицо Поллианны и ее наполнившиеся слезами глаза, Джимми вдруг все же засомневался, действительно ли он готов примириться с приездом в Белдингсвилл этого Джейми... если у Поллианны такой вид, когда она всего лишь думает о нем.

Глава 20

ОТДЫХАЮЩИЕ

Несколько последних дней перед ожидаемым прибытием «этих ужасных людей», как называла тетя Полли будущих пансионеров своей племянницы, оказались очень напряженными для Поллианны, но вместе с тем и счастливыми, так как она просто не желала чувствовать себя усталой, обескураженной или испуганной, какими бы сложными ни были каждодневные проблемы, которые ей приходилось теперь решать.

Призвав на помощь Ненси и ее младшую сестру Бетти, Поллианна планомерно, комната за комнатой, обошла весь дом и сделала все для того, чтобы ожидаемым гостям было уютно и удобно. Миссис Чилтон мало чем могла помочь. Во-первых, она не совсем хорошо себя чувствовала, а во-вторых, ее отношение ко всей этой затее не располагало к тому, чтобы помогать или поддерживать, поскольку бок о бок с ней повсюду шествовала гордость рода Харрингтонов, а на устах был вечный стон:

— Ах, Поллианна, Поллианна, подумать только, что дом Харрингтонов дошел до такого!

— Он не дошел, дорогая, — наконец со смехом попыталась утешить ее Поллианна. — Это Кэрю дойдут до дома Харрингтонов!

Но миссис Чилтон не так легко было увести в сторону; она ответила лишь презрительным взглядом и еще более глубоким вздохом, так что Поллианна была вынуждена предоставить ей в одиночестве брести избранной дорогой тоски и уныния.

В назначенный день Поллианна вместе с Тимоти (которому теперь принадлежали лошади Харрингтонов) поехала на станцию встречать дневной поезд. До этого часа в душе Поллианны не было ничего, кроме уверенности в себе и радостных ожиданий. Но как только прозвучал свисток остановившегося у платформы поезда, девушку охватила настоящая паника — сомнения, робость, испуг. Она вдруг осознала, что ей, Поллианне, почти одной и без чьей-либо помощи, предстоит сделать. Она вспомнила о богатстве, общественном положении и изысканных вкусах миссис Кэрю. Она вспомнила и о том, что ее ждет встреча с незнакомым, высоким молодым человеком, вероятно совсем непохожим на мальчика, которого она знала шесть лет назад.

На один ужасный момент ей захотелось просто убежать... куда-нибудь,

куда угодно.

— Тимоти, я ... мне плохо. Я больна. Я... Скажите им... э-э... пусть не приезжают, — запинаясь, выговорила она, съезживаясь и привстав, словно собираясь ускользнуть.

— Что вы, мэм! — испуганно воскликнул Тимоти.

Одного взгляда на его изумленное лицо было достаточно, чтобы Поллианна засмеялась и быстро расправила плечи.

— Ничего. Пустяки! Я, конечно, пошутила, Тимоти. Смотрите-ка! Они почти здесь! — И Поллианна, снова овладев собой, поспешила к поезду.

Она узнала их сразу. Даже если бы у нее были какие-то сомнения, вид костылей в руках высокого, темноглазого молодого человека направил бы ее прямо к цели.

Несколько коротких минут горячих рукопожатии и несвязных восклицаний, а затем она каким-то образом очутилась в экипаже рядом с миссис Кэрю; Джейми и Сейди Дин сидели напротив. Тут у нее в первый раз появилась возможность хорошенько разглядеть своих друзей и отметить перемены, которые принесли минувшие шесть лет.

В отношении миссис Кэрю ее первым чувством было удивление. Она совсем забыла, что миссис Кэрю так прелестна. Забыла, что у нее такие длинные ресницы и что глаза, которые они затеняют, так красивы. Она даже поймала себя на том, что с завистью думает, как должно быть, точно сходятся, цифра за цифрой, измерения этого совершенного лица с той ужасной таблицей «теста красоты». Но более всего обрадовало ее отсутствие на этом лице прежних признаков уныния и горечи.

Затем она обернулась к Джейми и снова была удивлена, в основном по той же причине. Джейми тоже стал очень красивым. Про себя Поллианна решила, что внешность у него поистине незаурядная. Ей показались чрезвычайно привлекательными его темные глаза, довольно бледное лицо и темные, вьющиеся волосы. Затем она мельком взглянула на лежащие около него костыли и почувствовала, как горло перехватило от глубокого сострадания.

От Джейми Поллианна перешла к Сейди Дин. В том, что касалось черт лица, Сейди выглядела примерно так же, как и тогда, когда Поллианна впервые увидела ее в городском парке; но с первого же взгляда стало ясно, что в отношении прически, платья, характера, речи и манер это была совсем другая Сейди.

И тут Джейми начал разговор.

— Как ты добра, что разрешила нам приехать, — сказал он Поллианне. — Знаешь, о чем я подумал, когда ты написала, что примешь

нас у себя?

— Н-нет, конечно не знаю, — с запинкой пробормотала Поллианна. Перед ее глазами все еще были костыли, лежащие рядом с Джейми, а ее горло по-прежнему сжимала судорога мучительного сочувствия.

— Я вспомнил маленькую Поллианну с пакетом орехов для сэра Ланселота и леди Гиневры и понял, что ты просто ставишь нас на их место, так как если у тебя есть пакет орехов, а у нас нет, ты не будешь счастлива, пока не поделишься с нами.

— Пакет орехов! Скажешь тоже! — засмеялась Поллианна.

— О, разумеется, в данном случае твой пакет орехов оказался просторными, полными свежего воздуха комнатами сельского дома, парным молоком и яйцами прямо из-под курочки, — с живостью отозвался Джейми, — но это равнозначно прежнему пакету орехов. И мне, вероятно следует предостеречь тебя... Помнишь, каким ненасытным был сэр Ланселот, так что... — И Джейми сделал многозначительную паузу.

— Хорошо, я рискну, — заулыбалась Поллианна, радуясь, что тетя Полли не присутствует здесь и не слышит, как худшие из ее предсказаний сбываются почти в первые же минуты. — Бедный сэр Ланселот! Интересно, кормит ли его кто-нибудь теперь, да и живет ли он еще в парке.

— Живет, и его кормят, — весело вмешалась в разговор миссис Кэрю, — Этот смешной мальчик по-прежнему ходит в парк, по крайней мере, раз в неделю, с карманами, битком набитыми орехами и, уж не знаю, чем еще. Его путь всегда можно проследить по цепочке зернышек, что он оставляет за собой, и когда я заказываю на завтрак кашу, через раз ее не бывает, а причина одна: «Мастер Джейми скормил всю крупу голубям, мэм!»

— Да, но позвольте мне кое-что рассказать, вам, — с энтузиазмом начал Джейми, и в следующую минуту Поллианна обнаружила, что слушает со всем увлечением прежних лет историю о двух белках в залитом солнцем парке. Позднее она поняла, о чем говорила в своем письме Делла Уэтерби, так как, когда они подъехали к дому, она была потрясена, увидев, как Джейми подхватил свои костыли и с их помощью выбрался из экипажа. Тогда ей стало ясно, что за десять коротких минут он заставил ее забыть о том, что он хромым. К великому облегчению Поллианны, первая встреча между тетей Полли и гостями прошла гораздо лучше, чем можно было предположить. Кэрю так искренне восхищались старым домом и его обстановкой, что для владелицы всего этого оказалось просто невозможным продолжать относиться к их присутствию с холодным неодобрением и покорностью судьбе. К тому же не прошло и часа, как

стало очевидно, что личное обаяние Джейми пробило даже броню недоверия тети Полли, и Поллианна поняла, что по меньшей мере одна из самых пугающих трудностей больше никакая не трудность, поскольку тетя Полли уже начала играть роль величественной, но милостивой хозяйки по отношению к этим людям, ее гостям. Но несмотря на облегчение, вызванное этим изменением позиции тети Полли, Поллианна, однако, не нашла, что все идет как по маслу — отнюдь нет. Была работа, много работы, которую нужно было выполнять. Бетти, сестра Ненси, была приветливой и усердной, но, как быстро убедилась Поллианна, это не была Ненси. Бетти предстояло многому научиться, а подготовка требовала времени. Поллианну мучил страх, что не все окажется в полном порядке. Для нее в те дни пыльный стул был преступлением, а неудавшийся пирог — трагедией.

Впрочем, постепенно, после непрестанных возражений и просьб со стороны миссис Кэрю и Джейми, Поллианна стала легче относиться к своим обязанностям, осознав, что настоящим преступлением и трагедией в глазах ее друзей были не пыльный стул или неудавшийся пирог, а забота и тревога на ее лице.

— Как будто недостаточно того, что ты позволила нам приехать, — заявил Джейми, — нужно еще и изнурять себя работой, чтобы накормить нас.

— Да нам и не следует есть слишком много, — засмеялась миссис Кэрю, — а то у нас будет «пищеварение», как выражается одна из моих девушек, когда какая-нибудь еда плохо действует на ее желудок.

Было просто удивительно, как легко три новых человека приспособились к повседневной жизни дома Харрингтонов. Не прошло и двадцати четырех часов, как миссис Кэрю уже отвечала на заинтересованные вопросы миссис Чилтон о Доме молодых работниц, а Сейди Дин и Джейми ссорились, оспаривая друг у друга право помогать чистить горошек или срезать цветы.

Кэрю прожили в доме Харрингтонов почти неделю, когда однажды вечером в гости зашли Джон Пендлетон и Джимми. Поллианна с самого начала ждала этого визита. Она настаивала на нем еще до приезда Кэрю и теперь с очевидной гордостью представила друг другу своих знакомых.

— Все вы всегда были мне такими добрыми друзьями, и я хочу, чтобы вы познакомились и стали добрыми друзьями друг другу, — объяснила она.

То, что на Джимми и Джона Пендлетона произвели большое впечатление красота и обаяние миссис Кэрю, ничуть не удивило Поллианну — неожиданностью для нее стало выражение, появившееся на

лице миссис Кэрю при виде Джимми. Можно было подумать, что она узнала его.

— Да не встречались ли мы с вами прежде, мистер Пендлетон?! — воскликнула миссис Кэрю.

— Думаю, что нет, — улыбнулся он в ответ. — Я уверен, что мы не встречались... Если бы я встретил *вас*, я не забыл бы об этом, — добавил он с поклоном.

Его тон был таким многозначительным, что все засмеялись, а Джон Пендлетон заметил:

— Отлично, сынок, тем более для юноши столь нежного возраста. Так хорошо мне и самому не сказать.

Миссис Кэрю слегка покраснела и присоединилась к общему смеху.

— Нет, право, без шуток, — настаивала она, — явно есть что-то странно знакомое для меня в вашем лице. Я думаю, что если мы с вами и не встречались, то все же я вас где-то *видела*.

— Возможно, вы видели его в Бостоне, — вмешалась Поллианна. — Зимой Джимми учится там в Технологическом институте^[16]. Он собирается строить мосты и дамбы... когда вырастет, я хочу сказать, — заключила она, бросив веселый взгляд на высокого, ростом шесть футов, молодого человека, все еще стоявшего перед миссис Кэрю.

Все снова засмеялись... то есть все, кроме Джейми. И только Сейди Дин заметила, что Джейми вместо того чтобы засмеяться, закрыл глаза, как при виде чего-то, что причиняет боль. И только Сейди Дин знала, каким образом — и по какой причине — тема разговора так быстро изменилась, поскольку изменила ее сама Сейди. И та же Сейди, когда представился удобный случай, позаботилась о том, чтобы все поговорили о книгах, цветах, зверях и птицах — о том, что было знакомо и близко Джейми, — а не только о дамбах и мостах, строить которые (Сейди хорошо знала это) Джейми никогда не сможет. Однако то, что все это сделала Сейди, не было замечено никем, и менее всех тем, кого в первую очередь касалось, — самим Джейми. Когда Пендлетоны ушли, миссис Кэрю вновь заговорила о преследующем ее странном ощущении, что она раньше где-то уже видела молодого Пендлетона.

— Видела, я знаю, видела... — в раздумье повторяла она. — Где-то видела. Конечно, это могло быть и в Бостоне, но... — Она не договорила, а через минуту добавила: — Как бы то ни было, он прекрасный молодой человек. Он мне нравится.

— Я так рада! И мне тоже, — кивнула Поллианна. — Он всегда мне нравился.

— Значит, ты его давно знаешь? — немного печально спросил Джейми.

— О да! Я знала его еще в те годы, когда была маленькой девочкой. Тогда его звали Джимми Бин.

— Джимми *Бин* ! Значит, он не родной сын мистера Пендлетона? — удивилась миссис Кэрю.

— Нет, лишь приемный.

— Приемный! — воскликнул Джейми. — Тогда он настолько же настоящий сын, насколько и я. — В его голосе зазвучала странная нотка чуть ли не радости.

— Да, у мистера Пендлетона нет своих детей. Он никогда не был женат. Он однажды хотел жениться, но... но не женился. — Поллианна покраснела и неожиданно смутилась. Она не могла забыть о том, что это ее мать когда-то сказала «нет» этому самому Джону Пендлетону и таким образом стала причиной долгих печальных лет его одинокой холостой жизни. Миссис Кэрю и Джейми, однако, не зная этого и заметив лишь румянец на щеках девушки и ее смущение, немедленно пришли к одному и тому же выводу.

— Неужели же, — спрашивали они себя, — этот человек, Джон Пендлетон, был влюблен в Поллианну, такого ребенка?

Естественно, они не сказали этого вслух, так что никакого объяснения не последовало. Естественно также, что эта мысль, пусть и невысказанная, все же не была забыта, а лишь спрятана где-то в кладовых памяти, чтобы в будущем обратиться к ней в случае надобности.

Глава 21

ЛЕТНИЕ ДНИ

Еще до приезда Кэрю Поллианна говорила Джимми о своих надеждах на то, что он поможет ей занять и развлечь ее гостей. Тогда Джимми не выказал особого желания быть полезным ей в этом деле; но не пробыли Кэрю в городке и двух недель, как он проявил не просто склонность, но горячее стремление исполнить просьбу Поллианны, если судить по частоте и продолжительности его визитов и щедрости, с какой он предлагал для прогулок лошадей и автомобили Пендлетонов. Между ним и миссис Кэрю сразу возникли теплые дружеские отношения, в основе которых лежало необычно глубокое взаимное расположение. Они вместе гуляли, разговаривали и даже строили разнообразные планы, которые касались Дома молодых работниц и которые предстояло осуществить предстоящей зимой, когда Джимми будет в Бостоне. Немало внимания уделялось и Джейми, да и Сейди Дин не была забыта. Ее, как ясно дала понять миссис Кэрю, следовало рассматривать в качестве полноправного члена семьи; и миссис Кэрю заботливо следила за тем, чтобы Сейди принимала не меньшее, чем все остальные, участие в каждой веселой затее.

Отнюдь не всегда Джимми выступал со своими предложениями один. Все чаще и чаще вместе с ним в доме появлялся Джон Пендлетон. Планировались и осуществлялись прогулки в экипажах, автомобильные поездки и пикники, а чудесные, долгие послеобеденные часы проводились на веранде за чтением и вышиванием.

Поллианна была очень довольна. Ее гости были лишены всякой возможности скучать или тосковать по дому, и к тому же ее добрые друзья, Кэрю, близко познакомились с другими ее добрыми друзьями, Пендлетонами. Как курица с выводком цыплят, она каждый раз хлопотала вокруг собравшихся на веранде, делая все, что было в ее силах, чтобы компания неизменно оставалась дружной и веселой.

Ни Кэрю, ни Пендлетонов, однако, никак не устраивало положение, при котором Поллианна была бы лишь свидетельницей их приятного времяпрепровождения, и всегда усиленно убеждали ее присоединиться к ним. Они просто не принимали никаких отказов, и Поллианна очень часто обнаруживала, что все препятствия для ее участия в развлечениях устранены.

— Как будто мы позволим тебе торчать в этой жаркой кухне, чтобы глазировать торт! — ворчал как-то раз Джейми, когда проник в ее главную цитадель. — Утро совершенно великолепное, и мы все собираемся на реку и возьмем с собой завтрак. Ты едешь с нами.

— Но, Джейми, я не могу... Право же, не могу, — отказывалась Поллианна.

— Почему? Обед для нас готовить не надо, так как мы не вернемся к обеду.

— Но есть... есть еще завтрак.

— И тут ты не права. Ведь мы возьмем завтрак с собой, так что тебе не нужно оставаться дома, чтобы накрыть на стол. Что мешает тебе поехать вместе с завтраком, а?

— Нет, Джейми, я... я не могу. Надо глазировать торт...

— Не нужно, чтоб он был глазированный.

— И вытирать пыль...

— Не нужно, чтоб она была вытерта.

— И заказывать продукты на завтра...

— Дай нам молока с печеньем. Лучше у нас будешь ты и молоко с печеньем, чем обед с индейкой, но без тебя.

— Но мне и не перечислить все, что я должна сделать сегодня.

— Не нужно перечислять, — весело возразил Джейми. — Я хочу, чтобы ты бросила перечислять. Давай, надевай свою шляпку. Я видел в столовой Бетти, она обещала упаковать наш завтрак. Ну же, поторопись!

— Ах, Джейми, глупый ты мальчик! Я не могу, — смеялась Поллианна, слабо сопротивляясь, в то время как он тянул ее за рукав платья. — Я не могу поехать с вами на пикник!

Но она поехала. И не только в тот раз, но еще и еще. Да она и не могла не поехать, так как против нее в едином строю выступали Джейми, Джимми и мистер Пендлетон, не говоря уже о миссис Кэрю и Сейди Дин, и даже тетя Полли поддерживала их.

— Конечно, я очень рада, что еду, — счастливая, вздыхала Поллианна, когда какая-нибудь скучная работа бывала чуть ли не вырвана у нее из рук, несмотря на все протесты. — Но я уверена, никогда еще не было ни таких постояльцев, как мои, выпрашивающих сухого печенья, молока и холодной еды, ни такой хозяйки пансиона, как я, столько разъезжающей по пикникам! Но своей высшей точки это увлечение отдыхом на лоне природы достигло тогда, когда Джон Пендлетон (и тетя Полли не переставала удивляться тому, что это был именно он) предложил отправиться на две недели с палатками на маленькое озеро в горах в сорока милях от

Белдингсвилла.

Идея была с восторгом встречена всеми, кроме тети Полли. Поллианне, когда они остались наедине, тетя Полли сказала, что, конечно, очень хорошо и даже желательно, чтобы Джон Пендлетон вышел из состояния брюзгливого и мрачного равнодушия, в котором пребывал столько лет, но из этого вовсе не следует, что в равной степени желательно, чтобы он пытался снова стать двадцатилетним юношей, а именно этим он, по ее мнению, теперь занимался! В присутствии же остальных она лишь холодно заявила, что уж она-то не отправится ни в какую безумную поездку, чтобы спать на сырой земле и глотать жуков и пауков вместе с едой, притворяясь, будто это «весело», и не считает это разумным для любого, кто старше сорока лет. Если Джон Пендлетон и был задет ее выпадом, то ничем не выдал этого. Его явный интерес и энтузиазм ничуть не уменьшились, и приготовления к экспедиции шли быстро и успешно, поскольку было единогласно решено, что, даже если тетя Полли не едет, нет никакой причины не ехать остальным.

— Во всяком случае, чтобы приглядеть за нами, будет достаточно одной миссис Кэрю, — легкомысленным тоном объявил Джимми.

В результате, целую неделю в доме не говорили почти ни о чем, кроме палаток, фотокамер, рыболовных снастей и запасов еды, и не делали ничего, что не было бы каким-то образом связано с подготовкой к поездке.

— Давайте сделаем так, чтобы все было по-настоящему, — с жаром предложил Джимми, — да-да, вплоть до жуков и пауков миссис Чилтон. — И он с веселой улыбкой взглянул прямо в полные сурового неодобрения глаза этой леди. — Нам не нужны всякие там бревенчатые домики со столовой. Мы хотим настоящий костер с печенной в золе картошкой, чтобы сидеть вокруг, рассказывать разные истории и поджаривать кукурузу на палочках.

— И хотим плавать и кататься на лодках, и удить рыбу, — подхватила Поллианна. — И... — она вдруг умолкла, остановив взгляд на лице Джейми. — То есть, разумеется, — торопливо поправилась она, — нам не все время будет хотеться этого... У нас будет много приятных *тихих* занятий — чтение и разговоры.

Глаза Джейми потемнели, лицо стало чуть бледнее, губы раскрылись, но прежде чем прозвучали слова, вмешалась Сейди Дин.

— Ах, но в таких поездках и на пикниках мы просто *рассчитываем* на то, что сможем показать те свои умения, которых не покажешь сидя дома, — начала она с лихорадочной торопливостью, — а нам конечно же хочется их показать. Прошлым летом мы отдыхали в штате Мэн, и видели

бы вы, какую огромную рыбу поймал мистер Кэрю. Она была... Расскажите сами, — попросила она, обернувшись к Джейми. Он засмеялся и, отрицательно покачав головой, возразил:

— Да они ни за что не поверят, ведь рыбаки вечно преувеличивают!

— Попробуй; может быть, мы и поверим, — предложила Поллианна.

Джейми все еще качал головой, но легкий румянец вернулся на его лицо, а глаза больше не были темными, будто от боли. Поллианна, взглянув на Сейди Дин, смутно удивилась, отчего та снова откинулась на спинку своего кресла с таким явным чувством облегчения.

Наконец назначенный день пришел, и они отправились в путь на большом новом туристском автомобиле Джона Пендлетона с Джимми за рулем. Стрекот и пульсирующий гул мотора, хор прощальных возгласов, один долгий гудок, который издал клаксон под озорными пальцами Джимми, — и они отъехали.

В последующие дни Поллианна не раз возвращалась мыслями к тому первому вечеру в их лесном лагере. Впечатления были такими новыми и такими чудесными в столь многих отношениях!

Было четыре часа пополудни, когда их сорокамильное путешествие подошло к концу. С половины четвертого их большая машина с трудом пробиралась по старой просеке, не рассчитанной на шестицилиндровый автомобиль. Для самой машины и для сидевшего за рулем эта часть пути была особенно тяжелой, но для веселых пассажиров — ведь они не несли никакой ответственности, связанной со скрытыми ухабами и топкими поворотами — существовал лишь восторг, становившийся все неистовее с каждым новым видом, который открывался из-под зеленых арок деревьев, и с каждым новым раскатом смеха, который возвращало эхо, лавировавшее среди спускающихся почти до самой земли ветвей.

Место стоянки много лет назад было хорошо знакомо Джону Пендлетону, и теперь он смотрел на него с радостным удовлетворением, не без примеси чувства облегчения.

— Ах, какая прелесть! — хором воскликнули остальные.

— Очень рад, что вам оно нравится! Я предполагал, что оно подойдет нам, — кивнул Джон Пендлетон, — но все же немного тревожился, ведь часто бывает, что такие места меняются порой до неузнаваемости. И эта лужайка, конечно, немного заросла кустами... но не настолько, чтобы мы не могли с легкостью ее расчистить.

Затем все принялись за работу — расчищали лужайку, устанавливали две небольшие палатки, разгружали автомобиль, устраивали место для костра, кухни и кладовой.

Именно тогда Поллианна начала обращать особое внимание на Джейми и бояться за него. Она вдруг осознала, что для человека на костылях бугры, рытвины и усеянные сосновыми шишками пригорки совсем не то же самое, что покрытый ковром пол, и увидела, что Джейми тоже понял это. Она заметила также, что несмотря на свой физический недостаток, он старается принимать участие в работе наравне со всеми, и это обеспокоило ее. Дважды она бросалась вперед, чтобы перехватить его, и отбирала у него коробку, которую он пытался нести.

— Джейми, стой! Позволь мне отнести эту коробку, — просила она. — Ты и так уже поработал достаточно. — Во второй раз она добавила: — Пойди и присядь где-нибудь отдохнуть. У тебя такой усталый вид!

Если бы она наблюдала внимательно, то увидела бы, как краска бросилась ему в лицо. Но она не наблюдала и потому не увидела... Зато минуту спустя она увидела торопливо приближающуюся Сейди Дин с кучей коробок в руках и услышала ее возглас:

— Ах, мистер Кэрю, пожалуйста, помогите мне донести это!

И в следующий момент Джейми, снова прилагая все усилия к тому, чтобы справиться одновременно со связкой коробок и своими костылями, спешил к палаткам.

Поллианна раздраженно обернулась к Сейди Дин, но слова протеста замерли у нее на языке, так как та, приложив палец к губам, быстрыми шагами направлялась прямо к ней.

— Я знаю, ты не подумала, — запинаясь, тихо заговорила она, когда оказалась рядом с Поллианной. — Но разве ты не понимаешь? Его *задевает* то, что ты думаешь, будто он не может делать все, как другие люди. Вот, взгляни! Видишь, как он доволен теперь...

Поллианна взглянула и увидела. Она увидела, как Джейми, полный оживления, ловко сохраняя равновесие при помощи одного костыля, поставил свою ногу на землю. Она увидела счастливый свет на его лице и услышала, как он бросил небрежно:

— Вот новый вклад мисс Дин. Она попросила меня донести эти коробки.

— Да, я вижу, — прошептала Поллианна, оборачиваясь к Сейди Дин, но той уже не было рядом.

После этого Поллианна часто наблюдала за Джейми, хотя очень заботилась о том, чтобы ни он, ни другие не заметили этого. И пока она следила, ее сердце сжималось от боли. Дважды она видела, как он пытался взяться за какой-то груз и терпел неудачу. Один раз это была слишком тяжелая для него коробка, в другой — громоздкий складной стол. И оба

раза она видела, как он быстро оглянулся, чтобы посмотреть, не заметил ли кто-нибудь этого. Она видела также, что он, без сомнения, устает все больше и что его лицо, несмотря на веселую улыбку, бледно и слегка искажено, словно от боли.

«Как могли мы не подумать об этом! — с жаром возмущалась про себя Поллианна; слезы застилали ей глаза. — Как хватило у нас ума взять его в такое место! Жить в палатках, вот уж действительно! Это на костылях-то! Ну разве не могли мы вспомнить об этом, прежде чем поехали сюда?» Час спустя, когда после ужина все сидели вокруг костра, Поллианна получила ответ на свой вопрос. Перед ярко пылающим огнем, окруженная теплой, полной сладких запахов темнотой, она вновь подпала под чары волшебных речей Джейми и вновь забыла о его костылях.

Глава 22

СПУТНИКИ

Эти шестеро были веселой компанией и имели сходные вкусы и интересы. Казалось, не будет конца новым источникам радости, которые приносил с собой каждый новый день и среди них не последнее место занимало очарование товарищеских отношений, ставших неотъемлемой частью этой походной жизни.

Как сказал Джейми однажды вечером, когда все они сидели у костра:

— А знаете, здесь, в лесу мы, похоже, узнали друг друга гораздо лучше за одну неделю, чем могли бы узнать за целый год в городе.

— Да, я чувствую это... и удивляюсь, почему это так, — негромко откликнулась миссис Кэрю, ее глаза с мечтательным выражением следили за скачущими языками пламени.

— Я думаю, здесь есть что-то такое в воздухе, — вздохнула со счастливым видом Поллианна. — Есть в небе, лесах и озере что-то такое... ну, в общем есть, и все.

— Наверное, ты хочешь сказать, все дело в том, что здесь мы скрыты от всего остального мира, — заметила Сейди Дин странно дрогнувшим голосом. (Сейди не присоединилась к общему смеху, последовавшему за неуклюжим окончанием последней фразы Поллианны.) — Здесь все такое настоящее и неподдельное, что мы тоже можем проявить наше настоящее и неподдельное и... и быть не тем, чем считает нас мир лишь потому, что мы богаты или бедны, влиятельны или неприметны, но тем, что мы есть на самом деле.

— Хо! — с легкомысленным пренебрежением отозвался Джимми. — Все это звучит прекрасно, но настоящая причина, подсказанная здравым смыслом, — здесь нет никаких кумушек, которые сидели бы на своих крылечках, обсуждали каждый наш шаг и рассуждали между собой о том, куда мы идем и почему, и как долго там пробудем!

— Ох, Джимми, ты всегда лишаешь все поэзии! — со смехом упрекнула его Поллианна.

— Но это моя профессия, — возразил Джимми. — Как же ты полагаешь, я смогу строить плотины и мосты, если не буду видеть в водопаде ничего, кроме поэзии!

— Разумеется, не сможете, Пендлетон! А именно мост — самое

главное... всегда, — заявил Джейми тоном, неожиданно заставившим притихнуть всех, сидевших у огня. Молчание длилось, однако, лишь какое-то мгновение, так как почти сразу же его нарушила Сейди Дин, весело бросив:

— Пф! Я всегда предпочту водопад без всякого моста. Мосты только портят вид!

Все засмеялись, и напряженность куда-то пропала. Затем миссис Кэрю встала:

— Ну-ка, детки, ваша суровая дуэнья говорит: «Пора спать!»

И с веселым хором пожеланий доброй ночи компания разошлась. Так проходили дни. Для Поллианны это было чудесное время, и все же самой чудесной оставалась именно прелесть дружеского общения — общения, которое разнилось в деталях, в зависимости от того, кто был с ней, но тем не менее всегда доставляло удовольствие. С Сейди Дин она говорила о новом Доме молодых работниц и о том, какую замечательную работу ведет миссис Кэрю. Говорили они и о прежних днях, когда Сейди стояла за прилавком и продавала банты и ленты, и о том, что сделала для нее миссис Кэрю. Поллианна узнала также кое-что о пожилых родителях Сейди, оставшихся в ее родном городке, и о той радости, которую Сейди, при ее новом положении, смогла внести в их жизнь.

— А по-настоящему начало всему этому положила ты! — сказала она однажды Поллианне. Но Поллианна лишь отрицательно покачала головой, решительно возразив:

— Глупости! Все это — заслуга миссис Кэрю!

С самой миссис Кэрю Поллианна тоже говорила о Доме молодых работниц и о других планах, касающихся работающих девушек. А однажды, во время прогулки в тишине сумерек, миссис Кэрю заговорила о себе и о своих изменившихся взглядах на жизнь. И как Сейди Дин, она заметила прерывающимся голосом:

— А начало всему этому положила ты, Поллианна!

Но Поллианна — так же, как в случае с Сейди Дин, — не захотела и слушать, а вместо этого заговорила о Джейми и о том, что изменил он в жизни миссис Кэрю.

— Джейми — просто прелесть, — с нежностью ответила миссис Кэрю. — И я люблю его как собственного сына. Он не был бы более дорог мне, даже если бы действительно был сыном моей сестры.

— Значит, вы все же не думаете, что он тот самый Джейми?

— Я не знаю. Мы так и не выяснили ничего окончательно. Иногда я уверена, что это он. А потом у меня снова возникают сомнения. Но сам он

— дорогой мальчик! — верит в то, что он и есть тот самый Джейми. Одно, во всяком случае, не вызывает сомнений: он хорошего происхождения. Джейми, с его талантами, отнюдь не обыкновенный беспризорный ребенок, а то, как замечательно воспринял он предоставленное ему обучение и воспитание, подтверждает это.

— Конечно, — кивнула Поллианна. — А если вы так глубоко любите его, то не имеет значения, настоящий он Джейми или нет, не правда ли?

Миссис Кэрю заколебалась. В ее глазах появилось что-то от прежней тоски и душевной боли.

— Да, насколько это касается его, — вздохнула она наконец. — Только иногда я задумываюсь: если он не наш Джейми, то где... Джейми Кент? Здоров ли он? Счастлив ли? Любит ли его кто-нибудь? И когда я начинаю думать об этом, Поллианна, я чуть ли не схожу с ума. Мне кажется, я отдала бы... все, что у меня есть в этом мире, лишь бы действительно *знать*, что этот мальчик и есть Джейми Кент.

Поллианна иногда вспоминала об этом разговоре, когда потом говорила с Джейми. Джейми был убежден в том, что он племянник миссис Кэрю.

— Я просто чувствую, что это так, — сказал он однажды Поллианне. — Я думаю, что я Джейми Кент. Я думаю так довольно давно... так давно, что... что боюсь, если бы выяснилось обратное, я не смог бы этого перенести. Миссис Кэрю так много сделала для меня. Подумать только, что если б в конце концов я оказался чужим!

— Но она... любит тебя, Джейми.

— Я знаю... и от этого я страдал бы еще глубже — разве ты не понимаешь? — потому что страдала бы она. *Ей* хочется, чтобы я был тем самым Джейми. Я знаю, ей хочется. Ах, если бы я только мог что-нибудь *сделать* для нее... так, чтобы она гордилась мной! Если бы я только мог делать что-то, чтобы зарабатывать себе на жизнь, как настоящий мужчина! Но что я могу делать с... этими?... — произнес он с горечью, положив руку на лежащие рядом костыли. Поллианна была потрясена и глубоко огорчена. Впервые она услышала, как взрослый Джейми говорит о своем физическом недостатке. Она лихорадочно искала самые подходящие слова для ответа, но прежде чем ей удалось что-то придумать, выражение лица Джейми изменилось.

— Пустяки! Забудь! Я не хотел говорить об этом! — воскликнул он весело. — Да и что касается игры, это была самая отвратительная ересь! Конечно же я рад, что у меня есть костыли. Они в сто раз лучше, чем кресло на колесах.

— А твоя Веселая Книга... ты ведешь ее и сейчас? — спросила Поллианна все еще немного дрожащим голосом.

— Конечно! У меня теперь целая библиотечка таких книг. Все в темно-красных кожаных переплетах... кроме первой. Первая — это та старая маленькая записная книжка, которую подарил мне Джерри.

— Джерри! Я все собиралась спросить тебя о нем! — воскликнула Поллианна. — Где он?

— В Бостоне, и его речь все так же образна, как всегда, только порой ему приходится смягчать выражения. И он по-прежнему связан с газетным делом, только теперь он *добывает* новости вместо того, чтобы их продавать. Занимается репортерской работой... Я смог помочь ему и мамусе. Можешь представить, до чего мне было приятно! Мамуся сейчас в санатории, лечится от ревматизма.

— И ей лучше?

— Намного. Она выписывается оттуда совсем скоро и будет жить с Джерри и вести хозяйство. Джерри в эти последние несколько лет восполнял пробелы в своем образовании. Он позволил мне оказать ему помощь, но только в виде ссуды. Он особо оговорил это в качестве условия.

— Конечно, — одобрительно кивнула Поллианна. — Я на его месте поступила бы так же. Неприятно быть у кого-то в долгу и не иметь возможности расплатиться. Я знаю, каково это. Вот почему мне так хочется, чтобы я смогла как-то выручить теперь тетю Полли... после всего, что она для меня сделала.

— Но ты уже помогаешь ей в это лето.

Поллианна приподняла брови.

— О да, я держу пансион. Можно так подумать, глядя на меня, да? — с вызовом бросила она, взмахом рук указав на все, что было вокруг. — Ни у одной хозяйки пансиона не было таких обязанностей, как у меня!.. А слышал бы ты зловещие предсказания тети Полли о том, что такое пансионеры! — она не могла удержаться от смеха.

— Что за предсказания?

Но Поллианна решительно покачала головой:

— Никак не могу сказать. Великая тайна. Но... — Она умолкла и вздохнула, ее лицо снова стало печальным. — Так продолжаться не будет... не может. Отдыхающие — это только летом, а мне придется делать что-то и зимой. Я уже думала об этом. Вероятно, я... буду писать рассказы.

Джейми, вздрогнув, обернулся к ней.

— Будешь... что?

— Писать рассказы... ну, чтобы продавать, понимаешь. Чему ты так

удивляешься! Многие это делают. В Германии я знала двух девушек, которые писали рассказы.

— А ты сама когда-нибудь пробовала писать? — Джейми по-прежнему говорил как-то странно.

— Н-нет, пока еще не пробовала, — призналась Поллианна. Затем, в ответ на выражение его лица, она, как бы защищаясь, добавила, вскинул голову: — Я же сказала, что сейчас держу пансион. Не могу же я делать то и другое одновременно!

— Конечно, не можешь.

Она взглянула на него с упреком.

— Ты думаешь, что у меня это не получится?

— Я этого не сказал.

— Не сказал, но выражение у тебя такое. Не знаю, почему у меня могло бы не получиться. Это не то, что пение. Тут не надо иметь голос. И это не как с музыкальным инструментом, на котором надо учиться играть.

— Я думаю, это... немного... похоже. — Голос Джейми звучал приглушенно; взгляд был устремлен в сторону.

— Как? Что ты хочешь сказать? Ведь тут только карандаш и бумага, так что... Это совсем не то, что учиться играть на фортепьяно или скрипке.

На миг воцарилось молчание. Затем последовал ответ; голос по-прежнему звучал приглушенно, взгляд по-прежнему был устремлен в сторону.

— Инструментом, на котором тебе предстоит играть, Поллианна, станет великое сердце мира; и оно кажется мне самым чудесным инструментом из всех, на каких можно научиться играть. На твое прикосновение, если ты окажешься искусной, оно отзовется улыбками или слезами — как тебе захочется.

У Поллианны вырвался трепетный вздох. Ее глаза стали влажны.

— О Джейми, как красиво ты выражаешь свои мысли... всегда! Я никогда не думала об этом так. Но это правильно. Как я хотела бы заниматься этим! Только, может быть, у меня не получится все это. Но я читала рассказы в журналах, кучу рассказов, и, похоже, я могла бы написать, во всяком случае, не хуже. Я обожаю рассказывать разные истории... Я всегда повторяю те, которые ты рассказываешь, и всегда смеюсь или плачу, когда их рассказываешь ты.

Джейми быстро обернулся к ней:

— Они действительно заставляют тебя плакать или смеяться, Поллианна? Да? — Было странное нетерпение в его голосе.

— Конечно, Джейми, и ты сам это знаешь. И раньше, еще в городском

парке, так было. Никто не умеет рассказывать так, как ты, Джейми. Это тебе, а не мне следовало бы писать рассказы. Послушай, почему ты не пишешь? У тебя получилось бы замечательно, я знаю!

Ответа не последовало. Джейми, очевидно, не слышал ее, вероятно потому, что позвал в этот момент бурундука, пробежавшего поблизости через кусты.

Впрочем, приятные прогулки и разговоры были у Поллианны не только с Джейми, миссис Кэрю и Сейди Дин; очень часто ее спутниками и собеседниками оказывались Джимми или Джон Пендлетон. Поллианна была теперь убеждена, что никогда прежде не знала по-настоящему Джона Пендлетона. С тех пор как они поселились в лагере, от его прежней угрюмой молчаливости не осталось и следа. Он ходил по лесу, купался и ловил рыбу с таким же энтузиазмом, как сам Джимми, и почти с такой же энергией. А по вечерам у костра он не хуже Джейми рассказывал о приключениях — и забавных, и бросающих в дрожь, — которые выпали на его долю во время путешествий в далекие страны.

— В «пустыню Сара», как говорила Ненси, — со смехом вспомнила однажды вечером Поллианна, когда вместе с остальными просила его рассказать что-нибудь. Однако еще лучше были, по мнению Поллианны, те моменты, когда Джон Пендлетон, оставшись с ней наедине, говорил о ее матери — какой он знал и любил ее в давно минувшие дни. То, что он так говорил с ней, было огромной радостью для Поллианны, да, впрочем, и немалой неожиданностью тоже, поскольку никогда прежде не заговаривал он так открыто о девушке, которую любил так глубоко и безнадежно. Вероятно, и сам Джон Пендлетон испытывал некоторое удивление по этому поводу, так как однажды он задумчиво сказал ей:

— Не знаю, почему я говорю об этом с тобой.

— Но мне это очень приятно, — тихо отозвалась она.

— Я знаю... но никогда не подумал бы, что мне захочется говорить об этом. Впрочем, это, наверное, потому, что ты так похожа на нее, такую, какой я ее знал. Ты очень похожа на свою мать, моя дорогая.

— Что вы! Я всегда думала, что моя мама была *красивая* ! — с нескрываемым удивлением воскликнула Поллианна.

— Да, она была красива.

Поллианна взглянула на него с еще большим удивлением.

— Тогда мне непонятно, как я могу быть похожа на нее!

Мужчина рассмеялся вслух:

— Поллианна, если бы это сказала какая-нибудь другая девушка, я ответил бы... ну, да не важно, что я ответил бы. Ах, ты маленькая

волшебница! Ты бедная, некрасивая маленькая Поллианна!

Поллианна с неподдельным огорчением и упреком взглянула прямо в смеющиеся глаза мужчины.

— Мистер Пендлетон, пожалуйста, не смотрите на меня так и не дразните меня... из-за *этого*. Мне так хотелось бы быть красивой... хотя, конечно, это звучит глупо. Но у меня есть зеркало, вы же знаете.

— Тогда я посоветую тебе взглянуть в него, когда ты говоришь, — заметил мужчина наставительным тоном.

Поллианна широко раскрыла глаза:

— То же самое мне сказал Джимми!

— Вот как! Негодник! — сухо отозвался Джон Пендлетон, а затем, неожиданно резко изменив тон, что было характерно для него, добавил очень тихо; — У тебя глаза и улыбка твоей матери, Поллианна, и для меня ты... красива!

Неожиданные горячие слезы застлали глаза Поллианна, и больше она не спорила. Но, как ни ценила Поллианна эти разговоры, все же они были не совсем то, что разговоры с Джимми. В сущности, им с Джимми не надо было даже разговаривать им и без этого было хорошо вдвоем. Джимми все понимал. С ним всегда было так легко и просто — не важно, говорили они при этом или нет. Здесь ничто не вызывало глубокого, мучительного сочувствия — Джимми был восхитительно большим, сильным и счастливым. Он не горевал о давно потерянном племяннике, не тосковал из-за утраты возлюбленной юных дней, ему не приходилось с трудом передвигаться на костылях — не было ничего, что так тяжело видеть и знать и о чем так тяжело думать. С Джимми можно было просто быть веселой, счастливой и свободной. Джимми был такой славный. Уж с ним-то всегда можно было отдохнуть!

Глава 23

«ПРИВЯЗАННЫЙ К ДВУМ ПАЛКАМ»

Это случилось в последний день их походной жизни. Поллианна горевала о том, что такое вообще случилось, поскольку это было первое за всю поездку облачко, от которого на ее сердце легла тень раскаяния и грусти.

— Как было бы хорошо, если бы мы уехали домой позавчера! Тогда ничего этого не случилось бы, — вздыхала она, предаваясь бесплодным сожалениям.

Но они не уехали домой «позавчера», так что это случилось и вот каким образом.

В тот последний день все они с самого утра отправились пешком на реку, за две мили от лагеря.

— У нас будет еще один мировой рыбный обед, прежде чем мы уедем, — сказал Джимми. И остальные радостно согласились.

Взяв с собой завтрак и рыболовные снасти, вся компания ранним утром двинулась в путь. Смеясь и весело окликая друг друга, они пробирались по узкой лесной тропинке, возглавляемые Джимми, который лучше всех знал дорогу.

Сначала Поллианна шла следом за Джимми, но постепенно отстала, чтобы оказаться рядом с Джейми, который был последним в цепочке. Поллианна заметила на его лице выражение, которое, как она уже успела узнать, появлялось лишь тогда, когда он брался за что-либо, подвергавшее почти невыносимо суровому испытанию его ловкость и выносливость. Она знала, ничто так не обидит его, как если она открыто обратит внимание на его положение. И в то же время ей было известно, что от нее охотнее, чем от любого другого, примет он иногда руку помощи, чтобы перебраться через особенно неудобное бревно или камень. Поэтому при первой возможности сделать это, не выдавая своих истинных намерений, она отставала на шаг-другой, пока постепенно не добралась до своей цели — Джейми. Наградой ей были его мгновенно прояснившееся лицо и спокойная уверенность, с которой он преодолел лежавший поперек тропинки ствол поваленного дерева, пребывая в приятной иллюзии (заботливо созданной Поллианной), будто "помогает ей перебраться".

За лесом их путь лежал вдоль невысокой каменной ограды. По обе

стороны от нее простирались широкие, залитые солнцем пастбища, а в некотором отдалении стояли живописные фермерские домики. Там-то, на склоне одного из пастбищ, и увидела Поллианна золотарник, которого ей сразу же захотелось нарвать.

— Джейми, подожди! — с жаром воскликнула она. — Я хочу набрать этих цветов. Получится такой чудесный букет! Он очень украсит стол на нашем пикнике. — И Поллианна проворно вскарабкалась на каменную ограду и спрыгнула с другой стороны.

Удивительно, до чего дразнящим был этот золотарник! Всегда чуть поодаль видела она перед собой еще один пучок, и еще один, каждый немного лучше того, который был у нее под рукой, и с радостными восклицаниями и веселыми возгласами, обращенными к ожидающему у ограды Джейми, Поллианна — имевшая особенно привлекательный вид в своем алом свитере — прыгала от кустика к кустику, добавляя все новые цветы к своему букету. Она уже держала в руках целую охапку цветов, когда неожиданно раздался страшный рев разъяренного быка, отчаянный крик Джейми и топот копыт, гулко колотящих по склону холма.

Что случилось потом, так никогда и не прояснилось для нее. Она знала лишь, что уронила свой золотарник и побежала — побежала так, как не бегала никогда прежде, так, как ей казалось, она не могла бежать, — побежала назад к ограде, к Джейми. Топот за ее спиной становился быстрее, быстрее и быстрее. Смутно, без всякой надежды видела она далеко впереди искаженное отчаянием лицо Джейми и слышала его хриплые крики. Затем откуда-то донесся другой голос — голос Джимми, кричавшего ей что-то ободряющее.

Она все бежала и бежала, не разбирая пути, слыша все ближе и ближе гулкие, частые удары тяжелых копыт. Один раз я споткнулась и чуть не упала, но тут же с головокружительной быстротой выпрямилась и снова бросилась вперед. Она чувствовала, что совершенно выбилась из сил, когда неожиданно совсем рядом вновь раздался подбадривающий возглас Джимми. В следующую минуту она почувствовала, как ее подхватило и прижало к чему-то бешено колотящемуся, что, как она смутно сознавала, было сердцем Джимми. Дальше все слилось во что-то беспорядочное и неясное — торопливые крики, жаркое, тяжелое дыхание и все приближающийся грохот копыт. Затем, как раз тогда, когда ей казалось, что эти копыта почти над ней, почувствовала, что метнулась — по-прежнему в объятиях Джимми — круто в сторону, однако не настолько далеко, чтобы не ощутить горячего дыхания взбешенного животного, когда оно промчалось мимо. Почти сразу же после этого она обнаружила, что уже

находится по другую сторону ограды, а Джимми, склонившись над ней, умоляет сказать ему, что она жива. С нервным смехом, который был все же почти рыданием, она высвободилась из его объятий и встала на ноги.

— Жива ли я? Ну конечно! И все благодаря тебе, Джимми! Со мной все в порядке. Все в порядке. Ах, как я была рада, *рада*, РАДА, когда услышала твой голос! Ах это было замечательно! Да как ты сумел это сделать? — торопливо говорила она, часто и тяжело дыша.

— Пф! Не о чем и говорить. Я только... — Невнятный сдавленный крик неожиданно заставил его умолкнуть. Он обернулся и увидел Джейми, лежащего чуть поодаль ничком на земле. Поллианна уже спешила к нему.

— Джейми, Джейми, что случилось?! — восклицала она. — Ты упал? Тебе больно? Ответа не было.

— В чем дело, старина? Тебе больно? — спросил Джимми.

Ответа по-прежнему не было. Затем Джейми вдруг приподнялся и обернулся. Они увидели его лицо и отпрянули, испуганные и ошеломленные.

— Больно? Больно ли мне? — задыхаясь, хрипло выкрикнул он, выбросив вперед руки. — Вы думаете, это не больно — видеть такое и быть не в состоянии что-либо сделать? Быть беспомощным, привязанным к этим двум палкам? Я могу сказать вам, что нет на свете боли, которая равнялась бы этой!

— Но... но... Джейми... — запинаясь, начала было Поллианна.

— Не надо! — перебил он ее почти грубо. Джейми уже сумел с трудом встать на ноги. — Не говори... ничего. Я не собирался устраивать сцену... вроде этой, — прерывающимся голосом заключил он, отвернулся и направился назад по узкой дорожке, в сторону лагеря. С минуту, словно прикованные к месту, двое оставшихся смотрели, как он уходит.

— Вот так история! — пробормотал Джимми немного дрожащим голосом. — Тяжело пришлось парню...

— А я-то не подумала! И *хвалила* тебя прямо перед ним, — почти всхлипывала Поллианна. — А его руки... ты видел? Они... кровоточат там, где ногти вонзились в ладонь. — Она повернулась и, спотыкаясь, бросилась по дорожке следом за Джейми.

— Но... Поллианна, ку... куда же ты?! — воскликнул Джимми.

— К Джейми, конечно! Ты думаешь, я оставлю его одного в таком состоянии? Пойдем, мы должны вернуть его.

И Джимми со вздохом, относившимся не совсем к Джейми, пошел.

Глава 24

ДЖИММИ ПРОБУЖДАЕТСЯ

Вслух все объявили, что поездка оказалась чрезвычайно удачной, но внутренне... Поллианна иногда спрашивала себя, все ли дело в ней самой или действительно есть какая-то странная, не поддающаяся четкому определению, принужденность в отношениях между всеми ними. Сама она, безусловно, ощущала эту принужденность, и как ей казалось, замечала признаки того, что и другие чувствуют то же самое. Что же до причины... Поллианна без колебаний связывала все с той злополучной прогулкой к реке в последний день их походной жизни. Конечно, она и Джимми без труда догнали тогда Джейми и после долгих уговоров убедили его повернуть назад и пойти вместе с ними на реку. Но несмотря на явные усилия каждого вести себя так, будто ничего необычного не произошло, никому из них, по правде говоря, это не удалось. Поллианна, Джейми и Джимми, вероятно, немного переусердствовали в своем стремлении казаться веселыми; но остальные, не зная точно, что произошло, чувствовали, что не все в порядке, хотя свои ощущения пытались скрыть. Естественно, при таких обстоятельствах о приятном отдыхе не могло быть и речи. Даже обед из рыбных блюд, которого так ждали, показался безвкусным, и вскоре после него вся компания двинулась обратно в лагерь. Вернувшись домой, в Белдингсвилл, Поллианна надеялась, что досадное происшествие с разъяренным быком скоро будет забыто. Но она не могла забыть и потому, по справедливости, не имела права винить других за то, что они тоже не могут. Теперь, когда она смотрела на Джейми, ей всегда вспоминалось то, что произошло в тот день. Она снова видела его искаженное страданием лицо и темно-красные пятна крови на ладонях. Ее сердце разрывалось от сочувствия к нему, и потому само присутствие Джейми стало для нее мучительным. С раскаянием она призналась себе, что теперь ей не хочется ни бывать в обществе Джейми, ни разговаривать с ним. Но это не означало, что она стала видеться с ним реже. Напротив, она проводила с ним даже еще больше времени, чем прежде, поскольку испытывала такие угрызения совести и так боялась, как бы он не заметил ее подавленности, что не упускала ни единой возможности откликнуться на любое проявление товарищеских чувств с его стороны, а иногда и сама сознательно искала его общества. Последнее ей, впрочем, приходилось

делать довольно редко, так как Джейми в эти дни, казалось, все чаще и чаще обращался к ней за дружеской поддержкой.

И здесь, на взгляд Поллианны, причина крылась все в том же происшествии с быком. Не то чтобы Джейми когда-либо прямо упоминал о случившемся. Этого он никогда не делал. Более того, он был теперь даже веселее, чем обычно. Но Поллианне казалось, что порой за всем его внешним спокойствием она замечает какую-то горечь, которой не было прежде. Разумеется, она не могла не видеть, что иногда он чуть ли не избегает остальных, а оказавшись наедине с ней, вздыхает, как будто с облегчением. Она считала, что знает, почему это так, после того как он сказал ей однажды, когда они вдвоем смотрели, как другие играют в теннис:

— А все-таки, Поллианна, никто не может понять все так, как ты.

— Понять? — Сначала она не догадалась, о чем он говорит. Перед этим они минут пять в полном молчании наблюдали за играющими.

— Да; ты одно время тоже... не могла ходить.

— Д-да, я понимаю, — запнувшись, отозвалась Поллианна. Она подумала, что, вероятно, глубокое огорчение изобразилось на ее лице, — так быстро и с таким беспечным видом постарался он перевести разговор на другую тему, после того как воскликнул со смехом:

— Ну, что же ты, Поллианна? Почему ты не велишь мне поиграть «в радость»? Я поступил бы именно так на твоем месте. Забудь о том, что я сказал, пожалуйста! Я просто злодей, что так тебя огорчил!

Поллианна улыбнулась и сказала:

— Нет, нет... ну что ты!

Но она не забыла об этом. Не смогла забыть. И то, что было сказано, лишь заставляло ее еще настойчивее стремиться быть рядом с Джейми и помогать ему всем, чем она могла помочь.

"Уж теперь-то я ни за что не допущу, чтобы он заметил, что я *не рада*, когда он со мной!" — с жаром говорила она себе минуту спустя, спеша к корту, чтобы тоже принять участие в игре.

Поллианна, впрочем, была не единственной, кто чувствовал себя неловко и принужденно. Так же чувствовал себя и Джимми Пендлетон, хотя он тоже старался не показывать этого.

Джимми не был счастлив в эти дни. Из беззаботного юноши, мечтающего о чудесных арках, переброшенных через бездонные, еще не перекрытые мостами пропасти, он превратился в молодого человека с тревожным взглядом, преследуемого видениями, в которых любимая им девушка доставалась его страшному сопернику.

Теперь Джимми прекрасно знал, что влюблен в Поллианну, и подозревал, что влюблен давно. Его привело в настоящий ужас то, что он был так взволнован и так бессилён перед захватившим его чувством. Он понял, что даже столь дорогие его сердцу мосты — ничто в сравнении с улыбкой в глазах любимой девушки и заветным словом на ее устах, а самым чудесным мостом в мире был бы для него тот, который помог бы ему преодолеть пропасть сомнений и страха, отделявшую его от Поллианны: сомнений — из-за Поллианны, страха — из-за Джейми. Только в тот день на пастбище, увидев Поллианну в опасности, Джимми вдруг осознал, как пуст был бы мир — его мир — без нее. Только мчась вихрем к спасительной стене с Поллианной на руках, он понял, как дорога она ему. На мгновение, когда он держал ее в объятиях, а ее руки цеплялись за его шею, он почувствовал ее по-настоящему своей и даже в этот миг огромной опасности ощутил трепет величайшего блаженства.

В тот день Джимми вернулся в лагерь с бурей страха и мятежных чувств в душе. Он думал о том, действительно ли Поллианне нравится Джейми; отсюда был страх. Но даже если нравится, то должен ли он, Джимми, нерешительно стоять в стороне и позволить Джейми, без соперничества, понравиться ей еще больше? Отсюда были мятежные чувства. Ну уж нет, решил Джимми. Он не будет стоять в стороне! Между ними должна быть честная борьба!

Но тут, хоть Джимми и был в полном одиночестве, он покраснел до корней волос. А будет ли это «честная» борьба? Может ли какая-то борьба между ним и Джейми быть «честной»? Джимми вдруг почувствовал то же самое, что и много лет назад, когда предложил незнакомому мальчику подраться из-за яблока, на которое оба они предъявляли свои права, а затем, после первого же удара, обнаружил, что тот владеет только одной рукой. Разумеется, тогда Джимми нарочно поддался и позволил увечному мальчику победить. Но теперь, как с жаром говорил он себе, случай совсем другой. Здесь ставка не яблоко. Здесь ставка — счастье всей его жизни, а возможно, даже и счастье жизни Поллианны. Может быть, она совсем равнодушна к Джейми и полюбила бы своего старого друга Джимми, если бы он хоть раз дал ей понять, что хочет, чтобы она полюбила. И он постарается дать ей понять. Он постарается...

Снова Джимми залился жарким румянцем, но тут же сердито нахмурился. Если бы он только мог забыть, какой вид был у Джейми, когда он простонал это свое «привязанный к двум палкам»! Если бы только... но какой смысл? Все равно, это не была бы «честная», борьба, и Джимми знал это. Знал он уже тогда и то, что его решение будет именно таким, каким оно

впоследствии оказалось, — он будет ждать и наблюдать. Он даст Джейми возможность добиться любви Поллианны, и если станет ясно, что она его любит, он, Джимми уйдет из их жизни, и они никогда не узнают, как глубоко он страдал. Он вернется к своим мостам... Как будто какой-нибудь мост, пусть даже до самой луны, мог хоть на миг сравниться с Поллианной! Но он так поступит. Он должен так поступить.

Все это представлялось очень благородным и героическим, и Джимми был так взволнован, что весь трепетал от чего-то очень похожего на радость, когда наконец задремал в ту ночь. Но мученичество в теории и мученичество на практике удручающе разнятся между собой, как выясняют с незапамятных времен все кандидаты в мученики. Легко было в темноте и в одиночестве, решать, что он даст Джейми шанс завоевать любовь Поллианны, но не так-то просто оказалось исполнить это решение, когда в действительности оно предполагало не что иное, как оставлять Поллианну и Джейми вдвоем почти каждый раз, когда он их видел. К тому же его очень беспокоило то, как внешне выглядело отношение Поллианны к Джейми. Было очень похоже, что она в самом деле любит его, так заботилась она о его удобствах, так явно стремилась быть с ним. Затем, словно для того, чтобы уничтожить любые возможные сомнения в душе Джимми, пришел день, когда выяснилось, что и Сейди Дин есть что сказать по этому поводу. Все они были на теннисном корте. Сейди сидела в одиночестве, когда Джимми, прогуливаясь по дорожке, подошел к ней.

— Потом вы с Поллианной, да? — спросил он. Сейди отрицательно покачала головой:

— Поллианна сегодня больше не играет.

— Не играет! — нахмурился Джимми, который сам рассчитывал сыграть с Поллианной. — Почему?

Сейди помолчала, затем, явно с трудом, ответила:

— Поллианна сказала мне вчера вечером, что, по ее мнению, мы слишком много играем в теннис и что это нехорошо... по отношению к мистеру Кэрю, так как он не может играть.

— Я знаю, но... — Джимми беспомощно умолк, недовольство прорезало глубокую складку на его лбу. В следующее мгновение он буквально вздрогнул от неожиданности, услышав, какое возбуждение звучит в голосе снова заговорившей Сейди:

— Но он не хочет, чтобы она переставала играть. Он не хочет, чтобы кто-то из нас относился к нему как-то по-особому. Именно это его задевает. А она не понимает. Она не понимает! Но я понимаю. А она думает, что это она понимает!

Что-то в этих словах или в тоне, каким они были сказаны, заставило сердце Джимми болезненно сжаться. Он внимательно взглянул ей в лицо. На языке у него вертелся вопрос. На миг он удержал его, но затем, скрывая свою серьезность под насмешливой улыбкой, все же произнес:

— Не хотите же вы сказать, мисс Дин, что... что есть какой-то *особый* интерес друг к другу у этих двоих?

Она бросила на него презрительный взгляд.

— Где ваши глаза? Она обожает его! То есть... они обожают друг друга, — торопливо поправилась она.

Джимми с невнятным возгласом резко отвернулся и отошел. Ему не хотелось продолжать разговор с Сейди. Он отвернулся так резко, что не заметил, как Сейди, так же торопливо отвернувшись, принялась прилежно разглядывать траву возле своих ног, словно что-то потеряла. Ей тоже явно не хотелось больше говорить.

Джимми говорил себе, что это неправда и все, сказанное Сейди, — сущий вздор. Однако, правда это или нет, забыть ее слова он не мог. С тех пор подозрение накладывало отпечаток на все его мысли и маячило перед глазами как тень всякий раз, когда он видел Поллианну и Джейми вместе. Он тайком следил за их лицами. Он вслушивался в интонации их голосов. И со временем начал думать, что все же это была правда: они действительно обожают друг друга; и в результате сердце его наливалась свинцовая тяжесть. «Жребий брошен», говорил он себе. Поллианна была не для него.

Для Джимми наступили тревожные дни. Совсем отказаться от визитов в дом Харрингтонов он не осмеливался, опасаясь, как бы там не догадались о его тайне. Но даже просто находиться в обществе Поллианны стало пыткой. Да и с Сейди Дин ему было неприятно, так как он не мог забыть, что это именно она в конце концов открыла ему глаза на происходящее. Джейми, разумеется, не мог служить прибежищем в этих обстоятельствах, и оставалась только миссис Кэрю. Впрочем, она одна стоила многих, и единственное утешение для себя в эти дни Джимми находил в ее обществе. Веселая или серьезная, она, казалось, всегда знала, как лучше всего приспособиться к его настроению. И просто удивительно, сколько она знала о мостах... того рода мостах, которые он собирался строить. Она была к тому же так умна, так благожелательна, всегда умела найти самые нужные, самые подходящие слова. Однажды он даже чуть не рассказал ей о «пакете», но Джон Пендлетон прервал их разговор в самый неподходящий момент, так что эта история не была рассказана. Джон Пендлетон, как с досадой иногда думал Джимми, всегда являлся в самый неподходящий

момент, чтобы помешать им. Но затем Джимми вспоминал, что сделал для него Джон Пендлетон, и ему становилось стыдно. История «пакета» восходила ко времени детства Джимми, который никогда не говорил о нем никому кроме Джона Пендлетона, да и ему всего лишь раз, незадолго до своего усыновления. «Пакет» представлял собой всего лишь довольно большой, потрепанный за долгие годы, белый конверт, пухлый от тайны, хранимой им за огромной красной печатью. На этом конверте, который был дан Джимми его отцом, была сделана отцовской рукой следующая надпись: «Моему мальчику Джимми. Не вскрывать до его тридцатилетия. В случае его смерти вскрыть немедленно». Бывали периоды времени, когда Джимми строил немало догадок относительно содержимого «пакета». Бывали и другие дни, когда он забывал даже о существовании этого конверта. В давние дни, в сиротском приюте, он всегда носил его спрятанным в подкладку своей курточки, так как больше всего боялся, что его найдут и отберут. Позднее, по совету Джона Пендлетона, конверт был для сохранности убран в сейф.

— Ведь неизвестно, какую ценность он может представлять, — заметил тогда с улыбкой Джон Пендлетон. — Во всяком случае, твой отец хотел, чтобы ты хранил его, и мы не можем допустить, чтобы он случайно потерялся.

— Разумеется, сэр. Я не хотел бы потерять его, — немного печально улыбнулся в ответ Джимми. — Но я не рассчитываю на то, что он представляет действительную ценность. У бедного отца, насколько я помню, не было ничего особенно ценного. Именно об этом «пакете» и хотел упомянуть Джимми в одном из своих разговоров с миссис Кэрю... и упомянул бы, если бы только им не помешал Джон Пендлетон.

— А все же, может быть, даже и хорошо, что я не сказал ей о пакете, — размышлял Джимми по дороге домой. — Она могла бы подумать, что в жизни отца было что-то... нехорошее. А я не хотел бы, чтобы она думала так о моем отце.

Глава 25

ИГРА И ПОЛЛИАННА

В середине сентября миссис Кэрю, Джейми и Сейди Дин попрощались и уехали в Бостон. Хотя Поллианна и знала, что будет скучать без них, у нее все же вырвался вздох подлинного облегчения, когда увозивший их поезд покинул белдингсвиллскую станцию. Конечно, Поллианна не призналась бы никому в том, что испытала облегчение, и даже перед собой она попыталась мысленно оправдаться.

«Не то чтобы я не любила их — я люблю, глубоко, каждого из них, — вздохнула она, следя, как поезд исчезает за поворотом дороги. — Только... только мне все время так жаль Джейми, и... и... я так устала. Я буду рада просто вернуться на время к прежним тихим дням с Джимми». Однако она не вернулась к «прежним тихим дням с Джимми». Дни, следовавшие сразу за отъездом Кэрю, были, конечно, тихими, но проводила она их не «с Джимми». Он редко появлялся теперь в доме Харрингтонов, а если заходил, это не был прежний Джимми, каким она его знала.

Он был угрюм, беспокоен и молчалив, а то вдруг становился очень весел и возбужденно болтлив, что крайне озадачивало и раздражало.

Вскоре он тоже уехал в Бостон продолжать учебу, и после этого они, разумеется, совсем перестали видеться.

Тогда Поллианна с удивлением заметила, как ей не хватает его. Даже просто знать, что он здесь, в городке, и, может быть, зайдет в гости, было лучше, чем безнадежная пустота отсутствия; и даже его приводящие в недоумение, неожиданные переходы от мрачности к веселью были предпочтительнее этой безнадежности. Затем, однажды, с пылающими щеками и пристыженным видом, она вдруг резко упрекнула сама себя:

— Поллианна Уиттиер! Можно подумать, что ты *влюблена* в Джимми Бина-Пендлетона! Неужели ты не можешь подумать ни о чем другом, кроме него?

В результате она немедленно приложила все усилия к тому, чтобы стать очень веселой и оживленной и выбросить из головы этого Джимми Бина-Пендлетона. Вышло так, что тетя Полли, пусть невольно, помогла ей в этом.

С отъездом миссис Кэрю исчез главный источник непосредственных доходов, и тетя Полли снова начала вслух выражать беспокойство

относительно состояния их финансов.

— Право, не знаю, Поллианна, что с нами будет, — часто жаловалась она. — Конечно, у нас есть кое-что в запасе благодаря этой летней работе, и небольшая сумма все еще поступает регулярно в виде процентов от моих вложений, но я отнюдь не уверена, что эти выплаты не прекратятся вскоре, как все остальные. Если бы мы только могли сделать что-то такое, что принесло бы какие-то наличные деньги!

Именно после одной из таких слезных жалоб Поллианна увидела в одном из журналов объявление о конкурсе на лучший рассказ. Предложение выглядело чрезвычайно заманчиво. Призы были крупные и многочисленные. Условия конкурса излагались в самых восторженных выражениях. Прочитав объявление, можно было подумать, что нет ничего проще, чем победить. Там был даже особый призыв, который вполне мог бы быть обращен лично к Поллианне.

"Это для тебя — читающего эти строки, — гласило объявление. — Ну и что ж из того, что ты никогда прежде не писал рассказов! Это совсем не значит, что ты не сумеешь написать. Попробуй? Вот и все. Разве тебе не хотелось бы получить три тысячи долларов? Две тысячи? Тысячу? Пятьсот или хотя бы сто? Тогда почему не попробовать добиться их?"

— Как раз то, что нужно! — воскликнула Поллианна, хлопнув в ладоши. — Я так рада, что увидела это объявление! И тут прямо говорится, что я тоже могу написать рассказ. Я тоже думала, что смогу, если только попробую. Пойду поскорее к тетечке и скажу, что ей больше нечего беспокоиться.

Поллианна была на полпути к двери, когда, подумав, приостановилась.

— Пожалуй, я все-таки ничего ей не скажу. Будет еще приятнее сделать сюрприз, а если я вдруг получу первую премию...

Засыпая в тот вечер, Поллианна думала о том, что она сможет сделать на эти три тысячи долларов. На следующий день Поллианна начала писать рассказ, то есть она с очень важным видом достала стопку бумаги, заточила пять или шесть карандашей и уселась в гостиной за большой старинный письменный стол Харрингтонов. Сломав от нетерпения грифели двух карандашей, она наконец написала три слова на лежавшем перед ней чистом белом листе, а затем, тяжело вздохнув, выбрала из оставшихся тонкий, зеленый карандаш. Его острый кончик она некоторое время созерцала в задумчивости, нахмутив лоб.

— И где они только берут названия?! — с отчаянием воскликнула она. — Может быть, мне все же следует сначала придумать сам рассказ, а уж потом подобрать подходящее название? Во всяком случае, я сделаю именно так. — И, тут же зачеркнув эти три слова жирной линией, она приподняла карандаш над бумагой, готовая начать все заново.

Начать, однако, удалось не сразу. Но даже когда удалось, вышло, должно быть, не очень хорошо, так как по истечении получаса лист представлял собой не что иное, как лабиринт вычеркнутых строк, среди которых лишь кое-где были оставлены отдельные слова, чтобы рассказать ее замечательную историю.

В этот момент в комнату вошла тетя Полли. Она бросила на племянницу усталый взгляд.

— Ну, а теперь, Поллианна, что ты затеваешь?

Поллианна засмеялась и виновато покраснела:

— Ничего особенного, тетечка. Во всяком случае, не похоже, чтобы это было что-то особенное... пока, — призналась она с невеселой улыбкой. — К тому же это секрет, и я тебе пока ничего не скажу.

— Как хочешь, — вздохнула тетя Полли. — Но если ты пытаешься заново разобраться в тех закладных, которые оставил мистер Харт, то могу тебе сразу сказать: это бесполезно. Я сама дважды их подробно изучала.

— Нет, дорогая, это не закладные. Это гораздо приятнее, чем любые закладные! — с торжеством заявила Поллианна, возвращаясь к своему занятию. Перед ее глазами друг снова возникло чудесное видение того, что будет, как только она получит эти три тысячи долларов. Еще полчаса Поллианна писала, зачеркивала и грызла карандаши, а затем, с поубавившейся, но неиссякающей храбростью, собрала свои бумаги и карандаши и вышла из гостиной. «Может быть, у меня лучше получится в одиночестве, у меня в комнате, — думала она, торопливо поднимаясь по лестнице. — Мне казалось, что сочинять следует за письменным столом, так как это „литературный труд“... но, похоже, письменный стол ничуть не помог мне сегодня. Попробую-ка я в своей комнате — на диване у окна».

Но диван у окна оказался ничуть не более вдохновляющим, чем письменный стол, если судить по исчерканным и перечерканным листам, которые падали из рук Поллианны, а на исходе следующего получаса она вдруг обнаружила, что уже пора готовить обед. "Ну, все равно, я этому рада, — вздохнула она про себя. — Я гораздо охотнее пойду готовить обед, чем заниматься этим рассказом. Не то чтобы я *не хотела* этим заниматься, только я и не представляла, что это такая ужасная работа... а ведь всего лишь рассказ!"

Весь следующий месяц Поллианна трудилась честно и упорно, но очень скоро обнаружила, что «всего лишь рассказ» — задача, с которой не так-то просто справиться. Поллианна, однако, не принадлежала к тем, кто отступает, после того как взялся за дело. К тому же был приз в три тысячи долларов, или хотя бы какой-нибудь из остальных, если ей не удастся получить первый! Даже сотня долларов — это уже кое-что! Так что изо дня в день она писала, стирала и переписывала, пока наконец перед ней не оказался не ахти какой, но все же законченный рассказ. Тогда следует признать, не без некоторых опасений — она понесла рукопись к Милли Сноу, чтобы та перепечатала текст на пишущей машинке.

«Читается неплохо... то есть смысл в нем есть, — неуверенно размышляла Поллианна, торопливо шагая к домику миссис Сноу, — это очень хорошая история о совершенно прелестной девушке. Но боюсь, есть в нем что-то не совсем такое, как надо. Во всяком случае, мне, наверное, лучше все-таки не очень рассчитывать на три тысячи долларов — тогда я не буду слишком разочарована, когда получу один из призов поменьше».

Поллианна всегда вспоминала о Джимми, когда подходила к домику миссис Сноу, так как именно там, на обочине дороги, много лет назад она впервые увидела его — заброшенного маленького мальчика, убежавшего из сиротского приюта. И в этот день она тоже подумала о нем, на мгновение затаив дыхание, но тут же, гордо вскинув голову, что всегда бывало теперь, когда ей случалось подумать о Джимми, поспешила к дверям домика и позвонила. Как всегда, у Сноу Поллианну ждал самый теплый прием, и — тоже как всегда — вскоре они заговорили об игре: ни в одном из белдингсвиллских домов «в радость» не играли с большим азартом, чем у Сноу.

— Ну, а как вы поживаете? — спросила Поллианна, завершив деловую часть своего визита.

— Замечательно! — лучезарно улыбнулась в ответ Милли. — Это у меня третий заказ за неделю. Ах, мисс Поллианна, я так рада, что вы посоветовали мне заняться машинописью, ведь такую работу можно выполнять прямо у себя дома! И всем этим я обязана вам!

— Глупости! — весело возразила Поллианна.

— Но это действительно так. Во-первых, я все равно не могла бы работать на дому, если бы не игра, благодаря которой маме настолько лучше, что у меня остается время и для своих дел. А потом, самое главное, вы посоветовали мне научиться печатать и помогли купить пишущую машинку. Как же тут не скажешь, что я всем обязана вам!

Поллианна вновь принялась возражать, но на этот раз ее перебила

миссис Сноу, сидевшая у окна в своем кресле на колесах. И так серьезно и проникновенно зазвучали ее слова, что Поллианна не могла не прислушаться к ним.

— Послушай, детка, я думаю, ты сама не вполне понимаешь, что ты сделала для других. Но я очень хочу, чтобы ты это поняла! Сегодня в твоих глазах, дорогая, такое выражение, какое мне не хотелось бы в них видеть. Я знаю, тебя что-то мучит или тревожит. Я это вижу. И я не удивляюсь: смерть твоего дяди, состояние здоровья тети, все остальное... не буду больше говорить об этом. Но кое-что я все же хочу сказать, дорогая, и ты должна позволить мне сказать, ведь для меня невыносимо видеть печаль в твоих глазах и не попытаться рассеять ее, напомнив о том, что ты сделала для меня, для всего нашего городка и для бесчисленного множества других людей повсюду.

— Что вы, миссис Сноу! — в неприятии смущения запротестовала Поллианна.

— О, я говорю серьезно, и я знаю, о чем говорю, — с торжеством кивнула больная. — Для начала взгляни на меня. Разве не была я, когда ты впервые увидела меня, раздражительной, вечно ноющей особой, которая никогда не знала, чего ей хочется, пока не выяснит, чего у нее нет? И разве ты не открыла мне глаза, принесла сразу три разных блюда, чтобы *заставить* меня хоть раз получить то, что я хочу?

— Ох, миссис Сноу, неужели я действительно была такой... дерзкой? — мучительно краснея, пробормотала Поллианна.

— Это не было дерзостью, — решительно возразила миссис Сноу. — Это не было *задумано* тобой как дерзость — и в этом-то все дело. К тому же ты, моя дорогая, не читала никаких нравоучений. Если бы ты поучала, тебе никогда не удалось бы заставить меня играть в твою игру... да и никого другого, думаю, тоже. Но ты сумела научить меня этой игре... и посмотри, что она дала мне и Милли! Вот я — мне настолько лучше, что я могу сидеть в кресле на колесах и передвигаться по всему первому этажу. А это имеет такое большое значение, когда надо обслуживать себя, чтобы дать тем, кто рядом с тобой, возможность передохнуть — в данном случае я имею в виду Милли. И доктор говорит, что все это благодаря игре. А кроме нас, есть и другие, множество других, прямо здесь, в нашем городке, и я все время слышу о них. Нелли Мейхони сломала руку в запястье, но была очень рада, что у нее сломана не нога, и потому совсем не огорчалась из-за руки. Старая миссис Тиббитс потеряла слух, но очень рада, что не зрение, и потому по-настоящему счастлива. А помнишь косого Джо, которого все звали Злюка Джо из-за его характера? Угодить на него было не легче, чем

на меня в прежнее время. Ну, а потом кто-то обучил его твоей игре и, как говорят, сделал совсем другим человеком. И такое, дорогая, происходит не только в нашем городке, но и в других местах. Вот как раз вчера я получила письмо от моей двоюродной сестры, которая живет в Массачусетсе. Она написала мне о мистере и миссис Пейсон. Помнишь их? Они раньше жили здесь, возле дороги, что ведет на Пендлетон-Хилл.

— Да-да, я их помню! — воскликнула Поллианна.

— Они уехали отсюда в ту зиму, когда ты была в санатории, и живут теперь в Массачусетсе, там же, где и моя сестра. Она хорошо их знает и написала мне, что миссис Пейсон рассказала ей все о тебе и о том, как твоя «игра в радость» помогла им избежать развода. Теперь они не только играют в нее сами, но и научили этой игре много других людей, которые тоже играют и в свою очередь учат других. Так что видишь, дорогая, кто знает, где она закончится, эта твоя игра? И мне хотелось, чтобы ты знала об этом. Я подумала, что, быть может, это поможет иногда тебе самой играть «в радость»... Не думай, дорогая, будто я не понимаю, как тебе порой трудно играть в твою собственную игру.

Поллианна встала. Подавая на прощание руку, она улыбалась, но в ее глазах блестели слезы.

— Спасибо, миссис Сноу, — сказала она не совсем твердым голосом. — В самом деле, это трудно... иногда. И, может быть, я действительно нуждалась в том, чтобы мне немного помогли играть в мою собственную игру. Но, так или иначе, — ее глаза блеснули давним весельем, — если теперь мне когда-нибудь покажется, что я не могу играть в мою игру, — вспомню, что все же всегда могу *радоваться*, что есть люди, которые играют в нее!

Домой Поллианна шла в задумчивости. Как ни тронули ее слова миссис Сноу, было в этом во всем что-то печальное. Она думала о тете Полли — тете Полли, которая так редко играла теперь «в радость». И Поллианна спрашивала себя, всегда ли она сама играет в свою игру, когда могла бы играть.

«Может быть, я не всегда стараюсь отыскать что-нибудь радостное в том, на что жалуется тетя Полли, — думала она немного виновато. — Может быть, если бы я сама лучше играла в игру, тетя Полли тоже играла бы... хоть немного. Во всяком случае, я постараюсь. Если я не поостерегусь, другие люди будут играть в мою игру лучше, чем я сама!»

Глава 26

ДЖОН ПЕНДЛЕТОН

Ровно за неделю до Рождества Поллианна отправила свой рассказ (теперь уже аккуратно напечатанный) на конкурс. В объявлении говорилось, что победителей назовут не раньше апреля, так что она с присущим ей философским спокойствием приготовилась к долгому ожиданию. "Пожалуй, я рада, что ждать придется так долго, — говорила она себе. — Всю зиму мне будет весело думать, что, *может быть*, я все-таки получу первый приз, а не один из тех, что поменьше. Возможно, я даже буду *рассчитывать* на первый приз, тогда если я действительно получу его, у меня не будет совсем никаких огорчений. Ну, а если не получу... я хотя бы не буду все эти недели огорчаться заранее, и смогу радоваться тому из меньших призов, который мне достанется". То, что она может не получить совсем никакого приза, никак не входило в расчеты Поллианны. Рассказ, так красиво напечатанный Милли Сноу на машинке, выглядел, по мнению автора, ничуть не хуже, чем если бы уже вышел из типографии. В тот год Рождество не было веселым в доме Харрингтонов, несмотря на все старания Поллианны. Тетя Полли категорически отказалась позволить как-то отметить праздник и выразила свою позицию столь недвусмысленно, что Поллианна не смогла сделать ей даже самый скромный подарок.

В рождественский вечер к ним зашел Джон Пендлетон. Миссис Чилтон, извинившись, ушла к себе, но Поллианна, которая была совершенно измучена долгим днем, проведенным с теткой, приветствовала его с радостью. Однако даже здесь она обнаружила ложку дегтя в бочке меда своего удовольствия, так как Джон Пендлетон принес с собой письмо от Джимми, и в письме не говорилось ни о чем ином, как только о планах устройства замечательного рождественского праздника в Доме молодых работниц — планах, которые строили вместе он и миссис Кэрю; а Поллианна, как ни стыдно было ей признаться в этом себе самой, в тот момент не была расположена слушать рассказы о рождественских развлечениях... тем более, о развлечениях Джимми.

Джон Пендлетон, однако, не пожелал оставить эту тему, даже когда письмо было дочитано до конца.

— Большие дела... ничего не скажешь! — воскликнул он, складывая

письмо.

— Да, действительно. Замечательно! — пробормотала Поллианна, стараясь говорить с должным энтузиазмом.

— И все это прямо сейчас, в этот вечер, а? Хотел бы я заглянуть к ним в эту минуту.

— Да-да, — снова пробормотала Поллианна, еще более старательно изображая энтузиазм.

— Я полагаю, миссис Кэрю знала, что делает, когда взяла Джимми в помощники, — засмеялся мужчина. — Но интересно, как это понравится Джимми — изображать Санта Клауса сразу для пятидесяти молодых женщин!

— Он в восторге, конечно же! — Поллианна слегка вскинула голову.

— Может быть. Но все же, ты должна признать, это не совсем то же самое, что учиться строить дамбы и мосты.

— О да!

— Но пусть так. Я готов побиться об заклад, что эти девушки никогда не проводили время веселее, чем с его помощью в этот вечер.

— Да-да, конечно, — запинаясь, выговорила Поллианна, стараясь подавить эту противную дрожь в голосе и не сравнивать свой невеселый вечер в Белдингсвилле в компании одного лишь Джона Пендлетона с тем, какой проводят те пятьдесят девушек в Бостоне с Джимми.

Последовала краткая пауза. Джон Пендлетон мечтательно смотрел на танцующие в камине языки пламени.

— Чудесная женщина... миссис Кэрю, — сказал он наконец.

— Да, она действительно чудесная! — На этот раз энтузиазм в голосе Поллианны был совершенно неподдельным.

— Джимми писал мне прежде о том, что она сделала для этих девушек, — продолжил мужчина, по-прежнему глядя в огонь. — Как раз в предыдущем письме он много рассказывал об этом и о ней самой. Он говорит, что всегда восхищался ею, но никогда до такой степени, как теперь, когда узнал ее по-настоящему.

— Она — прелесть! Вот что она такое! — с теплотой заявила Поллианна. — Она прелесть во всех отношениях, и я ее очень люблю!

Джон Пендлетон со странным выражением в глазах вдруг обернулся к Поллианне:

— Я знаю, дорогая. Что до этого, то, может быть, есть и другие... которые тоже любят ее.

На миг сердце Поллианны замерло. К ней с ошеломляющей силой пришла неожиданная мысль.

Джимми ! Не хочет ли Джон Пендлетон сказать, что Джимми любит... влюблен в миссис Кэрю?

— Вы имеете в виду... — неуверенно произнесла она, но закончить вопрос не смогла.

— Я имею в виду... девушек, разумеется, — ответил он беспечно, но все с той же странной улыбкой. — Разве ты не предполагаешь, что те пятьдесят девушек... без ума от нее?

Поллианна сказала: «Да, конечно» — и пробормотала еще что-то приличествующее случаю в ответ на следующее замечание Джона Пендлетона. Но ее ум был в смятении, и она предоставила мужчине говорить почти одному весь оставшийся вечер.

И похоже, Джон Пендлетон был отнюдь не против этого. Раз или два он беспокойно прошелся по комнате, а затем опустился на прежнее место. И когда он заговорил, тема была все та же — миссис Кэрю.

— Странно... насчет этого ее Джейми, правда? Я все думаю, действительно ли он ее племянник.

Так как Поллианна не ответила, мужчина продолжил после минутного молчания:

— Но все равно, он — славный малый. Мне он нравится. Есть в нем что-то глубоко настоящее. Она в нем души не чает. Это очевидно, и не важно, действительно он родня ей или нет. — Последовала новая пауза; затем, немного изменившимся голосом Джон Пендлетон продолжил.

— И, как подумаешь, еще более странным кажется то, что она не... вышла замуж еще раз. Она... очень красивая женщина. Ты так не думаешь?

— Да... да, действительно, — с отчаянной торопливостью отозвалась Поллианна, — очень... очень красивая.

Голос Поллианны все же немного дрогнул. В этот момент она видела отражение собственного лица в зеркале напротив... а Поллианна никогда не считала себя «очень красивой».

А Джон Пендлетон все говорил и говорил о пустяках, задумчиво, с удовольствием, устремив глаза на огонь в камине. Отвечают ему или нет, его, похоже, не беспокоило. И даже слушают его или нет, он вряд ли знал. Ему явно хотелось только говорить. Но, наконец, он с неохотой встал и попрощался.

Томительные полчаса Поллианна с нетерпением ждала, когда же он уйдет и она сможет побыть одна; но после его ухода ей захотелось, чтобы он снова был с ней. Она вдруг обнаружила, что ей неприятно быть одной... со своими мыслями.

Теперь ей все было удивительно ясно. Не было никаких сомнений.

Джимми был влюблен в миссис Кэрю. Вот почему он был так угрюм и беспокоен, когда она уехала. Вот почему он так редко приходил повидать ее, Поллианну, своего старого доброго друга. Вот почему... Бесчисленные мелкие подробности событий минувшего лета одна за другой всплывали в памяти Поллианны — немые свидетели того, что невозможно было отрицать.

А почему бы ему и не любить ее? Миссис Кэрю действительно была красива и очаровательна.

Правда, она была старше Джимми; но молодые мужчины женились на женщинах гораздо старше нее — и много раз. А если они любят друг друга...

В тот вечер Поллианна плакала, пока не заснула.

Утром она мужественно постаралась посмотреть в лицо фактам и даже попробовала, с печальной улыбкой, подвергнуть их испытанию игрой «в радость». И тогда ей вспомнились слова, которые когда-то сказала Ненси: «Если есть кто-то на свете, кто и слышать бы не пожелал о твоей игре, так это пара поссорившихся влюбленных!»

"Конечно, мы не «поссорились» и даже не «влюбленные», — думала Поллианна, краснея, — но все равно я могу радоваться, что он рад и что она рада, только..." — Даже наедине с собой Поллианна не могла закончить эту фразу.

Уверенная теперь, что Джимми и миссис Кэрю любят друг друга, Поллианна стала особенно восприимчива ко всему, что могло укрепить эту уверенность. И, ожидая подтверждений, она, как и можно было предположить, стала находить их — сначала в письмах миссис Кэрю.

«Я часто вижу с твоим другом, молодым Пендлетоном, — писала как-то раз миссис Кэрю, — и он нравится мне все больше и больше. Однако я хотела бы — просто из любопытства — понять, откуда у меня это смутное чувство, что я где-то видела его прежде».

После этого она нередко вскользь упоминала о нем в своих письмах, и для Поллианны в самой неумышленности этих упоминаний было их ядовитейшее жало, поскольку становилось очевидно, что присутствие рассматривалось теперь миссис Кэрю как нечто само собой разумеющееся. Были и другие источники, в которых Поллианна находила пищу для своих подозрений. Все чаще и чаще к ней заглядывал Джон Пендлетон с рассказами о Джимми и о том, что Джимми делает в Бостоне; и всегда в этих рассказах присутствовали упоминания о миссис Кэрю.

Бедная Поллианна спрашивала себя иногда, может ли Джон Пендлетон говорить хоть о чем-нибудь, кроме миссис Кэрю и Джимми, столь неизменно одно или другое из этих двух имен было у него на устах. Приходили также письма от Сейди Дин, и в них рассказывалось о Джимми и о том, что он делает, чтобы помочь миссис Кэрю. И даже Джейми, который изредка писал ей, внес в это дело свою лепту, когда написал однажды вечером:

«Сейчас десять часов. Я сижу один, жду, когда вернется домой миссис Кэрю. Она уехала с Пендлетоном на одну из их обычных вечеринок в Доме молодых работниц».

От самого Джимми Поллианна получала письма очень редко, и этому, как говорила она себе с грустью, можно было радоваться .

— Если он не может писать ни о чем, кроме миссис Кэрю и тех девушек, я рада, что он не пишет часто! — вздыхала она.

Глава 27 ДЕНЬ, КОГДА ПОЛЛИАННА НЕ ИГРАЛА

Так, один за другим, проходили зимние дни. Пронеслись январь и февраль с метелями и мокрым снегом, и пришел март с сильным ветром, который свистел и завывал вокруг старого дома, заставляя ставни раскачиваться, а ворота скрипеть так, что это было крайне мучительно для нервов, и без того напряженных до предела.

Поллианне было не очень легко играть в ее игру в эти дни, но она играла — играла честно, мужественно. Тетя Полли не играла совсем, что конечно же не облегчало игру для Поллианны. Тетя Полли была грустна и подавлена. К тому же она не совсем хорошо себя чувствовала и предалась крайнему унынию.

Поллианна все еще рассчитывала получить приз на конкурсе. Однако теперь это был не первый приз, а один из менее значительных. Она писала все новые рассказы, и регулярность, с которой они возвращались к ней из своего путешествия в редакции журналов, начинала подрывать ее веру в свой успех в качестве писательницы.

— Во всяком случае, я могу радоваться, что тетя Полли ничего об этом не знает, — бодро объявила себе Поллианна, вертя в пальцах бланк «отклонено с благодарностью», который только что привел домой на буксире еще один потерпевший кораблекрушение рассказ. — Она *не может* волноваться из-за этого... так как ничего об этом не знает!

Все в жизни Поллианны вращалось в эти дни вокруг тети Полли, и сомнительно, чтобы сама тетя Полли сознавала, насколько требовательной стала она и как всецело посвящает ей себя ее племянница.

В один особенно мрачный мартовский день развитие событий дошло до своего рода высшей точки. Вставая с постели, Поллианна со вздохом взглянула на небо: угодить тете Полли всегда было труднее в пасмурные дни. Но с веселой песенкой — звучащей все же немного вымученно — Поллианна спустилась в кухню и начала готовить завтрак.

— Сделаю-ка я кукурузные оладьи, — доверительно обратилась она к кухонной плите, — может быть, тогда тетя Полли не будет так огорчаться... из-за всего остального.

Полчаса спустя она постучала в дверь теткиной спальни:

— Тетечка! Уже встала? Так рано? Чудесно! И сама уложила волосы!

— Мне не спалось; пришлось встать, — вздохнула тетя Полли. — И причесаться пришлось самой. Ведь *ты* ко мне не зашла.

— Но я и не предполагала, тетечка, что ты меня уже ждешь, — торопливо объяснила Поллианна. — Впрочем, не беда! Ты будешь рада, что я не зашла пораньше, когда узнаешь, чем я была занята.

— Не буду... — упрямо нахмурилась тетя Полли. — В такое утро никто не может радоваться. Посмотри, что за дождь. Это уже третий дождливый день за неделю.

— Да, правда... но знаешь, солнце никогда не кажется таким прекрасным, как после затяжных дождей, вроде этих, — улыбнулась Поллианна, умело поправляя кружева и ленточку вокруг воротника тетки. — Ну, пойдем. Завтрак готов. Вот подожди! Увидишь, что я приготовила для тебя.

Однако изменить настроение тети Полли не удалось даже кукурузными оладьями. Все было не так, все казалось ей просто невыносимым, и терпение Поллианны подверглось суровому испытанию. В довершение бед выяснилось, что крыша над восточным чердачным окном протекает, а по почте пришло письмо с неприятными известиями. Но Поллианна, верная своим убеждениям, со смехом объявила, что это пустяки. Что до нее, то она рада, что у них есть крыша... чтобы протекать. А что касается письма, она ждала его неделю и очень рада, что оно наконец пришло. Теперь не надо больше бояться, что оно придет. Оно уже не может прийти, потому что *пришло*, и с этим покончено.

Все это, вместе со множеством других помех и неприятностей, задержало выполнение обычной утренней работы по дому до второй половины дня, а такое всегда вызывало особенное неудовольствие методичной тети Полли, планировавшей собственную жизнь предпочтительно с точностью до секунды.

— Уже половина четвертого! Поллианна, ты это знаешь? — раздраженно воскликнула она наконец. — А ты еще не застелила кровати.

— Да, дорогая, но обязательно застелю.. Не беспокойся.

— Но ты слышала, что я сказала? Взгляни на часы! Уже четвертый час!

— Да, но ничего страшного, тетя Полли. Мы можем радоваться, что еще не пятый.

Тетя Полли презрительно хмыкнула.

— *Ты*, как я полагаю, можешь, — язвительно заметила она.

Поллианна рассмеялась:

— Знаешь, тетечка, если задуматься, часы — услужливая вещь. Я

узнала это давно, еще в санатории. Когда я делала то, что мне нравилось, и не хотела, чтобы время шло быстро, то просто смотрела на часовую стрелку и чувствовала, что у меня масса времени — она двигалась так медленно. А в другие дни, когда мне приходилось выносить что-нибудь болезненное в течение, скажем, часа, я следила за маленькой секундной стрелкой, и у меня было такое чувство, будто дедушка-время прилагает все усилия к тому, чтобы помочь мне как можно скорее избавиться от боли. Понимаешь? — В ее глазах блеснул лукавый огонек, и она поторопилась выйти из комнаты, прежде чем тетя Полли успеет ответить.

Это был, без сомнения, тяжелый день, и к вечеру Поллианна была бледна и выглядела усталой, что также стало источником беспокойства для тети Полли.

— Детка, у тебя смертельно усталый вид! — взволновалась она. — И что только с нами будет, не знаю! Теперь еще и ты заболеешь!

— Глупости, тетечка! Я вовсе не больна, — заверила ее Поллианна, со вздохом опускаясь на кушетку. — Но я в самом деле устала. Ах! Какая мягкая кушетка! Я все же рада, что устала, — так приятно отдохнуть.

Тетя Полли обернулась, с досадой махнув рукой:

— Рада, рада, рада! Конечно же ты рада. Ты всегда всему рада. В жизни не видела такой девушки! Ну да, я знаю, это игра, — продолжила она в ответ на выражение, появившееся на лице Поллианны, — и очень хорошая игра, но мне кажется, ты заходишь слишком далеко. Эта вечная доктрина «могло быть хуже» действует мне на нервы. Честное слово, было бы истинным облегчением, если бы ты не была чему-нибудь рада — иногда!

— Что ты, тетечка! — Поллианна приподнялась на кушетке.

— Да, было бы. Вот попробуй и увидишь.

— Но, тетечка, я... — Поллианна умолкла и задумчиво смотрела на тетку. Странное выражение появилось в ее глазах, а губы тронула медленная улыбка. Но миссис Чилтон, снова занявшаяся своим шитьем, ничего не заметила, и через минуту Поллианна снова легла на кушетку, так и не кончив фразы, все еще с той же странной улыбкой на губах. Когда Поллианна встала на следующее утро, опять шел дождь, и северо-восточный ветер все так же свистел в дымоходе. Остановившись у окна, она невольно вздохнула, но почти мгновенно ее лицо прояснилось.

— Ну ничего, я рада... — Она хлопнула себя рукой по губам и негромко рассмеялась, озорно поблескивая глазами. — Что ж это я!.. Я забуду... я знаю, что забуду, а тогда все будет испорчено! Я должна помнить и ничему не радоваться сегодня — *ничему* !

Готовить кукурузные оладьи в это утро Поллианна не стала. Накрыв на стол, она прошла в комнату тетки.

Миссис Чилтон все еще была в постели.

— Я вижу, опять идет дождь, — заметила она в виде приветствия.

— Да, отвратительно... совершенно отвратительно, — брюзгливо отозвалась Поллианна. — На этой неделе чуть ли не каждый день дождь. Ненавижу такую погоду!

Тетя Полли обернулась к ней с несколько удивленным взглядом. Но Поллианна смотрела в сторону.

— Ты собираешься вставать? — спросила она тетку немного устало.

— Д-да, — пробормотала тетя Полли, все еще с недоумением в глазах. — Что с тобой, Поллианна? Ты очень устала?

— Да, я ужасно устала за это утро. И ночью спала плохо. Терпеть не могу, когда не спится. Всякие тревожные мысли так мучают по ночам, если лежишь без сна.

— Мне ли этого не знать? — раздраженно откликнулась тетя Полли. — Я сама с двух часов глаз не сомкнула. А еще эта крыша! Как мы ее починим, скажи на милость, если дождь не перестает? Ты вылила ведра?

— Да... и поставила еще несколько. Там новая протечка, немного дальше.

— Новая! Ну, скоро вся крыша будет течь! Поллианна приоткрыла рот; она чуть не сказала: «Что ж, мы можем радоваться, что тогда починим ее всю сразу», когда вдруг вспомнила о своих намерениях и заменила эту фразу на усталое:

— Вполне вероятно, тетечка. Похоже, к тому все идет и довольно быстро. Во всяком случае, хлопот не меньше, чем если бы уже текла вся крыша, и мне это до смерти надоело! — С этими словами она, предусмотрительно отвернувшись, устало побрела к двери. — Это так забавно... и так трудно! Боюсь, я не выдержу и все испорчу, — озабоченно прошептала Поллианна, спеша вниз по лестнице в кухню.

В тот день тете Полли еще не раз представился случай взглянуть на Поллианну удивленно и вопросительно. Поллианна всем была недовольна. Огонь не загорался, ветер трижды расшатал один и тот же ставень, который пришлось каждый раз закреплять заново, а в крыше обнаружилась еще и третья дыра. Почта принесла Поллианне письмо, вызвавшее у нее слезы (хотя никакие расспросы тети Полли не заставили племянницу сказать почему). Даже обед не удался, да и после него было бесчисленное количество других неприятностей, вызвавших раздраженные, мрачные замечания.

Но во второй половине дня пронизательно-недоверчивое выражение вдруг стало бороться с прежним недоуменно-вопросительным во взгляде тети Полли. Если Поллианна и заметила это, то не подала вида. Ее раздражительность и недовольство ничуть не уменьшились. Однако еще задолго до шести часов подозрение во взгляде тети Полли превратилось в уверенность, нанеся позорное поражение недоумению и сомнению. Впрочем, как ни странно, новое выражение вскоре заняло место этой уверенности, выражение, которое, по существу, было просто веселым огоньком. Наконец, после особенно горьких сетований со стороны Поллианны, тетя Полли в шутиливом отчаянии подняла руки:

— Хватит, хватит, детка! Сдаюсь! Признаю, что побита моим же оружием. Можешь... *радоваться* этому, если хочешь, — заключила она с мрачной улыбкой.

— Я знаю, тетечка, но ты сказала... — с притворной скромностью начала Поллианна.

— Да-да, но никогда больше не скажу, — с чувством перебила ее тетя Полли. — Что это был за день! Не хотела бы я пережить другой такой. — Она заколебалась, чуть заметно покраснела и продолжила, с явным усилием: — Более того, я... я хочу, чтобы ты знала... я понимаю, что последнее время не очень хорошо играла в игру... но теперь я собираюсь... постараться... Да где же мой носовой платок? — добавила она резко, роясь в складках своего платья. Поллианна вскочила и мгновенно оказалась возле тетки.

— Но, тетя Полли, я не хотела... это была... просто шутка, — дрожащим голосом сказала она с глубоким раскаянием. — Я и не думала, что ты *так* к этому отнесешься.

— Конечно же ты не думала, — отозвалась тетя Полли со всей резкостью суровой, сдержанной женщины, которая питает отвращение ко всякого рода сценам и проявлениям чувств и смертельно боится показать, что взволнована. — Ты полагаешь, я не знала, что ты задумала это как шутку? Неужели ты думаешь, что если бы я видела в этом попытку проучить меня, я... я... — Но сильные молодые руки Поллианны сжали ее в крепких объятиях, и она не смогла договорить.

Глава 28

ДЖИММИ И ДЖЕЙМИ

Поллианна была не единственной, для кого та зима оказалась очень тяжелой. В Бостоне Джимми Пендлетон, несмотря на все его напряженные усилия занять чем-нибудь свое время и ум, обнаружил, что никак не может полностью изгнать из своих грез некие смеющиеся голубые глаза и до конца стереть из памяти некий горячо любимый, веселый голос. Джимми говорил себе, что, если бы не миссис Кэрю и не возможность быть ей полезным, жить не стоило бы. Но даже у миссис Кэрю не все радовало его, так как там всегда был Джейми, а его присутствие наводило на мысли о Поллианне — нерадостные мысли. Джимми был совершенно уверен в том, что Джейми и Поллианна любят друг друга, и не менее глубоко убежден в своей моральной обязанности отступить в сторону и освободить дорогу обиженному судьбой Джейми, и потому ему даже не приходило в голову в чем-либо усомниться. О Поллианне он не хотел ни говорить, ни слышать. Он знал, что и Джейми, и миссис Кэрю получают от нее письма, и когда они рассказывали о ней, он заставлял себя слушать несмотря на душевную боль, но всегда старался как можно скорее изменить тему разговора, а в своей собственной переписке с ней ограничивался самыми краткими и самыми редкими посланиями. Для Джимми Поллианна, которую он не мог назвать своей, была ни чем иным, как источником страданий и огорчений, и он даже обрадовался, когда пришло время покинуть Белдингсвилл и вернуться к учебе в Бостоне: находиться так близко к Поллианне и вместе с тем так далеко от нее оказалось для него сущей пыткой.

В Бостоне со всей лихорадочностью беспокойного ума, ищущего возможности отвлечься от тяжелых мыслей, Джимми взялся за осуществление планов миссис Кэрю, касающихся ее любимых молодых работников, и все свободное время, какое только оставалось у него после учебы, отдавая этой работе, к огромному удовольствию и благодарности миссис Кэрю.

Так для Джимми прошла зима и пришла весна — радостная, расцветающая весна с легкими ветерками, благодатными ливнями и нежными бутонами, превращающимися в буйство красок и аромата. Для Джимми, однако, это была совсем не радостная весна, так как в его сердце

по-прежнему не было ничего, кроме зимы его тревоги.

— Если бы только они наконец все решили и окончательно объявили о своей помолвке, — все чаще и чаще бормотал про себя Джимми в эти дни. — Если бы я только знал что-то наверняка, мне было бы легче это вынести!

И в один из последних дней апреля его желание исполнилось — отчасти; он узнал «что-то наверняка».

Была суббота, около десяти часов утра. Мэри, горничная миссис Кэрю, ввела его в музыкальную комнату с заученным:

— Я передам миссис Кэрю, что вы здесь, сэр. Я думаю, она ждет вас.

На пороге музыкальной комнаты Джимми в испуге замер: у фортепьяно, закинув руки на пюпитр и уронив на них голову, сидел Джейми. Пендлетон уже полу обернулся к двери, чтобы тихонько удалиться, как вдруг юноша у фортепьяно поднял голову, и стали видны его пылающие щеки и лихорадочно блестящие глаза.

— Что такое, Кэрю, — запинаясь, выговорил ошеломленный Джимми, — что-нибудь... э-э... случилось?

— Случилось! Да, случилось! — воскликнул Джейми, взмахнув руками, в каждой из которых, как видел теперь Пендлетон, было распечатанное письмо. — Все случилось! Разве вы не думали бы так, если бы всю жизнь провели в тюрьме и вдруг увидели, что ворота широко распахнуты? Разве вы не думали бы так, если бы в следующую минуту могли попросить девушку, которую любите, стать вашей женой? Разве вы не думали бы так, если бы... Но послушайте! Вы, наверное, думаете, что я сошел с ума? Нет-нет! Хотя, может быть, я все же схожу с ума — от радости. Я хочу все рассказать вам. Можно? Я должен кому-нибудь рассказать!

Джимми поднял голову выше. Он как бы неосознанно готовился вынести предстоящий удар. Лицо его стало чуть бледнее, но голос прозвучал довольно твердо, когда он ответил:

— Конечно, дружище. Я буду... рад вас выслушать.

Джейми, однако, почти и не дожидался этого согласия. Он торопливо, и все еще немного несвязно, продолжил:

— Для вас это, конечно, так, ничего особенного. У вас есть здоровые ноги и свобода. У вас есть ваши мечты и ваши мосты. Но я... для меня в этом все. Это возможность жить жизнью настоящего мужчины и делать дело, достойное мужчины... пусть даже это не дамбы и мосты. Это уже кое-что! И это дело, как я доказал теперь, я могу делать. Слушайте. В этом письме сообщается, что мой небольшой рассказ получил первый приз —

три тысячи долларов — на конкурсе. А в другом — о том, что крупное издательство принимает с лестным для меня энтузиазмом рукопись моей первой книги для опубликования. И оба письма пришли сегодня — этим утром. Вас удивляет, что я безумно рад?

— Нет! Разумеется нет! Я поздравляю вас, Кэрю, от всей души! — горячо воскликнул Джимми.

— Спасибо... и меня действительно можно поздравить. Только подумайте, что это значит для меня! Подумайте, что это значит, если со временем я смогу быть материально независим, как подобает мужчине. Подумайте, что это значит, если когда-нибудь миссис Кэрю будет гордиться и радоваться, что отвела увечному мальчику место в своем доме и в своем сердце. Подумайте, что это значит, если теперь я могу сказать девушке, которую люблю, что я *люблю* ее!

— Да... да, конечно, дружище! — Джимми говорил твердо, хотя сильно поbledнев.

— Впрочем, может быть, мне не следует говорить ей об этом — даже теперь, — продолжил Джейми; быстро набежавшая тень омрачила его сиявшее радостью лицо. — Я по-прежнему привязан к... этим... — он хлопнул ладонью по лежащим рядом с ним костылям. — Я конечно же не могу забыть тот день в лесу прошлым летом, когда я увидел Поллианну бегущей от быка... Я понял, что мне всегда будет грозить оказаться в такой ситуации, когда девушка, которую я люблю, в опасности, а я не в состоянии спасти ее.

— Но, Кэрю... — торопливо начал Джимми.

Кэрю остановил его жестом.

— Я знаю, что вы хотите сказать. Но не говорите. Вы не можете этого понять. *Вы* не привязаны к двум палкам. *Вы* спасали, не я... Тогда я понял, как это будет всегда со мной и... Сейди. Мне придется стоять в стороне и смотреть, как другие...

— *Сейди* ! — резко перебил его Джимми.

— Ну да, Сейди Дин. Вы, похоже, удивлены. Вы не знали? Разве вы не догадывались... о моих чувствах к Сейди?! — воскликнул Джейми. — Неужели я так хорошо скрывал это? Я старался, но... — Он слабо улыбнулся и безнадежно махнул рукой.

— Да, вы действительно хорошо скрывали это, старина... от меня, во всяком случае! — весело воскликнул Джимми. Кровь снова прилила к его щекам мощным потоком; а глаза стали вдруг очень яркими. — Значит, это Сейди Дин! Отлично! Я поздравляю вас еще раз, поздравляю, поздравляю, как говорит Ненси. — Теперь Джимми просто болтал от радости и

возбуждения, такой глубокий и чудесный отклик вызвало у него открытие, что та, кого любит Джейми, — Сейди, а не Поллианна. Но Джейми вспыхнул и немного печально покачал головой:

— Никаких поздравлений — пока. Понимаете, я еще не говорил... ей. Но я думаю, она, должно быть, догадывается. Я полагал, все догадываются... Но скажите на милость, кто же, по-вашему, это мог быть, если не... Сейди?

Джимми замялся, а затем, немного неожиданно проговорился:

— Ну, я думал, это... Поллианна.

Джейми улыбнулся и поджал губы:

— Поллианна — очаровательная девушка, и я люблю ее... но не той любовью; так же, как и она меня. К тому же, мне кажется, есть еще кое-кто, кому было бы что сказать в связи с этим. Вы не согласны?

Джимми зарделся, как счастливый юноша, знающий, о чем идет речь.

— Вы так думаете? — Он старался сделать свой голос приличествующе бесстрастным.

— Разумеется! Джон Пендлетон.

— *Джон Пендлетон!* — Джимми резко обернулся.

— Что вы тут говорите о Джоне Пендлетоне? — спросил новый голос. К ним с улыбкой подошла миссис Кэрю.

Джимми, в чьих ушах во второй раз за пять минут прозвучал грохот разбивающегося вдребезги мира, едва овладел собой настолько, чтобы негромко приветствовать ее. Но Джейми, без всякого смущения, обернулся к ней с уверенным видом знающего человека.

— Ничего особенного. Просто я только что сказал, что, на мой взгляд, Джон Пендлетон не был бы доволен, если бы услышал о любви Поллианны к кому-либо... кроме него самого.

— *Поллианна! Джон Пендлетон!* — Миссис Кэрю неожиданно опустилась на ближайший стул. Если бы оба молодых человека не были так поглощены собственными делами, они могли бы заметить, что улыбка исчезла с ее лица, а в глазах появилось странное, чуть ли не испуганное, выражение.

— Разумеется! — заверил Джейми. — Неужели вы оба были так слепы прошлым летом? Вспомните, сколько времени он проводил с ней.

— Мне казалось, он проводил много времени со... всеми нами, — немного неуверенно пробормотала миссис Кэрю.

— Не столько, сколько с Поллианной, — настаивал Джейми. — А тот день — вы забыли? — когда мы говорили о том, почему Джон Пендлетон неженат, и Поллианна краснела и заикалась, а потом наконец сказала, что

он собирался жениться... однажды. Ну, и я задумался тогда, нет ли между ними чего-нибудь. Разве вы не помните?

— Д-да, кажется, припоминаю... теперь, когда ты заговорил об этом, — все так же негромко пробормотала миссис Кэрю. — Но прежде я... совсем забыла об этом.

— Но я могу объяснить это, — вмешался Джимми, облизнув пересохшие губы. — Джон Пендлетон действительно был влюблен однажды, но не в Поллианну, а в ее мать.

— В мать Поллианны! — В удивлении воскликнули одновременно два голоса.

— Да. Он был влюблен в нее много лет назад, но, как я понимаю, она не отвечала ему взаимностью. У нее был другой возлюбленный — молодой священник, и она вышла замуж за него, то есть за отца Поллианны.

— О-о-о! — выдохнула миссис Кэрю, вдруг подавшись вперед на своем стуле. — И поэтому он... никогда не женился?

— Да, — подтвердил Джимми. — Так что, видите, по существу здесь нет ничего такого, что подтверждало бы это предположение... о его любви к Поллианне. Он любил ее мать.

— Напротив, я думаю, это только подтверждает мое предположение, — покачав головой, заявил Джейми с проницательным видом. — Вот послушайте. Когда-то он любил мать. Он не мог на ней жениться. Разве не вполне естественно, что теперь он любит дочь... и добивается взаимности?

— Ах, Джейми, ты неисправимый выдумщик! — упрекнула его миссис Кэрю с нервным смешком. — Это не дешевый любовный роман. Это реальная жизнь. Поллианна слишком молода для него. Ему следовало бы жениться на женщине зрелого возраста, а не на девушке... то есть, если бы он собрался жениться, я хочу сказать, — поправилась она, неожиданно залившись краской.

— Возможно; но что, если ему случилось полюбить девушку? — упрямо возразил Джейми. — И право же, только задумайтесь... Получили ли мы хоть одно письмо от нее, в котором не говорилось бы о том, что он только что был у нее? И вы же знаете, как он всегда говорит о Поллианне в своих письмах.

Миссис Кэрю неожиданно встала.

— Да, я знаю, — пробормотала она со странным жестом, словно отбрасывая в сторону что-то неприятное. — Но... — она не договорила, а чуть позже вышла из комнаты. Вернувшись минут через пять, она, к своему немалому удивлению, обнаружила, что Джимми ушел.

— Как! А я думала, он собирается ехать с нами на пикник для девушек! — воскликнула она.

— Я тоже так думал, — слегка нахмурился Джейми. — Но не успел я оглянуться, как он уже оправдывался, или извинялся, или что-то в этом роде и говорил, что ему необходимо срочно куда-то ехать и он пришел сказать вам, что не может быть на пикнике. Во всяком случае, не успел я оглянуться, как он ушел. Боюсь, — глаза Джейми опять засияли, — я не помню точно, что он сказал. Мои мысли были заняты другим. — И он с торжеством положил перед ней два письма, которые все это время так и не выпускал из рук.

— О, Джейми! — прошептала миссис Кэрю, прочитав оба письма. — Как я горжусь тобой! — Затем ее глаза вдруг наполнились слезами при виде неопишуемого восторга, озарившего лицо Джейми.

Глава 29

ДЖИММИ И ДЖОН

Очень решительный, с упрямо выдвинутым подбородком, молодой человек вышел из поезда поздно вечером в ту субботу на станции в Белдингсвилле. И еще более решительный, с еще более упрямо выдвинутым подбородком, прошеествовал он на следующее утро по улочкам по-воскресному тихого городка и поднялся на холм, где стоял дом Харрингтонов. Заметив исчезающее в эту минуту в беседке хорошо знакомое и любимое кольцо льняных волос на красиво посаженной головке, молодой человек пренебрег традиционными парадной дверью и звонком, пересек лужайку и зашагал по садовым дорожкам, пока не очутился лицом к лицу с обладательницей кольца льняных волос.

— Джимми! — ахнула Поллианна, отступая назад и испуганно глядя на него. — Да откуда ты... взялся?

— Из Бостона. Приехал вчера вечером. Мне нужно было увидеть тебя, Поллианна.

— Увидеть... м-меня? — Поллианна явно пыталась выиграть время, чтобы вернуть себе самообладание. Джимми казался таким большим и сильным, и *милым* здесь, в дверях беседки, что застигнутая врасплох, она боялась, не заметно ли в ее глазах предательское восхищение, если не больше.

— Да. Я хотел... то есть я думал... я хочу сказать, я боялся... Ох, Поллианна, не могу я ходить вокруг да около! Мне придется сказать сразу о главном. Дело вот в чем. Прежде я стоял в стороне, но теперь не желаю. Речь больше не идет о справедливости. Я не инвалид, как Джейми. У него руки, ноги и голова, как у меня, и если он выиграет, то лишь в честной борьбе. У *меня* есть свои права!

Поллианна смотрела на него в непритворном изумлении:

— Джимми Бин-Пендлетон, да о чем, скажи на милость, ты говоришь?

Молодой человек смущенно засмеялся:

— Неудивительно, что ты не понимаешь. Мне и самому это было не очень понятно до вчерашнего дня, когда я наконец узнал все от самого Джейми.

— Узнал... от Джейми?

— Да. Началось с приза. Понимаешь, он только что получил приз на

конкурсе и...

— Ах, я знаю! — с жаром перебила Поллианна. — Замечательно, правда? Подумать только! Первый приз, три тысячи долларов! Я написала ему письмо вчера вечером. Да как только я увидела его имя и поняла, что это Джейми — *наш Джейми* ! — я пришла в такой восторг, что совершенно забыла поискать свое имя, и даже потом, когда я вовсе не нашла своего и поняла, что не получила никакого... я хочу сказать, я была так взволнована и рада за Джейми, что... что забыла... все остальное, — поправилась Поллианна, бросив испуганный взгляд на лицо Джимми и лихорадочно стараясь как-то затушевать свое частичное признание. Однако Джимми был слишком поглощен собственными трудностями, чтобы обращать внимание на трудности Поллианны.

— Да-да, это все, конечно, прекрасно. Я рад, что он получил приз. Но, Поллианна, я имел в виду не это, а то, что он сказал потом. Понимаешь, до этого я думал... что он любит... что ты любишь... ну, то есть друг друга, и...

— Ты думал, что Джейми и я любим друг друга?! — воскликнула Поллианна, чье лицо медленно заливал нежный, стыдливый румянец. — Что ты, Джимми! Это Сейди Дин. Это всегда была Сейди Дин. Он говорил со мной о ней целыми часами. Я думаю, что ей он тоже нравится.

— Отлично! Надеюсь, что это так. Но, понимаешь, я-то ведь не знал. Я думал, это... Джейми и ты. И я думал, что так как он... калека, понимаешь, было бы нечестно, если бы я... оставался поблизости и старался сам завоевать твою любовь.

Поллианна вдруг наклонилось и подняла листик, лежавший у ее ног. Когда она выпрямилась, ее лицо было повернуто в сторону. Джимми продолжил:

— Человек не может... понимаешь, не может чувствовать, что поступает честно, если его соперник с самого начала в невыгодном положении. Так что я... просто встал в стороне и дал ему шанс, хотя это почти разбивало мне сердце, девочка моя. Прямо-таки разбивало! А вчера утром я узнал правду. Но я узнал и еще кое-что. Джейми говорит, что здесь... есть еще кое-кто. Но, Поллианна, ради *этого* человека я не буду стоять в стороне. Я не могу... даже несмотря на все, что он сделал для меня. У Джона Пендлетона, как у меня, есть две здоровых ноги для этой гонки, и ему придется попытаться счастье и примириться со своей судьбой. Но если ты любишь его... если ты действительно любишь его...

Но Поллианна обернулась к нему с безумным взглядом.

— *Джон Пендлетон!* Джимми, что это значит? Что такое ты говоришь

о Джоне Пендлетоне?

Глубокая радость озарила лицо Джимми. Он протянул обе руки к девушке.

— Значит, ты... ты его не любишь! Я вижу по твоим глазам, что ты не любишь!

Поллианна отпрянула. Она было бледна и почти дрожала.

— Джимми, о чем ты говоришь? О чем ты говоришь? — жалобно повторяла она.

— Я говорю... что ты не влюблена в дядю Джона. Как ты не понимаешь? А Джейми думает, что ты влюблена... и что уж он-то точно влюблен в тебя. Ну, и я тоже начал думать об этом... и, может быть, он и вправду влюблен. Он всегда говорит о тебе, и потом была твоя мама...

У Поллианны вырвался приглушенный стон; она закрыла лицо руками. Джимми подошел к ней и ласково обнял ее за плечи, но Поллианна снова отпрянула.

— Поллианна, девочка моя, не надо! Ты разбиваешь мне сердце, — умолял он. — Разве ты не любишь меня... *совсем* ? Не любишь и не хочешь сказать мне об этом?

Она уронила руки и взглянула ему в лица. В ее глазах было отчаянное выражение загнанного зверька.

— Джимми, а ты думаешь... он... влюблен в меня? — спросила она почти шепотом.

Джимми нетерпеливо встряхнул головой:

— Это не важно... теперь. Конечно же я не знаю точно. Откуда мне знать? Но, дорогая, дело не в этом. Все дело в тебе. Если *ты* не любишь его и если ты только дашь мне шанс, полшанса добиться того, чтобы ты полюбила меня... — Он поймал ее за руку и попытался притянуть к себе.

— Нет-нет, Джимми! Я не должна! Я не могу! — Обеими ладонями она оттолкнула его от себя.

— Поллианна, не хочешь же ты сказать, что все-таки *любишь* его? — Лицо Джимми побледнело.

— Нет... честное слово, нет... не в таком смысле, — запинаясь, пробормотала Поллианна. — Но... разве ты не понимаешь?.. Если он любит меня, мне придется... постараться полюбить его... каким-то образом.

— Поллианна !

— Не смотри на меня так, Джимми!

— Ты хочешь сказать, что вышла бы за него замуж?

— Ох, нет!... Я хочу сказать... ну... э-э... д-да, думаю, что да, — тихо

призналась она.

— Нет, ты не вышла бы! Ты не смогла бы! Поллианна, ты... ты разбиваешь мне сердце!

Поллианна негромко всхлипнула, снова закрыв лицо руками. С минуту она сдавленно рыдала, потом, с трагическим жестом, подняла голову и посмотрела прямо в страдальческие, полные упрека глаза Джимми.

— Я знаю, знаю, — возбужденно забормотала она. — И свое я тоже разбиваю... Но мне придется это сделать. Я готова разбить свое сердце, я готова разбить твое... но я никогда не разобью его сердце!

Джимми вскинул голову. Его глаза вспыхнули неожиданным огнем. Весь его вид вдруг удивительно изменился. С нежным и торжествующим возгласом он схватил Поллианну в объятия и, притянув к себе, зашептал ей на ухо:

— Теперь я знаю, что ты меня любишь! Ведь ты сказала, что разбиваешь этим и свое сердце. Неужели ты думаешь, что я тебя теперь кому-то уступлю? Ах, дорогая, плохо же ты представляешь себе такую любовь, как моя, если думаешь, что я откажусь от тебя теперь! Поллианна, скажи, что ты любишь меня... ну, скажи это твоими собственными милыми губками!

Одну долгую минуту Поллианна оставалась, не сопротивляясь, в яростно нежном кольце сильных рук, затем со вздохом отчасти удовлетворения, отчасти самоотречения начала высвобождаться из этого кольца.

— Да, Джимми, я люблю тебя. — Кольцо рук стало теснее и притянуло бы ее назад, к его груди, если бы что-то в выражении ее лица не сделало это невозможным. — Я горячо люблю тебя. Но я не могла бы быть счастлива с тобой, чувствуя, что, Джимми, дорогой, неужели ты не понимаешь? Сначала я должна узнать... что я свободна.

— Глупости! Конечно же ты свободна! — В глазах Джимми опять появилось возмущенное выражение.

Поллианна покачала головой:

— Нет, пока это нависает надо мной. Разве ты не понимаешь? Это моя мама разбила когда-то его сердце... *моя мама*. В результате все эти годы он провел в одиночестве, без любви. И если бы теперь он пришел ко мне и попросил возместить ему все это, мне пришлось бы согласиться, Джимми. *Пришлось бы*. Я не смогла бы отказать! Разве ты не понимаешь?

Но Джимми не понимал, не мог понять. Он не желал понимать, хотя Поллианна приводила доводы и спорила, долго и со слезами. Однако она тоже была упряма, хотя при этом так мила и так убита горем, что Джимми,

несмотря на душевную боль и негодование, чувствовал, как превращается чуть ли не в утешителя.

— Джимми, дорогой, — сказала она наконец, — нам придется подождать. Это все, что я могу сказать сейчас. Я надеюсь, что он не любит, и я... я не верю, чтобы он любил меня. Но я должна знать. Я должны быть уверена. Нам просто придется немного подождать, пока мы все выясним, Джимми... пока мы все выясним!

И на это Джимми пришлось, хотя и с мятежным чувством в душе, согласиться.

— Хорошо, девочка моя, будь по-твоему, — с безнадежностью в голосе сказал он. — Я уверен, никогда еще ни одного мужчину не заставляли ждать, пока девушка, которую он любит и которая любит его, выяснит, не хочет ли жениться на ней другой мужчина!

— Я знаю, но, дорогой, никогда еще тот, другой мужчина не хотел жениться на ее матери, — вздохнула Поллианна, озабоченно нахмурясь.

— Хорошо; я, конечно, вернусь в Бостон, — неохотно уступил Джимми. — Но не думай, что я отказался от этой мысли... потому что я не отказался. И не откажусь, так как знаю, что ты действительно любишь меня, дорогая, — заключил он со взглядом, заставившим ее с трепетом отступить, чтобы не оказаться снова в его объятиях.

Глава 30 ДЖОН ПЕНДЛЕТОН ПОВОРАЧИВАЕТ КЛЮЧ

В тот вечер Джимми вернулся в Бостон в состоянии, представлявшем собой весьма мучительное сочетание радости, возросших надежд и мятежных чувств. В Белдингсвилле он оставил девушку, которая была в едва ли более завидном расположении духа, поскольку Поллианна, трепеща от счастья при чудесной мысли о любви к ней Джимми, была в то же время так отчаянно напугана предположениями о любви Джона Пендлетона, что в ее душе не было трепета радости, к которому не примешивалась бы боль страха.

Однако, к счастью для всех заинтересованных лиц, такое положение длилось недолго. Случилось так, что Джон Пендлетон, державший, сам о том не ведая, в своих руках ключ к ситуации, менее чем через неделю после неожиданного визита Джимми в Белдингсвилл повернул этот ключ в замке и открыл дверь сомнения.

Был четверг, вторая половина дня, когда Джон Пендлетон зашел повидать Поллианну. По случайному совпадению, он, как и Джимми, увидел ее в саду и направился прямо к ней.

Глядя в его лицо, Поллианна почувствовала, как у нее вдруг упало сердце.

«Вот оно!.. Вот оно!» — И, задрожав, она невольно повернулась, словно для того, чтобы убежать.

— Поллианна, подожди минутку, пожалуйста! — окликнул ее мужчина, ускоряя шаг. — Тебя-то я и хотел видеть. Не можем ли мы присесть здесь? — предложил он, сворачивая к беседке. — Я хочу поговорить с тобой.

— Д-да, конечно, — запинаясь, отозвалась Поллианна с наигранной веселостью. Она чувствовала, что краснеет, хотя именно теперь ей особенно не хотелось краснеть. В довершение всего он еще и выбрал местом разговора беседку, которая для Поллианны была освящена дорогими ее сердцу воспоминаниями о Джимми. «И подумать только, что это произойдет здесь... здесь!» — отчаянно содрогалась она, но вслух сказала все так же весело: — Чудесный вечер, правда?

Джон Пендлетон не ответил; он вошел в беседку и опустился на скамью, даже не дожидаясь, пока сядет Поллианна — весьма необычное для

Джона Пендлетона поведение. Поллианна, украдкой бросив на него взволнованный взгляд, увидела суровое, мрачное выражение лица, столь поразительно похожее на хорошо знакомое ей по детским воспоминаниям, что она невольно вскрикнула.

По-прежнему Джон Пендлетон не обращал на нее внимания. По-прежнему угрюмо сидел он, погруженный в раздумья. Наконец он поднял голову и мрачно посмотрел прямо в испуганные глаза Поллианны.

— Поллианна.

— Да, мистер Пендлетон.

— Помнишь, каким я был, когда ты впервые встретила меня десять лет назад?

— Д-да; думаю, что да.

— Восхитительно приятным образчиком человечества я был, не правда ли?

Несмотря на все свое смятение, Поллианна слабо улыбнулась.

— Вы... вы нравились мне, сэр. — Только произнеся эти слова, Поллианна осознала, какое впечатление они могут произвести. Ей отчаянно захотелось взять их обратно или изменить, и она чуть не добавила: «То есть, я хочу сказать, вы нравились мне тогда!», но остановилась как раз вовремя: разумеется, это «тогда» ничуть не помогло бы делу. Она со страхом ждала следующих слов Джона Пендлетона. И они прозвучали почти сразу же.

— Я знаю это... видит Бог! И это было для меня спасением. Я все спрашиваю себя, смогу ли я когда-нибудь дать тебе понять, что сделали для меня твоя детская доверчивость и любовь.

Поллианна смущенно запротестовала, но он с улыбкой отмел ее возражения:

— Да, именно так. Это сделала ты и никто иной... Я хотел бы знать, помнишь ли ты еще об одном, — продолжал мужчина после минутного молчания, во время которого Поллианна украдкой, но с тоской посматривала на дверь. — Помнишь ли ты, как я сказал тебе однажды, что ничто, кроме женской руки и сердца или присутствия ребенка, не может создать дом.

Поллианна почувствовала, как кровь бросилась ей в лицо.

— Д-да, н-нет... то есть да, я помню, — заикалась она, — но я... теперь не думаю, что это всегда так. Я хочу сказать... то есть я уверена, что ваш дом теперь... хорош такой, какой есть, и...

— Именно о своем доме я и говорю, детка, — нетерпеливо перебил ее мужчина. — Ты знаешь, Поллианна, какой дом я однажды надеялся создать

и как те надежды рассыпались прахом. Не думай, дорогая, будто я в чем-то виню твою мать. Нет. Она просто повиновалась голосу сердца, что было совершенно правильно. Во всяком случае, ее выбор был вполне разумным, что подтвердилось тем, какой мрачной пустыней сделал я свою жизнь после пережитого разочарования. И все же, Поллианна, разве не странно, — добавил Джон Пендлетон голосом, становившимся все нежнее, — разве не странно, что именно маленькая ручка ее дочери вывела меня в конце концов на тропу счастья.

Поллианна судорожно облизнула пересохшие губы.

— Ах, но, мистер Пендлетон, я... я...

И снова мужчина с улыбкой отмел ее возражения.

— Да, это была твоя маленькая ручка... ты и твоя игра «в радость».

— О-о-о! — Поллианна явно вздохнула с облегчением и стала менее напряженной. Ужас в ее глазах начал медленно отступать.

— И вот так все эти годы я постепенно становился другим человеком. Но есть одно, в чем я не изменился, дорогая. — Он сделал паузу, а затем серьезно и нежно взглянул ей в лицо: — Я по-прежнему думаю, что нужны женская рука и сердце или присутствие ребенка, чтобы создать дом.

— Д-да, но у вас есть п-присутствие ребенка, — возразила Поллианна; выражение ужаса снова появилось в ее глазах. — Ведь у вас есть Джимми.

Мужчина весело рассмеялся:

— Я знаю, но... мне кажется, даже ты не станешь утверждать, что Джимми все еще... такой уж ребенок .

— Н-нет, конечно нет.

— Кроме того... Поллианна, я решился. Я должен получить женскую руку и сердце. — Его голос упал и чуть заметно дрогнул.

— Ох... да? — Руки Поллианны встретились, пальцы судорожно переплелись.

Но Джон Пендлетон, казалось, ничего не слышал и не видел. Он вскочил на ноги и в волнении расхаживал взад и вперед по беседке.

— Поллианна, — он остановился и посмотрел ей в лицо, — если... если бы ты была на моем месте и собиралась попросить женщину, которую любишь, прийти и сделать твою старую грудку серых камней настоящим домом, как бы ты взялась за это?

Поллианна привстала; ее глаза искали дверь — на этот раз открыто, жадно.

— Ох... но, мистер Пендлетон, я не стала бы этого делать совсем, совсем, — запинаясь, возразила она немного возбужденно. — Я уверена, вы были бы... гораздо счастливее... если бы все осталось, как есть.

Мужчина уставился на нее с озадаченным выражением, затем невесело усмехнулся.

— Ну и ну, Поллианна, неужто дело так плохо?

— П-плохо? — У Поллианны был такой вид, как будто она уже приготовилась к бегству.

— Да. Ты хочешь таким способом смягчить удар, чтобы не говорить прямо, что, на твой взгляд, она все равно ответила бы мне отказом?

— О н-нет, право же, нет. Она сказала бы «да»... ей *пришлось бы* сказать «да», — объясняла Поллианна с горячностью, вызванной страхом. — Но я думаю... я хочу сказать, мне кажется, что если... если бы эта девушка не любила вас, вы были бы счастливее без нее, и... — Увидев выражение, появившееся на лице Джона Пендлетона, Поллианна внезапно умолкла.

— Она не была бы нужна мне, если бы не любила меня, Поллианна.

— Да, я тоже так думаю. — Взгляд Поллианны стал чуть менее тревожным.

— К тому же случилось так, что это не девушка, — продолжил Джон Пендлетон. — Это зрелая женщина, которая, вероятно, знает, чего хочет. — Голос мужчины звучал серьезно и немного укоризненно.

— А-ах! Ах! — воскликнула Поллианна; проблеск надежды в ее глазах вдруг превратился в яркую вспышку невыразимой радости и облегчения. — Значит, вы любите кого-то... — Почти нечеловеческим усилием она подавила слово «другого», прежде чем оно слетело с ее восхищенных уст.

— «Люблю кого-то»? Разве я только что не сказал тебе, что люблю? — не без досады засмеялся Джон Пендлетон. — Что я хочу знать, это... можно ли сделать так, чтобы она полюбила меня? И тут я вроде как... рассчитываю на твою помощь, Поллианна. Ведь она твоя близкая подруга.

— Да? Тогда она просто должна будет полюбить вас! — ворковала ликующая Поллианна. — Мы заставим ее! А может быть, она вас уже любит. Кто она?

Была долгая пауза, прежде чем прозвучал ответ.

— Пожалуй, Поллианна, я все же не... Да, я скажу. Это — ты не догадываешься? — миссис Кэрю.

— Ах! — прошептала Поллианна с выражением безоблачного счастья. — Просто чудесно! Я так рада, *рада*, РАДА!

Час спустя Поллианна отправила Джимми письмо. Оно был сбивчивым и несвязным — ряд незаконченных, нелогичных, но смущенно

радостных фраз, из которых Джимми понял многое: мало из того, что было написано; больше из того, что осталось ненаписанным. В конце концов, нужно ли ему было что-то еще, кроме этого?

«Джимми, он меня ни чуточки не любит. А любит другую. Я не должна говорить тебе, кто она, но ее зовут не Поллианной».

У Джимми оставалось ровно столько времени, сколько было нужно, чтобы успеть на семичасовой поезд, идущий в Белдингсвилл... и он успел на этот поезд.

Глава 31

ЧЕРЕЗ МНОГО ЛЕТ

Отправив письмо Джимми, Поллианна была так счастлива, что просто не могла не поделиться с кем-нибудь своей радостью. Перед тем как лечь спать, она обычно заходила в спальню тетки — узнать, не нужно ли той что-нибудь. В этот вечер после обычных вопросов и уже повернувшись, чтобы погасить свет, она, охваченная внезапным порывом, приблизилась к теткойной постели и, чуть задыхаясь, опустилась на колени.

— Тетя Полли, я так счастлива, что просто должна кому-нибудь рассказать... Я хочу рассказать тебе. Можно?

— Рассказать мне? О чем, детка? Конечно, можешь рассказать. Ты думаешь, это хорошие новости... для *меня* ?

— Да, дорогая; надеюсь, что так, — покраснела Поллианна. — Надеюсь, ты *обрадуешься* ... немного, за меня. Конечно, потом Джимми скажет тебе все сам, как полагается. Но я захотела сказать тебе первая.

— Джимми! — Выражение лица миссис Чилтон заметно изменилось.

— Да, тогда... тогда он... он попросит у тебя моей руки, — неуверенно продолжила Поллианна, заливаясь ярким румянцем. — Ах, я так рада, я просто *должна* была сказать тебе об этом!

— Попросит твоей руки! Поллианна! — Миссис Чилтон приподнялась в постели. — Не хочешь же ты сказать, что у тебя что-то *серьезное* с... Джимми Бином?

Поллианна в ужасе отпрянула.

— Но, тетечка, я думала, тебе *нравится* Джимми.

— Нравится... на своем месте. Но это место отнюдь не место мужа моей племянницы.

— *Тетя Полли!*

— Ну, ну, детка, не смотри так возмущенно. Все это сущий вздор, и я рада, что могу положить этому конец, прежде чем дело пойдет далеко.

— Но, тетя Полли, оно *зашло* далеко, — дрожащим голосом продолжила Поллианна. — Я... я уже лю... чувствую, что он мне дорог... очень.

— Тогда тебе придется забыть это чувство, так как никогда, никогда я не дам своего согласия на твой брак с Джимми Бином.

— Но *п-почему*, тетечка?

— Прежде всего потому, что мы о нем ничего не знаем.

— Да что ты, тетя Полли, мы всегда знали его, еще с тех пор, когда я была маленькой девочкой!

— Да; и кем он был? Маленьким неотесанным беглецом из сиротского приюта! Мы абсолютно ничего не знаем о его семье и происхождении.

— Но я выхожу замуж не за его с-семью и происхождение!

С раздраженным вздохом тетя Полли снова опустилась на подушки.

— Поллианна, из-за тебя я делаюсь прямо-таки больной. Сердце у меня стучит как паровой молот. Я глаз не сомкну в эту ночь. Неужели ты не можешь оставить этот разговор до утра?

Поллианна мгновенно оказалась на ногах; ее лицо выражало самое искреннее раскаяние:

— Да... да, конечно, тетечка! А завтра ты посмотришь на это по-другому, я уверена. Да-да, я уверена, — повторила она с надеждой в голосе, поворачиваясь, чтобы погасить свет. Но утром тетя Полли не «посмотрела на это по-другому». Ее сопротивление этому браку стало, пожалуй, даже еще более решительным. Напрасно Поллианна убеждала и спорила. Напрасно объясняла она, что от этого всецело зависит ее счастье. Тетя Полли была неумолима. Она и слышать ничего не желала. Она сурово напомнила Поллианне о возможности существования наследственных пороков и предупредила ее об опасностях, которые могут подстергать ее, если она породнится через брак с неизвестно какой семьей. Под конец она даже воззвала к ее чувству долга и благодарности, напомнив о нежной заботливости, которая столько лет окружала ее в теткинском доме, и жалостно умоляла не разбивать ей сердце этим браком, как разбила его много лет назад мать Поллианны.

Когда в десять часов Джимми с радостным лицом и сияющими глазами пришел в дом Харрингтонов, его встретила испуганная, сотрясающаяся от рыданий Поллианна, которая безуспешно пыталась дрожащими руками отстранить его. С побелевшим лицом, но крепко держа ее в дерзко нежных объятиях, он потребовал объяснений:

— Поллианна, дорогая, что, скажи на милость, это значит?

— Ох, Джимми, Джимми, зачем ты пришел зачем? Я собиралась сразу же написать тебе и все рассказать, — простонала Поллианна.

— Но ты же написала мне, дорогая! Я получил твое письмо вчера вечером, как раз вовремя, чтобы успеть на поезд.

— Нет, нет... написать *еще раз*, я хочу сказать... Тогда я еще не знала, что я... я не могу...

— Не можешь! Поллианна! — Его глаза зажглись суровым гневом. —

Уж не хочешь ли ты сказать мне, что есть *еще* кто-то, кто любит тебя, и поэтому ты решила снова заставить меня ждать? — спросил он, отодвинув ее от себя на расстояние вытянутой руки.

— Нет, нет, Джимми. Не смотри на меня так. Я этого не вынесу!

— Тогда в чем же дело? Чего ты не можешь?

— Не могу... выйти за тебя замуж.

— Поллианна, ты любишь меня?

— Да. Ох, д-да.

— Тогда ты выйдешь за меня! — с торжеством заявил Джимми, снова заключая ее в объятия.

— Нет, нет, Джимми, ты не понимаешь. Это... из-за тети Полли, — вырывалась из его рук Поллианна.

— *Тетя Полли!*

— Да. Она... не позволит мне.

— Хо! — Джимми вскинул голову. — Это мы уладим. Она думает, что лишится тебя, но мы просто напомним ей, что она получит... нового племянника! — заключил он с шутливой важностью. Но Поллианна не улыбнулась. Она безнадежно покачала головой.

— Нет, нет, Джимми, ты не понимаешь! Она... она... ох, как мне сказать это тебе? Она считает, что... *ты* ... не пара... *мне* .

Объятия Джимми стали не такими крепкими, в глазах появилось серьезное выражение.

— Что ж, я, пожалуй, не могу винить ее за это. Конечно, во мне нет ничего... необыкновенного, — смущенно признал он. — Но все же, — он с любовью смотрел на нее, — я постарался бы сделать тебя счастливой, дорогая.

— И сделал бы! Я знаю, что сделал бы! — чуть не плача, убежденно заявила Поллианна.

— Тогда почему не дать мне возможность попытаться, Поллианна, пусть даже она... не совсем одобрительно отнесется к этому на первых порах? Может быть, со временем, после того как мы поженимся, нам удастся склонить ее на свою сторону.

— Но я не смогла бы... не смогла бы поступить так, — простонала Поллианна, — после того, что она сказала. Я не смогла бы... без ее согласия. Понимаешь, она так много сделала для меня и теперь так рассчитывает на мою помощь. Она далеко не здорова сейчас, Джимми. И право же, последнее время она была такой... такой любящей и так усердно старалась... играть в игру, несмотря на все свои беды. И она... она плакала, Джимми, и умоляла меня не разбивать ей сердце... как когда-то разбила

мама. И... и, Джимми, я... я просто не могла бы отказать ей после всего, что она для меня сделала. — Поллианна на мгновение умолкла, а затем, заливаясь яркой краской, снова заговорила прерывающимся голосом: — Джимми, если бы ты... если бы ты только мог сказать тете Полли что-нибудь о... о твоём отце и твоих родственниках, и...

Руки Джимми вдруг опустились. Он немного отступил назад. Его лицо побледнело.

— Да. — Поллианна шагнула к нему и робко коснулась его руки. — Не думай... это не для меня, Джимми. Мне все равно. Да я и не сомневаюсь, что твой отец и твои родственники были прекрасные и благородные люди, потому что *ты* такой хороший и благородный. Но она... Джимми, не смотри на меня так!

Но Джимми, негромко застонав, отвернулся от нее, а минуту спустя, бросив лишь несколько невнятных слов, которых она не поняла, покинул дом.

От Поллианны Джимми направился прямо домой и разу же разыскал Джона Пендлетона. Он нашел его в большой библиотеке с темно-красными портьерами, где когда-то Поллианна со страхом озиралась по сторонам, ожидая увидеть «скелет в шкафу».

— Дядя Джон, вы помните тот пакет, который дал мне отец?

— Ну да, конечно. В чем дело, сынок? — При виде лица Джимми Джон Пендлетон вздрогнул от неожиданности.

— Этот пакет придется распечатать, сэр.

— Но... условие, которое поставил твой отец!

— Я ничего не могу поделать. Пакет придется вскрыть. Вот и все. Вскройте его, пожалуйста.

— Ну что ж, мой мальчик, конечно, если ты настаиваешь, но... — Он в нерешительности умолк.

— Дядя Джон, как вы, возможно, догадались, я люблю Поллианну. Я попросил ее стать моей женой, и она согласилась. — У его собеседника вырвалось радостное восклицание, но молодой человек продолжал говорить все с тем же сурово сосредоточенным выражением. — Теперь она говорит, что не может... выйти за меня. Миссис Чилтон возражает. Она считает, что я не пара Поллианне.

— Ты ... не пара?! — Глаза Джона Пендлетона вспыхнули гневом.

— Да. Я узнал причину, когда... когда Поллианна попросила меня сказать ее тетке что-нибудь о... о моем отце и моих родственниках.

— Что за чушь! Я думал, у Полли Чилтон больше здравого смысла...

Впрочем, это на нее очень похоже. Харрингтоны всегда безмерно гордились своим происхождением и родней, — раздраженно заметил Джон Пендлетон. — Ну, и ты смог сказать?

— Смог ли? На языке у меня уже вертелось, что не могло быть отца лучше моего, но тут я вдруг вспомнил о пакете и о том, что на нем написано. И я испугался. Я не посмел сказать ни слова, пока не узнаю, что в этом пакете. Отец не хотел, чтобы я узнал это, пока мне не будет тридцать... пока я не буду взрослым человеком, способным вынести любой удар. Понимаете? Есть какая-то тайна в его и моей жизни. Я должен узнать эту тайну и узнать прямо сейчас.

— Но, Джимми дружок, не смотри так скорбно. Может быть, это хорошая тайна. Вдруг это окажется что-то такое, что тебе будет приятно узнать.

— Может быть... Но если бы это было так, разве захотел бы он скрывать это от меня, пока мне не исполнится тридцать? Нет, дядя Джон! Это было что-то, от чего он пытался оградить меня, пока я не буду достаточно взрослым, чтобы вынести все не дрогнув. Поймите, я не виню отца. Что бы это ни было, он просто не мог ничего предотвратить, я ручаюсь. Но *что* это было, я все же должен узнать. Пожалуйста, принесите пакет. Вы помните, он у вас в сейфе.

Джон Пендлетон немедленно встал:

— Сейчас принесу.

Три минуты спустя пакет уже был в руках Джимми, но юноша тут же протянул его Джону Пендлетону:

— Лучше уж вы прочтите, сэр. А потом скажете мне.

— Но, Джимми, я... хорошо. — Решительным жестом Джон Пендлетон взял нож для разрезания бумаги, вскрыл конверт и извлек из него все его содержимое. Там была перевязанная ленточкой пачка бумаг и, отдельно, свернутый лист, очевидно письмо. Его-то Джон Пендлетон развернул и прочел первым делом. Пока он читал, Джимми, затаив дыхание, следил за его лицом. Он увидел, как на этом лице появилось вдруг выражение удивления, радости и чего-то еще, чему он не мог найти названия.

— Дядя Джон, что там? Что там?

— Читай сам, — ответил мужчина, сунув письмо в протянутую руку юноши. А Джимми прочел следующее:

"Прилагаемые документы, подтверждают, что мой сын Джимми Бин — в действительности, Джеймс Кент, сын Джона Кента и Дорис

Уэтерби, дочери Уильяма Уэтерби из Бостона. Здесь также и письмо, в котором я объясняю моему сыну, почему все эти годы я прятал его от семьи его матери. Если этот пакет будет вскрыт по достижении тридцати лет, он прочтет это письмо и, я надеюсь, простит отца, который боялся совершенно потерять своего мальчика и потому решился на такие крайние меры, чтобы сохранить его для себя. Если же этот пакет будет вскрыт посторонними людьми по причине смерти моего сына, я прошу немедленно известить о случившемся родственников его матери в Бостоне и передать им в целостности и сохранности приложенные документы.

Джон Кент".

Бледный и потрясенный, Джимми поднял глаза и встретился взглядом с Джоном Пендлетоном.

— Значит, я... пропавший... Джейми? — неуверенно произнес он.

— Здесь сказано, что у тебя есть документы, подтверждающие это, — кивнул мужчина.

— Племянник миссис Кэрю...

— Разумеется.

— Но как... что... я не могу это осознать! — Последовала небольшая пауза, прежде чем лицо Джимми вспыхнуло новой радостью. — Теперь я знаю, кто я! И могу сказать миссис Чилтон кое-что о моих родственниках.

— Смею думать, что да, — сухо отозвался Джон Пендлетон. — Бостонские Уэтерби могут изложить свою родословную от времен крестоносцев, а то и от сотворения мира. Это должно ее удовлетворить. Что же до твоего отца, он тоже из хорошей семьи, как говорила мне миссис Кэрю, хотя и был довольно оригинальным человеком и не нравился семье жены, как тебе, конечно, уже известно.

— Да. Бедный отец! Что за жизнь он, должно быть, вел со мной все те годы, вечно боясь погони. Теперь я могу понять многое из того, что прежде озадачивало меня. Как-то раз одна женщина назвала меня «Джейми». Как он рассердился! Теперь-то я знаю, почему он увел меня оттуда в тот же вечер, даже не дождавшись ужина. Бедный отец! Это было незадолго до того, как он заболел. Он не мог двинуть ни рукой, ни ногой, а вскоре уже не мог и внятно говорить. Что-то затрудняло его речь. Я помню, когда он умирал, то попытался сказать мне что-то об этом пакете. Теперь я думаю, что он велел мне распечатать его и пойти к родственникам моей матери, но тогда я решил, что он просто наказывает мне хранить его. Это я ему и обещал, но тем его отнюдь не утешил. Он, похоже, только разволновался

еще больше. Бедный отец!

— Давай-ка заглянем в эти документы, — предложил Джон Пендлетон. — Кроме того, как я понял, здесь письмо к тебе от твоего отца. Ты не хочешь прочитать его?

— Конечно хочу. А еще, — молодой человек смущенно засмеялся и бросил взгляд на часы, — я подумал о том, как скоро я смогу вернуться... к Поллианне.

Джон Пендлетон задумчиво нахмурился. Он взглянул на Джимми, помедлил, а затем заговорил:

— Я знаю, тебе хочется увидеть Поллианну, дружок, и я не осуждаю тебя; но мне кажется, что в данных обстоятельствах тебе следует сначала поехать к миссис Кэрю и взять с собой это. — Он похлопал по лежавшим перед ним бумагам.

Джимми сдвинул брови и задумался.

— Хорошо, сэр, я поеду, — согласился он, смирившись с необходимостью.

— И если ты не возражаешь, я хотел бы поехать с тобой, — немного неуверенно продолжил Джон Пендлетон. — Я... у меня есть собственное небольшое дело к... твоей тетушке. Что, если мы отправимся сегодня в три часа?

— Отлично! Поедем вместе, сэр. Значит, я Джейми! Я все еще не могу это постигнуть! — воскликнул молодой человек, вскочив на ноги и в волнении расхаживая по комнате. Интересно, — он остановился и по-мальчишески смущенно покраснел, — как вы думаете... тетя Рут... будет... очень недовольна?

Джон Пендлетон покачал головой. Что-то похожее на давнюю угрюмость появилось в его глазах.

— Едва ли, мой мальчик. Но... я думаю о себе. Как будет с этим? Если ты ее племянник, кто же тогда я?

— Вы! Неужели вы думаете, есть что-то, что могло бы отодвинуть вас в сторону? — усмехнувшись, с горячностью возразил Джимми. — Об этом можете не тревожиться. Да и она не будет возражать. У нее есть Джейми и... — Он неожиданно остановился; в глазах его был ужас. — Ох! Дядя Джон, я забыл о Джейми. Это будет такой удар... для Джейми!

— Да, я подумал об этом. Но ведь он усыновлен, не так ли?

— Да, но я не об этом... а о том, что он не настоящий Джейми... и он, бедняга, на костылях! Дядя Джон, да это же его убьет! Я слышал, как он об этом говорил; я знаю. И Поллианна, и миссис Кэрю говорили мне, как он уверен, что он тот самый Джейми, и как он счастлив. Я не могу лишить его

этого счастья... Но что я могу поделать?

— Не знаю, мой мальчик. Я не вижу иного выхода для тебя, кроме как сделать то, что ты и делаешь.

Оба долго молчали. Джимми снова нервно расхаживал по комнате. Вдруг он обернулся, лицо его просияло.

— Есть выход, и так я и поступлю! Я знаю, миссис Кэрю согласится. *Мы не скажем !* Мы не скажем никому, кроме самой миссис Кэрю и... и Поллианны и ее тетки. Им мне *придется* сказать, — добавил он, как бы оправдываясь.

— Ты, конечно, скажешь им, мой мальчик. Что же до остального... — Мужчина с сомнением покачал головой.

— Это никого не касается!

— Но помни, ты приносишь значительные жертвы... в ряде отношений. Я хочу, чтобы ты хорошенько все взвесил.

— Взвесил? Я взвесил, сэр, и это пустяки, если на другой чаше весов... Джейми. Я просто не смог бы поступить иначе. Вот и все.

— Я думаю, ты прав, — с чувством заявил Джон Пендлетон. — Более того, я полагаю, миссис Кэрю согласится с тобой, особенно когда будет наконец знать, что настоящий Джейми нашелся.

— Помните, она всегда говорила, что где-то видела меня прежде, — засмеялся Джимми. — Ну, так когда там этот поезд? Я готов.

— Ну, а я — нет, — улыбнулся Джон Пендлетон. — И к счастью для меня, до его отправления еще несколько часов, — заключил он, вставая и выходя из комнаты.

Глава 32

НОВЫЙ АЛАДДИН

Каковы бы ни были приготовления Джона Пендлетона к отъезду — а они были и разнообразными и поспешными, — все они производились открыто, с двумя лишь исключениями. Этими исключениями были два письма — одно, адресованное Поллианне, а другое — миссис Полли Чилтон. Эти письма — вместе с подробными указаниями — были переданы его экономке Сюзан, чтобы та доставила их по назначению после отъезда Пендлетонов. Но обо всем этом Джимми ничего не знал. Поезд приближался к Бостону, когда Джон Пендлетон сказал Джимми:

— Мой мальчик, я попрошу тебя об одном одолжении... или, скорее, о двух. Первое — давай не скажем ничего миссис Кэрю до завтрашнего дня, а второе — позволь мне пойти сначала одному и быть твоим... посланцем, а сам ты появишься на сцене только... ну, скажем, часа в четыре. Ты согласен?

— Конечно, — с готовностью откликнулся Джимми, — и не только согласен, но даже рад. Я все думал, как сделать первый шаг, и очень доволен, что его сделает за меня кто-то другой.

— Отлично! Тогда завтра утром я попробую позвонить... *твоей тете* по телефону и договориться о встрече.

Верный своему обещанию, Джимми появился у особняка лишь в четыре часа следующего дня. Но даже тогда он неожиданно почувствовал такое смущение, что ему пришлось дважды обойти вокруг дома, прежде чем он набрался достаточно смелости, чтобы подняться по широким ступеням и нажать кнопку звонка. Однако, оказавшись в присутствии миссис Кэрю, он скоро стал таким же, как всегда, — так быстро сумела она сделать обстановку непринужденной и с таким тактом вышла из трудной ситуации. Конечно, в самом начале были и слезы, и несвязные восклицания. Даже Джону Пендлетону пришлось торопливой рукой достать из кармана платок. Но вскоре какое-то подобие обычного спокойствия было восстановлено, и только ласковый огонек в глазах миссис Кэрю и восторг счастья в глазах Джимми и Джона Пендлетона остались, чтобы выделить этот случай из ряда обыкновенных.

— И я нахожу, что это так благородно с твоей стороны... по отношению к Джейми! — воскликнула миссис Кэрю, когда они

продолжили разговор. — Да, Джимми (я буду по-прежнему называть тебя Джимми по вполне понятным причинам; к тому же, мне кажется, это имя тебе больше подходит), действительно, ты совершенно прав, что хочешь поступить именно так. Тут и я сама приношу, в определенном смысле, жертву, — с грустью добавила она. — Я с гордостью представила бы тебя всем как моего племянника.

— Конечно, тетя Рут, я... — Сдавленный возглас Джона Пендлетона заставил Джимми умолкнуть. Он увидел, что в дверях стоят Джейми и Сейди Дин. Лицо Джейми было очень бледным.

— *Тетя Рут!* — воскликнул он, переводя испуганный взгляд с нее на Джимми. — Вы хотите сказать...

Вся кровь отлила от лица миссис Кэрю, да и Джимми тоже. Однако вперед бодро выступил Джон Пендлетон.

— Да, Джейми, а почему бы и нет? Я все равно собирался вскоре сказать тебе об этом, так что скажу, пожалуй, прямо сейчас. (Джимми задохнулся от ужаса и торопливо шагнул вперед, но Джон Пендлетон взглядом заставил его молчать.) Не так давно миссис Кэрю сделала меня счастливейшим из людей, ответив «да» на некий вопрос, который я задал ей. Ну, а раз Джимми зовет меня «дядя Джон», почему бы ему не начать сразу же называть миссис Кэрю «тетя Рут»?

— Ах! А-ах! — воскликнул Джейми в явном восхищении, в то время как Джимми, под суровым взглядом Джона Пендлетона, едва ухитрился спасти положение, не выразив своего удивления и восторга. Естественно, что после этого в центре общего внимания оказалась краснеющая миссис Кэрю, и опасный момент остался позади. Только Джимми слышал, как чуть позднее Джон Пендлетон шепнул ему на ухо:

— Так что видишь, юный негодник, я все-таки не потеряю тебя! Теперь ты будешь племянником и ей, и мне!

Еще не отзвучали восклицания и поздравления, когда Джейми, чьи глаза вдруг зажглись новым светом, без предупреждения обернулся к Сейди Дин.

— Сейди, я скажу им все сейчас! — с торжеством объявил он. Жаркий румянец на лице Сейди рассказал историю любви еще прежде, чем нетерпеливые уста Джейми успели произнести слова.

Последовали новые восклицания и поздравления, и каждый смеялся и пожимал руки всем остальным.

Однако довольно скоро Джимми начал смотреть на них всех обиженными и тоскующими глазами.

— Все это очень хорошо для вас , — пожаловался он затем. — У

каждого есть другой. А какое я имею к этому отношение? Впрочем, я могу только заметить, что если бы одна молодая леди, которую я знаю, была здесь, то у меня, возможно, тоже нашлось бы, что сказать вам.

— Минутку, Джимми, — перебил его Джон Пендлетон. — Давайте поиграем в то, что я Аладдин, и дайте-ка мне потереть лампу^[17]. Миссис Кэрю, вы позволите мне позвать Мэри?

— Да, конечно, — пробормотала миссис Кэрю с недоумением, отразившемся и на лицах остальных присутствующих.

Несколько мгновений спустя в дверях стояла Мэри.

— Кажется, я слышал, что сюда только что приехала мисс Поллианна. Это так?

— Да, сэр, она здесь.

— Пожалуйста, попросите ее спуститься к нам.

— Поллианна здесь?! — воскликнул хор удивленных голосов, когда Мэри исчезла. Джимми сильно побледнел, потом сильно покраснел.

— Да, — кивнул Джон Пендлетон. — Вчера я послал ей записку через мою экономку. Я позволил себе пригласить ее сюда на несколько дней, чтобы она могла повидать вас, миссис Кэрю. Я подумал, что девочке нужно отдохнуть и развлечься, а моя экономка получила указания остаться с миссис Чилтон и позаботиться о ней. Я написал записку и самой миссис Чилтон, — добавил он, обернувшись к Джимми с многозначительным взглядом. — Я надеялся, что, прочитав эту записку, она позволит Поллианне приехать. И похоже, она позволила, так как... Поллианна здесь.

И действительно, она стояла в дверях, краснеющая, с сияющими глазами, но вместе с тем немного оробевшая и испуганная.

— Поллианна, дорогая! — Джимми бросился к ней и, без всяких колебаний, схватив в объятия, поцеловал.

— Ох, Джимми, прямо перед всеми этими людьми! — шепотом, смущенно запротестовала она.

— Пф! Да я поцеловал бы тебя, Поллианна, даже прямо посреди Вашингтон-стрит^[18], — клятвенно заверил Джимми. — И уж если на то пошло, взгляни-ка на «всех этих людей» и сама увидишь, стоит ли беспокоиться из-за них. И Поллианна взглянула... и увидела. У одного окна, предусмотрительно повернувшись спиной, стояли Джейми и Сейди Дин, а у другого, так же предусмотрительно повернувшись спиной, — миссис Кэрю и Джон Пендлетон. Поллианна улыбнулась... так мило, что Джимми снова поцеловал ее.

— Ах, Джимми, как все это замечательно и чудесно! — нежно

шепнула она. — И тетя Полли... она теперь обо всем знает; и все в порядке... Я думаю, что в любом случае все было бы в порядке. Она уже начинала так расстраиваться... из-за меня. Теперь она так рада! И я тоже. Ах, Джимми, я теперь рада, *рада* , РАДА всему!

У Джимми захватило дух от безграничного восторга.

— Дай Бог, девочка моя, чтобы так всегда было в твоей жизни, — сказал он прерывающимся от волнения голосом, держа ее в крепких объятиях.

— Я уверена, так и будет! — вздохнула Поллианна с доверчиво сияющими глазами.

notes

Примечания

В Библии рассказано о том, что во время исхода израильтян из Египта, где они были в рабстве. Бог с помощью ветра заставил расступиться перед ними волны Чермного (Красного) моря. Израильтяне перешли на другой берег по сухому дну, но затем вода возвратилась и преследовавшее израильтян войско египетского фараона утонуло (Исход 14: 21-29). — Примеч. пер.

Здание законодательного собрания штата Массачусетс (Бостон — столица этого штата) было возведено в 1795 — 1798 гг. архитектором Ч. Булфинчем; подверглось значительным переделкам в 1889 и 1916 гг. Церковь Олд-Саут, возведенная в 1729 г. и перестроенная в 1789 г., была в период борьбы американских колоний за независимость местом проведения многих патриотических собраний жителей Бостона, выступавших против британской колониальной политики. — Примеч. пер.

«Маленький лорд Фаунтлерой» (1886) — повесть для детей американской писательницы Френсис Бернетт (1849 — 1924). — Примеч. пер.

Король Артур — герой народных преданий кельтских обитателей Уэльса. Легенды о нем и его рыцарях «Круглого стола» легли в основу многих поэтических произведений. Святой Грааль — «чаша причастия», знаменитый талисман, о котором идет речь в легендах. Сэр Ланселот и Гинебра — действующие лица этих легенд. — Примеч. пер.

Леди Ровена и Айвенго — герои рыцарского романа «Айвенго» (1820) английского писателя Вальтера Скотта (1771 — 1832). — Примеч. пер.

Цитата из стихотворения «Скрытые радости» английского поэта и эссеиста Сэмюэля Бланчарда (1804 — 1845). — Примеч. пер.

Шекспир, Уильям (1546 — 1616) — величайший английский драматург.

«Дева озера» (1810) — поэма Вальтера Скотта.

Теннисон, Альфред (1809 — 1892) — английский поэт, автор ряда поэм на сюжет легенд о короле Артуре и рыцарях «Круглого стола».

Пауперизация (от лат. раурег — бедный) — массовое обнищание. —
Примеч. пер.

«Чудище с зелеными глазами» — ревность; выражение, созданное английским драматургом Уильямом Шекспиром в его трагедии «Отелло». — Примеч. пер.

Банкер-Хилл — холм, на котором находится гранитный обелиск, возведенный в память о произошедшем здесь 17 июня 1775 г. сражении между английским гарнизоном Бостона и революционными американскими войсками. С холма открывается величественная панорама Бостона и его окрестностей. — Примеч. пер.

Поллианна искажает и неправильно употребляет слово «пауперизировать».

«Парсифаль» (1882) — опера-мистерия немецкого композитора Рихарда Вагнера (1813 — 1883) на сюжет легенд о короле Артуре и Святом Граале. — Примеч. пер.

Массачусетский технологический институт был основан в 1861 г.; до 1910 — 1912 гг. занимал несколько зданий в Бостоне, затем был переведен в Кембридж, штат Массачусетс. — Примеч. пер.

Герой сказки «Аладдин и волшебная лампа» («Тысяча и одна ночь») тер свою лампу, чтобы вызвать джинна, исполнявшего все желания. — Примеч. пер.

Вашингтон-стрит — центральная улица Бостона. — Примеч. пер.